

Главный редактор

Л. В. Шкваря, д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: destard@rambler.ru

Заместитель главного редактора

С. Ю. Муртузалиева, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Председатель редакционного совета

А. В. Шишкин, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры маркетинга Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Редакционный совет

Р. С. Гринберг, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Москва, Россия
E-mail: grinberg@inecon.ru

М. В. Кулаков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

Н. Н. Неновски, д-р экон. наук, профессор Университета Пикардии имени Жюль Верна, член Правления Болгарского национального банка, Амьен, Франция,
E-mail: nenovsky@gmail.com

А. А. Праневич, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского Государственного экономического университета, Минск, Беларусь
E-mail: pranevich@bseu.by

В. А. Шлямин, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института североамериканских исследований Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия
E-mail: shlyamin@petrsu.ru

Б. Д. Хусайнов, д-р экон. наук, профессор, академик Казахской национальной академии естественных наук, Алматы, Казахстан
E-mail: bkhusainov@gmail.com

Хэ Минцзюнь, канд. экон. наук, старший преподаватель Куньминского университета науки и техники, Куньмин, КНР
E-mail: sldj2005@163.com

О. А. Ястребов, д-р экон. наук, профессор, ректор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: rector@rudn.ru

Chief Editor

L. V. Shkvaryay, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: destard@rambler.ru

Deputy Editor-in-Chief

S. V. Murtuzalieva, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Chairman of the Council

A. V. Shishkin, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Marketing Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Editorial Council

R. S. Grinberg, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: grinberg@inecon.ru

M. V. Kulakov, D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Laboratory Studying Social and Economic Problems of Developing Countries, of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

N. N. Nenovsky, D. Sc. (Economics), Professor of the University of Picardie Jules Verne, Member of the Board of the Bulgarian National Bank, Amiens, France
E-mail: nenovsky@gmail.com

A. A. Pranevich, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus
E-mail: pranevich@bseu.by

V. A. Shlyamin, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Nordic Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
E-mail: shlyamin@petrsu.ru

B. D. Khusainov, D. Sc. (Economics), Professor, Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Sciences, Almaty, Kazakhstan
E-mail: bkhusainov@gmail.com

He Mingjun, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Kunming University of Science and Technology, Kunming, China
E-mail: sldj2005@163.com

O. A. Yastrebov, D. Sc. (Law, Economics), Rector of the RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: rector@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Р. Бышарова, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

Т. В. Воронина, д-р экон. наук, доцент,
заведующая кафедрой «Мировая экономика
и международные отношения» Южного
федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: tvoronina@sfedu.ru

Н. В. Захарова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

С. В. Иванова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

Л. Константи, д-р экон. наук, профессор,
Американский университет
в Центральной Азии, Бишкек, Киргизия
E-mail: konstants_l@auca.kg

Т. И. Кузьмина, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

Л. Ф. Лебедева, д-р экон. наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, руководитель центра социально-
экономических исследований Института США
и Канады РАН, Москва, Россия
E-mail: liudran@mail.ru

Д. В. Муха, канд. экон. наук, доцент,
директор ГНУ «Институт экономики НАН
Беларуси», Минск, Беларусь
E-mail: mukha@economics.basnet.by

Г. В. Подбиралина, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

И. А. Родионова, д-р геогр. наук, профессор,
главный научный сотрудник АО ЦНИИ
«Электроника», Москва, Россия
E-mail: iarodionova@mail.ru

А. В. Рыжак, д-р техн. наук, профессор,
профессор кафедры товароведения
и товарной экспертизы Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

Е. Д. Фролова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры международной экономики
и менеджмента Уральского федерального
университета, Екатеринбург, Россия
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

EDITORIAL BOARD

A. R. Byasharova, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

T. V. Voronina, D. Sc. (Economics), Associate
Professor, Head of the World Economy
and International Economic Relations Department
of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tvoronina@sfedu.ru

N. V. Zakharova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

S. V. Ivanova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

L. Konstants, D. Sc. (Economics), Professor
of the American University of Central Asia,
Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: konstants_l@auca.kg

T. I. Kuzmina, D. Sc. (Economics),
Professor, Professor of the World Economy
Department of the Plekhanov Russian University
of Economics, Moscow, Russia
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

L. F. Lebedeva, D. Sc. (Economics), Professor, Honored
Worker of Science of the Russian Federation,
Head of the Social and Economic Research Center
of the Institute for US and Canadian Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: liudran@mail.ru

D. V. Mukha, PhD (Economics), Associate Professor,
Director of the Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: mukha@economics.basnet.by

G. V. Podbiralina, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

I. A. Rodionova, D. Sc. (Geography), Professor,
Chief Researcher of JSC Central Research Institute
"Electronics", Moscow, Russia
E-mail: iarodionova@mail.ru

A. V. Ryzhakova, D. Sc. (Technology), Professor,
Professor of the Commodity Science and commodity
Examination Department of the Plekhanov Russian
University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

E. D. Frolova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the Department of International
Economics and Management
of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

Содержание

Мировое экономическое развитие. Глобальные проблемы

<i>Шкваря Л. В.</i> Декарбонизация как глобальная тенденция и ее основные характеристики	5
<i>Давтян М. А.</i> Направления и этапы цифровизации финансового рынка России в контексте опыта зарубежных стран	17

Международные экономические отношения

<i>Ван Цзилу.</i> Газовое сотрудничество Китая и России в условиях санкционной политики Запада: будущие перспективы и выбор стран-посредников	26
<i>Цзынань Ли, Лылова Е. В.</i> Достижения, вызовы и пути развития российско-китайского энергетического сотрудничества.....	34
<i>Дмитриева К. Е.</i> Понятие нерыночной экономики в контексте антидемпинговых мер.....	51
<i>Линецкий А. Ф.</i> Экономическая интеграция в ЕАЭС в условиях роста глобальной нестабильности и направления ее трансформации.....	66

Мировое хозяйство

<i>Чапичев М. Д.</i> Проблемы фермерских хозяйств стран Северной и Восточной Африки в условиях зависимости от импорта: классификационный подход.....	80
--	----

Международная торговля

<i>Соловьёва Ю. В.</i> Международные стандарты электронной коммерции и факторы ее глобального развития.....	94
<i>Никонорова А. А., Лучкин А. Г., Свиридова Ю. А.</i> Таможенные аспекты противодействия обороту контрафактной продукции.....	114

Мировые инвестиционные процессы

<i>Ларионов А. С.</i> Сравнительный анализ факторов израильской модели привлечения венчурных инвестиций применительно к малым странам мира по географическим кластерам.....	129
<i>Назаров С. М.</i> Значение международного банковского регулирования для развития мировой экономики.....	150
<i>Шустров М. А.</i> Прямые иностранные инвестиции города Москвы: динамика развития и актуальные тренды	166

Contents

Global Economic Development. Global Economic Problems

- Shkvarya L. V.* Decarbonization as a Global Trend
and Its Main Characteristics..... 5
- Davtyan M. A.* Directions and Stages
of Digitalization of the Russian Financial Market
in the Context of the Experience of Foreign
Countries..... 17

International Economic Relations

- Wang Ji Lu.* Gas Cooperation between China
and Russia in the Context of Western Sanctions
Policy: Future Prospects and the Choice
of Intermediary Countries 26
- Zinan Li, Lylova E. V.* Achievements, Challenges
and Ways to Develop Russian-Chinese Energy
Cooperation..... 34
- Dmitrieva K. E.* The Notion of a Non-Market
Economy in the Context of Anti-Dumping
Measures..... 51
- Linetsky A. F.* Economic Integration in the EAEU
in the Context of Growing Global Instability
and the Direction of Its Transformation..... 66

World Economy

- Chapichev M. D.* Problems of Farmers
in the Countries of North and East Africa
Under Import Dependence: Classification 80

International Trade

- Solovieva Y. V.* International e-Commerce Standards
and Factors of Its Global Development..... 94
- Nikonorova A. A., Luchkin A. G., Sviridova J. A.*
Customs Aspects of Countering the Turnover
of Counterfeit Products..... 114

Global Investment Processes

- Larionov A. S.* Comparative Analysis of Factors
of the Israeli Model of Attracting Venture Capital
Investments as Applied to Small World Countries
by Geographical Clusters..... 129
- Nazarov S. M.* The Importance of International
Banking Regulation for the Development
of the Global Economy..... 150
- Shustrov M. A.* Foreign Direct Investment
of Moscow: Dynamics and Current Trends..... 166

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА Т. 11, № 3 (43) 2025

Ответственный
секретарь **Е. В. Золотова**

Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки
Ю. С. Жигалова

Адрес редакции:
109992, Москва,

Стремянный пер., 36.

Тел. **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mttp@rea.ru**

Подписано в печать 12.09.2025.

Формат 70 x 108 1/16.

Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.

Уч.-изд. л. 13,33.

Тираж 1 000 экз.

Заказ .

Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова».
115054, Москва,

Стремянный пер., 36.

INTERNATIONAL TRADE AND TRADE POLICY Vol. 11, № 3 (43) 2025

Executive Secretary
E. V. Zolotova

Editor **T. L. Savel'eva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

Tel.: **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mttp@rea.ru**

Signed for print: 12.09.2025.

Format 70 x 108 1/16.

Printed sheets 11,75.

Conv. sheets 16,45.

Publ. sheets 13,33.

Circulation 1,000.

Order

Free price.

Printed in Plekhanov
Russian University
of Economics.
36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-5-16>

ДЕКАРБОНИЗАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Л. В. Шкваря

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Актуальность исследования процессов и проблем декарбонизации как все более широко распространяющейся глобальной тенденции развития предопределяется целым рядом факторов – экологических, экономических, социальных, технико-технологических, финансовых и международных. Исследование этого процесса актуализируется также в связи с ростом глобальной нестабильности и во многом выступает ее катализатором. Автор обращает внимание на взаимосвязи между устоявшимися в мире интересами в сфере ископаемого топлива и необходимостью борьбы с изменением климата, в связи с чем понятие климатического риска приобретает все большее значение. Автор приходит к выводу о том, что политика декарбонизации выступает инструментом для достижения устойчивого будущего, в фокусе которого находятся глобальные и местные цели в области охраны окружающей среды, борьбы с изменением климата и улучшения качества жизни населения. Основными задачами политики декарбонизации являются снижение углеродных выбросов, переход к возобновляемым источникам энергии, оптимизация энергетической эффективности и трансформация транспортных и промышленных секторов, что требует инновационных подходов и активного участия всех слоев общества (включая международное взаимодействие). Кроме того, сделан вывод о том, что России и в целом странам ЕАЭС важно обращать больше внимания на формирование и реализацию политики декарбонизации, в том числе как направление интеграционного сотрудничества.

Ключевые слова: мировая экономика, глобальное изменение климата, антропогенная деятельность, климатические риски, энергетический переход.

DECARBONIZATION AS A GLOBAL TREND AND ITS MAIN CHARACTERISTICS

Lyudmila V. Shkvarya

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The relevance of studying the processes and problems of decarbonization as an increasingly widespread global development trend is determined by a number of factors – environmental, economic, social, technical, technological, financial and international. Research on this process is also becoming relevant due to the growing global instability and in many ways acts as its catalyst. The author draws attention to the relationship between the world's established interests in the field of fossil fuels and the need to combat climate change, and therefore the concept of

climate risk is becoming increasingly important. The author concludes that decarbonization policy is a tool for achieving a sustainable future, which focuses on global and local goals in the field of environmental protection, combating climate change and improving the quality of life of the population. The main objectives of the decarbonization policy are to reduce carbon emissions, transition to renewable energy sources, optimize energy efficiency and transform the transport and industrial sectors, which requires innovative approaches and active participation of all sectors of society (including international cooperation). In addition, it is concluded that it is important for Russia and the EAEU countries as a whole to pay more attention to the formation and implementation of a decarbonization policy, including as a direction of integration cooperation.

Keywords: world economy, global climate change, anthropogenic activity, climate risks, energy transition.

Введение

Тема декарбонизации становится все более актуальной в контексте глобальных изменений климата и необходимости снижения выбросов парниковых газов, которые ведут к росту температуры на всей планете [15].

Мировая экономика, особенно государства с высоким уровнем выбросов CO₂, сталкиваются с проблемами в реализации стратегий декарбонизации. Быстрое развитие нефтяной и газовой отрасли, энергетическая зависимость от углеводородов и недостаточная диверсификация экономики делают мир уязвимым и актуализируют современные требования по снижению углеродных эмиссий [13]. Несомненно, изучение проблем и перспектив декарбонизации обладает высокой актуальностью в научном и бизнес-сообществе, так как вопросы декарбонизации для стран, ориентированных на традиционные источники энергии, остаются приоритетными.

Ключевой аспект декарбонизации в сегодняшнем мире – необходимость изменения подходов к энергетической политике и модернизация индустриальной базы [6]. Ресурсы возобновляемой энергии (ВИЭ) пока не являются доминирующими. Вопросы, с которыми сталкивается мировое сообщество в данной сфере, включают технические, экономические проблемы и социальные – необходимость изменения мышления населения и представителей бизнеса, особенно крупных корпораций, а также повышение осведомленности о компонентах устойчивого развития [14]. Проблемы инерции в принятии решений и отсутствие предметно определенных стратегий декарбонизации при таком подходе замедляют принятие прогрессивных решений.

Вопросами процесса декарбонизации занимались многие отечественные и зарубежные исследователи, среди которых Р. А. Алиев, А. Иванов, В. В. Еремин, М. В. Жариков, Т. Ланьшина, С. О. Лазовский, А. Ф. Мудрецов, Б. Н. Порфирьев, А. Б. Шаповалова и др.

Цель данного исследования – охарактеризовать декарбонизацию как глобальную тенденцию. Теоретическая значимость исследования состоит в обобщении существующих мнений в отечественном и зарубежном научном сообществе по поводу декарбонизации, подкрепленных собственным анализом автора, проведенном на примере процесса декарбонизации в Иране.

Результаты исследования

Декарбонизация как глобальная тенденция подразумевает снижение выбросов углекислого газа (на единицу ВВП, если речь об экономике в целом, или на единицу вырабатываемой энергии, если речь об энергетической системе). Необходимость декарбонизации связана с обострением экологической и климатической ситуации в мире и возникновением угроз для флоры, фауны, а также для человека. Эффект глобального изменения климата связывают с ростом концентрации CO_2 в атмосфере. Рост содержания CO_2 в атмосфере был вызван началом индустриальной революции, когда основным энергоносителем стал уголь.

Актуальность декарбонизации выросла после вступления в силу Парижского соглашения по климату в 2016 г. (подписано в 2015 г.) [16]. Парижское соглашение, ратифицированное 175 странами, направлено на то, чтобы снизить глобальное повышение температуры на уровень 2°C выше доиндустриального уровня.

История мировых погодных наблюдений, которая документируется с 1750 г., показывает нарастающую угрозу изменения климата, обусловливаемую ростом выбросов парниковых газов. Парниковые газы имеют решающее значение для формирования климата Земли благодаря своим свойствам, задерживающим тепловое излучение, но их чрезмерная концентрация в атмосфере, вызванная антропогенной деятельностью, приводит к негативным экологическим последствиям [2]. В доиндустриальную эпоху уровень парниковых газов оставался относительно сбалансированным благодаря естественным процессам, но с ростом промышленности и интенсивной урбанизации такая стабильность оказалась нарушенной. Человечество создало условия, при которых температура на планете постепенно повышается до опасных уровней, что в свою очередь приводит к изменению климата, проявляющемуся в виде экстремальных погодных явлений, повышения уровня моря, изменения экосистем и угрозы безопасности пищевых ресурсов. Некоторые парниковые газы (в основном – углекислый газ) способны сохраняться в атмосфере на протяжении десятков и даже сотен лет, что усугубляет ситуацию [7].

В рейтинг самых загрязненных выбросами городов в 2024 г. [19] вошли преимущественно быстрорастущие города стран Азии. Это под-

тверждает точку зрения о взаимосвязи промышленного развития, урбанизации и уровня экологического загрязнения.

Урбанизация, являясь одной из основных тенденций XXI в., поставила перед городами как крупными центрами жизни человечества и инноваций целый ряд задач, но и создала ряд новых возможностей. По прогнозам ЮНКТАД, к 2050 г. около 2/3 населения мира будут жить в городах. В связи с этим обостряется задача создания устойчивых, комфортных и функциональных пространств для жизни. Отметим, что городу отводится центральная роль в процессе адаптации к новым условиям, включая трансформацию энергетического ландшафта, которая происходит под влиянием декарбонизации, технологических изменений и социально-политических факторов (т. е. энергетическому переходу).

Научные исследования указывают на то, что энергетические переходы (в настоящее время мир переживает четвертый энергетический переход, который связан именно с процессом декарбонизации) – довольно сложные процессы, в которых взаимодействуют технологические, экономические, культурные, исторические, политические и этические компоненты [5], что требует их комплексного изучения.

Исследования в области политики и управления энергетическими переходами демонстрируют взаимосвязь между устоявшимися интересами в сфере ископаемого топлива и необходимостью борьбы с изменением климата [9]. Такой подход подразумевает анализ преемственности и динамики изменений в политике, приобретая повышенную актуальность на фоне активизации децентрализованных движений за чистую энергию, которые, согласно Е. Регули, способны на расширение гражданского влияния, а также на разрушение существующих энергетических режимов [18]. Геополитические и геоэкономические аспекты, рассматриваемые Х. Лауреном, оказывают влияние на текущие процессы, создавая новые взаимозависимости и торговые модели, что ставит перед странами, избирающими путь к возобновляемым источникам энергии, новые проблемы. Социальные аспекты – общественное отношение и культурные нормы – обеспечивают формирование конструктивных путей энергетического перехода [17]. Этот путь необходим для уменьшения климатической и экологической угроз.

Накопленные данные свидетельствуют о постепенном увеличении средней температуры Земли, и только недавно стало очевидно, что повышение температуры связано с человеческой деятельностью, неуклонно усугубляющей климатические условия планеты. Некоторыми авторами отмечается, что с начала тысячелетия наблюдается резкий рост числа метеорологических катастроф – ураганов, пожаров и наводнений, количество которых в два раза превышает аналогичные показатели предыдущих двух десятилетий (конца XX в.). Такие тревожные изменения требуют мо-

билизации международных усилий для сокращения выбросов, перехода к устойчивым источникам энергии и активного внедрения адаптивных стратегий, направленных на минимизацию последствий изменений климата [11].

Все более тревожные прогнозы, касающиеся воздействия изменения климата и неизбежных последствий, связанных с повышением температуры на Земле, подтверждают, что декарбонизация – не просто необходимость, а вопрос выживания всего человечества. Многие инициативы (к примеру, программа Race to zero и Парижское соглашение по климату) демонстрируют растущее понимание глобальной угрозы, исходящей от выбросов парниковых газов, и привлекают внимание к необходимости совместных усилий всех стран для достижения устойчивого будущего. Р. А. Алиев отмечает, что установление углеродных налогов и систем квотирования – первые, но крайне важные шаги в созидательном процессе, направленном на сокращение углеродного следа и восстановление экологического баланса. Согласно данным статистики, если человечество не изменит свое отношение к производству и потреблению (на данный момент в мировом сообществе продвигается идея о стремлении к нулевым выбросам к 2050 г.), то к концу XXI в. из-за изменений климата ему грозит потеря многих территорий и целых экосистем (безопасности продовольствия и национальных экономик) [3].

Обширные исследования, проведенные Ч. Килингом и другими участниками Всемирной климатической конференции 1979 г., стали основой для научного понимания взаимосвязи между хозяйственной деятельностью человека и изменениями климата. Мониторинг концентрации углекислого газа на Гавайях продемонстрировал тенденцию к его увеличению, что совпало с ростом сжигания ископаемого топлива по всему миру. Прогнозы, касающиеся значительного потепления к началу XXI в., подтвердили данные о влиянии повышенной концентрации углекислого газа на среднюю глобальную приземную температуру, включая результаты измерений из кернов льда, полученных на станции Восток в Антарктиде.

Изменение климата стало одной из наиболее острых глобальных проблем современности, инициированной интенсивной хозяйственной деятельностью человека, что привело к необходимости совместной работы в международном формате, в частности, через создание Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) и Рамочной конвенции ООН по изменению климата. Это стало первым шагом к структурированному реагированию на данную угрозу. Подписанная в 1992 г. и вступившая в силу в 1994 г. Рамочная конвенция стала основой для дальнейших международных переговоров, направленных на снижение выбросов парниковых газов и устойчивое развитие. Такие ме-

ханизмы, как системы торговли выбросами, внедренные в ЕС с 2005 г., стимулируют страны и компании к разработке стратегий, уменьшающих углеродный след. Однако растущая обеспокоенность общества в отношении состояния климата подчеркивает потребность в систематическом наблюдении и оценке изменений, которые включают статистические данные о средних значениях и изменчивости климатических свойств, преимущества сотрудничества, направленного на защиту общей экологической безопасности и устойчивое развитие человека [10].

В условиях глобального изменения климата и его последствий понятие климатического риска приобретает все большее значение, особенно для сырьевых компаний с высокой углеродоемкостью, которые сталкиваются с ужесточением экологического законодательства и растущими требованиями со стороны общества. Несмотря на отсутствие четко установленной терминологии и канонизации понятия «климатический риск» в праве многих государств (включая Российскую Федерацию), его активное использование в международной практике и специализированной литературе отражает необходимость признания и оценки данного риска. В отличие от экологического риска, который четко определен в законодательстве как вероятность неблагоприятных последствий для окружающей среды, климатический риск требует системного подхода, так как он затрагивает вопросы охраны экологии, влияя на бизнес-модели, устойчивость компаний и их социальную ответственность [1].

Климатическая доктрина Российской Федерации, принятая в 2009 г., и создание Зеленого климатического фонда в 2010 г. стали первыми шагами на пути к институционализации низкоуглеродного развития и борьбе с климатическими рисками. Данные инициативы отражают глобальную мобильность и необходимость совместных действий в условиях уже ощутимых температурных изменений, определяемых Парижским соглашением, целью которого является сдерживание роста глобальной температуры в пределах безопасных границ. Обязательства развитых стран, изложенные в соглашении, продемонстрировали коллективное стремление к обеспечению поддержки развивающихся государств для смягчения последствий климатических изменений и адаптации к ним. Ратификация данного соглашения более чем 180 участниками, включая страны с наибольшими парниковыми выбросами, подтверждает потребность в глобальном подходе к решению климатических проблем [8].

Как отмечено в докладе МГЭИК 2018 г., государства должны стремиться к усиленному сокращению антропогенных выбросов углекислого газа для достижения целей по сдерживанию глобального потепления, что ставит страны перед вызовом, требующим скоординированных действий. Для ограничения роста температуры до 2 °С, как считают специалисты в области экологии, необходимо сокращение выбросов на 20% к 2030 г. с

последующим полным выводом их к 2075 г., а при ориентире на 1,5 °C требуется еще более строгий контроль – сокращение выбросов на 40–60% к тому же сроку с достижением нулевого баланса к 2050 г. В связи с этим более чем 190 стран уже представили свои предварительные оценки вкладов в смягчение климатических изменений через Индивидуальные национально определенные вклады (INDC), среди которых выделяются и развитые, и развивающиеся государства, включая Россию, что свидетельствует о глобальной осведомленности и обязательствах в области декарбонизации. Долгосрочные стратегии низкоуглеродного развития, оформленные в законодательные акты рядом стран, таких как США, Канада и Германия, акцентируют необходимость интеграции экологической устойчивости в национальные приоритеты и подчеркивают общую ответственность мирового сообщества за противодействие негативным последствиям изменения климата [4].

Из анализа данных по выбросам углекислого газа за указанный период следует, что, несмотря на стабильность уровней выбросов ископаемых видов топлива в 2014–2016 гг., в 2017 г. произошел рост на 1,2%, достигая пикового значения в 2018 г. на уровне 33,14 гигатонн в год, что указывает на продолжающийся рост углеродной зависимости мировой экономики. С 2000 по 2019 г. среднегодовой темп роста выбросов составил 2%, что подчеркивает необходимость более серьезного внимания к мерам по сокращению углеродного следа. Основной вклад в высвобождение CO₂ в рамках ТЭК вносит производство электроэнергии и тепла, на долю которого приходится 72,6% всех выбросов, тогда как производство, транспортировка топлива и нефтепереработка занимают 17,1% и 9,1% соответственно [12].

По мнению специалистов, климатические риски играют роль в функционировании и развитии топливно-энергетического комплекса (ТЭК), затрагивая все его составляющие и требуя от отрасли адаптации к конкретным метеорологическим условиям и экстремальным явлениям. Каждая область, от добычи нефти и газа до атомной и ветровой энергетики, испытывает специфические вызовы, основанные на климатических индикаторах (количество грозных дней, температура воздуха, скорость ветра и даже условия видимости), что говорит о необходимости устойчивого подхода к планированию и эксплуатации энергетических объектов. Переход к низкоуглеродной экономике отвечает на актуальные вызовы изменения климата и служит стимулом для внедрения инновационных технологий и методов управления рисками через повышение устойчивости ТЭК к потенциальным климатическим угрозам [1].

Заключение

Понятие «декарбонизация» постепенно сформировалось в контексте глобальных усилий по борьбе с изменением климата для обозначения процесса снижения выбросов углекислого газа и других парниковых газов в атмосферу, который стал особенно актуальным с принятием международных соглашений. Данный термин охватывает широкий спектр стратегий, включая переход на возобновляемые источники энергии, улучшение энергоэффективности, развитие углеродных технологий улавливания и хранения, внедрение новых экологически чистых методов производства и потребления. Декарбонизация стала неотъемлемой частью климатической политики и приоритетным аспектом устойчивого развития и экономической трансформации, побуждая государства, компании и отдельных потребителей на пересмотр подходов к ресурсопользованию и внесению изменений в привычные модели поведения.

Политика декарбонизации выступает инструментом для достижения устойчивого будущего, в фокусе которого находятся глобальные и местные цели в области охраны окружающей среды, борьбы с изменением климата и улучшения качества жизни населения. Основными задачами политики декарбонизации являются снижение углеродных выбросов, переход к возобновляемым источникам энергии, оптимизация энергетической эффективности и трансформация транспортных и промышленных секторов, что требует инновационных подходов и активного участия всех слоев общества (включая международное взаимодействие). Актуальность декарбонизации обусловлена проблемой климатических изменений, необходимостью выполнения международных обязательств и сильным влиянием экологических факторов на экономическое развитие и геополитическую устойчивость.

Методы реализации стратегий декарбонизации на международной арене представляют собой завершение комплексного подхода к решению проблемы изменения климата, обеспечивая синхронное взаимодействие между государствами, частным сектором и научным сообществом, подразумевая внедрение углеродного налога, создание углеродных рынков и инвестиции в возобновляемые источники энергии, что способствует снижению выбросов парниковых газов и делает энергетику более устойчивой. В данном случае международное сотрудничество в области передачи технологий, обмена знаниями и финансовой помощи, особенно для развивающихся стран, является необходимым элементом декарбонизации.

Список литературы

1. *Алиев Р. А., Захарчева К. С.* Предпосылки и сравнительный анализ развития возобновляемых источников энергии нефтегазодобывающими

компаниями // Вестник евразийской науки. – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 78–85.

2. Алиев Р. А., Захарчева К. С. Изменения в соотношении генерирующих мощностей в странах мира: от ископаемого топлива к альтернативной энергетике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2. – С. 8–17.

3. Алиев Р. А., Захарчева К. С. ВИЭ: в тренде и противофазе // Нефть и капитал. – 2018. – № 9. – С. 52–58.

4. Декарбонизация нефтегазовой отрасли: международный опыт и приоритеты России. – URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Decarbonization_of_oil_and_gas_RU_22032021.pdf

5. Еремин В. В. Четвертый энергетический переход – барьеры и пути преодоления // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 35–45. – DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-35-45

6. Жариков М. В. Цена декарбонизации мировой экономики // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 40–47.

7. Иванов А., Матвеев И. Мировая энергетика на рубеже второго десятилетия нынешнего века // Глобальные проблемы. – 2011. – № 13 (18). – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2011-03/a-s-ivanov-i-e-matveev>

8. Колбина Л. Уголь на ветер // Эксперт Урал. – 2019. – № 42 (810). – URL: <https://expert.ru/ural/2019/42/ugol-na-veter/>

9. Лазовский С. О. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций. Анализ и прогноз // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 1. – С. 81–93.

10. Ланьшина Т. Корпоративная энергетическая революция: как корпорации переходят на возобновляемую энергетику // Экология и право. – 2019. – № 3. – С. 56–69.

11. Мудрецов А. Ф., Авраменко А. А., Тулупов А. С. Эколого-экономическая политика на современном этапе // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2019. – № 12. – С. 280–285.

12. Конопляник А. Декарбонизация газовой отрасли в Европе и перспективы для России // Нефтегазовая вертикаль. – URL: <https://ngv.ru/articles/dekarbonizatsiya-gazovoy-otrasli-v-evrope-i-perspektivy-dlya-rossii/>

13. Порфирьев Б. Н. Декарбонизация versus – адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4 (193). – С. 45–54.

14. Шаповалова А. Б. Декарбонизация экономических систем // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2022. – № 3 (42). – С. 40–47. – DOI: 10.21777/2587-554X-2022-3-40-47

15. Шкваря Л. В., Сергеева Д. Р. Декарбонизация экономики: теоретические аспекты // Россия и Азия. – 2025. – № 1 (31). – С. 48–59.

16. 175 стран подписали Парижское соглашение по климату. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3233294>

17. Lauren H. Does the Stock Market Value Inclusion on a Sustainability Index? An Event Study Using the Dow Jones Sustainability North America Index. – URL: https://crossworks.holycross.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1002&context=econ_stu_scholarship

18. Reguly E. Corporate knights. A tale of transformation: the Danish company that went from black to green energy. – URL: <https://www.corporateknights.com/channels/climate-and-carbon/black-green-energy-15554049/>

19. The Most Polluted Cities in 2024 (according to data obtained from more than 80,000 data collection points). – URL: <https://www.iqair.com/ru/world-most-polluted-cities>

References

1. Aliev R. A., Zakharcheva K. S. Predposylki i sravnitelniy analiz razvitiya vozobnovlyaemykh istochnikov energii neftegazodobyvayushchimi kompaniyami [Prerequisites and Comparative Analysis of the Development of Renewable Energy Sources by Oil and Gas Producing Companies]. *Vestnik evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 78–85. (In Russ.).

2. Aliev R. A., Zakharcheva K. S. Izmeneniya v sootnoshenii generiruyushchikh moshchnostey v stranakh mira: ot iskopaemogo topliva k a'ternativnoy energetike [Changes in the Ratio of Generating Capacities in the Countries of the World: from Fossil Fuels to Alternative Energy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics], 2017, No. 2, pp. 8–17. (In Russ.).

3. Aliev R. A., Zakharcheva K. S. VIE: v trende i protivofaze [Renewable Energy Sources: in Trend and Out of Phase]. *Neft i kapital* [Oil and Capital], 2018, No. 9, pp. 52–58. (In Russ.).

4. Dekarbonizatsiya neftegazovoy otrasli: mezhdunarodniy opyt i priority Rossii. [Decarbonization of the Oil and Gas Industry: International Experience and Priorities of Russia]. (In Russ.). Available at: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Decarbonization_of_oil_and_gas_RU_22032021.pdf

5. Eremin V. V. Chetvertiy energeticheskiy perekhod – barery i puti preodoleniya [The Fourth Energy Transition – Barriers and Ways to

Overcome]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 35–45. – (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-35-45

6. Zharikov M. V. Tsena dekarbonizatsii mirovoy ekonomiki [The Price of Decarbonization of the World Economy]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2021, Vol. 14, No. 4, pp. 40–47. (In Russ.).

7. Ivanov A., Matveev I. Mirovaya energetika na rubezhe vtorogo desyatiletia nyneshnego veka [World Energy at the Turn of the Second Decade of the Present Century]. *Globalnye problemy* [Global problems], 2011, No. 13 (18). (In Russ.). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2011-03/a-s-ivanov-i-e-matveev>

8. Kolbina L. Ugol na veter [Coal for the Wind]. *Ekspert Ural* [The Ural expert], 2019, No. 42 (810). (In Russ.). Available at: <https://expert.ru/ural/2019/42/ugol-na-veter/>

9. Lazovskiy S. O. Ekonomicheskaya situatsiya v Irane v usloviyakh amerikanskikh sanktsiy. Analiz i prognoz [The Economic Situation in Iran in the Context of American sanctions. Analysis and Forecast]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2020, No. 1, pp. 81–93. (In Russ.).

10. Lanshina T. Korporativnaya energeticheskaya revolyutsiya: kak korporatsii perekhodyat na vozobnovlyaemuyu energetiku [Corporate Energy Revolution: How Corporations Are Switching to Renewable Energy]. *Ekologiya i pravo* [Ecology and Law], 2019, No. 3, pp. 56–69. (In Russ.).

11. Mudretsov A. F., Avramenko A. A., Tulupov A. S. Ekologo-ekonomicheskaya politika na sovremennom etape [Ecological and Economic Policy at the Present Stage]. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation], 2019, No. 12, pp. 280–285. (In Russ.).

12. Konoplyanik A. Dekarbonizatsiya gazovoy otrasli v Evrope i perspektivy dlya Rossii [Ecological and Economic Policy at the Present Stage]. *Neftgazovaya vertical* [Oil and gas vertical]. (In Russ.). Available at: <https://ngv.ru/articles/dekarbonizatsiya-gazovoy-otrasli-v-evrope-i-perspektivy-dlya-rossii/>

13. Porfirev B. N. Dekarbonizatsiya versus-adaptatsiya ekonomiki k klimaticheskim izmeneniyam v strategii ustoychivogo razvitiya [Decarbonization of Anti-Adaptogens with Clinical Application in the Strategy of Sustainable Development]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems are Spreading], 2022, No. 4 (193), pp. 45–54. (In Russ.).

14. Shapovalova A. B. Dekarbonizatsiya ekonomicheskikh sistem [Decarbonization of Economic Systems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Encyclopedia and Management], 2022, No. 3 (42), pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.21777/2587-554X-2022-3-40-47

15. Shkvarya L. V., Sergeeva D. R. Dekarbonizatsiya ekonomiki: teoreticheskie aspekty [Decarbonization of Economics: Theoretical Aspects]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025, No. 1 (31), pp. 48–59. (In Russ.).

16. 175 stran podpisali Parizhskoe soglasenie po klimatu. [175 Countries Have Signed the Paris Climate Agreement]. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/3233294>

17. *Lauren H.* Does the Stock Market Value Inclusion on a Sustainability Index? An Event Study Using the Dow Jones Sustainability North America Index. – URL: https://crossworks.holycross.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1002&context=econ_stu_scholarship

18. *Reguly E.* Corporate knights. A tale of transformation: the Danish company that went from black to green energy. – URL: <https://www.corporateknights.com/channels/climate-and-carbon/black-green-energy-15554049/>

19. The Most Polluted Cities in 2024 (according to data obtained from more than 80,000 data collection points). – URL: <https://www.iqair.com/ru/world-most-polluted-cities>

Поступила: 27.01.2025

Принята к печати: 03.09.2025

Сведения об авторе

Людмила Васильевна Шкваря
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

Information about the author

Lyudmila V. Shkvarya
Doctor of Economic Sciences,
Professor, Professor of the Department
of World Economics of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992,
Russian Federation.
E-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

DOI: <http://x.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-17-25>

НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. А. Давтян

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

В условиях дестабилизации глобального экономического и политического пространства, санкционной войны со стороны западных стран против многих государств мира, включая Российскую Федерацию, негативно влияющей на все сферы хозяйственной деятельности – национальной и мировой – и повсеместного распространения цифровых технологий, уязвимых к техническим и иным вызовам, актуализируется задача обеспечения национальной безопасности, в том числе ее финансового рынка. В статье представлен анализ современного уровня цифровизации и обеспечения безопасности российского финансового рынка в сравнении с зарубежными характеристиками. Показано, что на финансовом рынке Российской Федерации в соответствии с мировыми тенденциями внедрен ряд передовых финансовых технологий благодаря формированию законодательных, институциональных, технических, кадровых и других факторов. Однако на национальном финансовом рынке в связи с продолжающейся его цифровизацией сохраняются (и/или могут возникнуть под влиянием экстерналий) некоторые проблемы и противоречия, требующие пристального внимания к их решению со стороны государства и бизнеса, в том числе и в сфере цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые финансовые технологии, цифровой рубль, денежно кредитная политика, экономическая.

DIRECTIONS AND STAGES OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN FINANCIAL MARKET IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

Mikael A. Davtyan

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

In the context of the destabilization of the global economic and political space, the sanctions war by Western countries against many states of the world, including the Russian Federation, negatively affecting all spheres of economic activity – national and global – and the widespread spread of digital technologies vulnerable to technical and other challenges. The task of ensuring national security, including its financial market, is being actualized. The article presents an analysis of the current level of digitalization and ensuring the security of the Russian financial

market in comparison with foreign characteristics. It is shown that in accordance with global trends, a number of advanced financial technologies have been introduced in the financial market of the Russian Federation due to the formation of legislative, institutional, technical, personnel and other factors. However, in the national financial market, due to its ongoing digitalization, some problems and contradictions persist (and/or may arise under the influence of externalities) that require close attention from the government and business to solve them, including in the field of the digital ruble.

Keywords: digital economy, digital financial technologies, digital ruble, monetary policy, economic security.

Введение

В условиях цифровизации глобального пространства и роста киберугроз обостряется необходимость обеспечения надежности функционирования национальной экономики и всех ее элементов, в том числе и финансового рынка [8]. Безопасность процесса цифровизации отечественного финансового рынка рассматривается политиками, практиками и учеными как важнейшая составляющая национальной безопасности [9], особенно в условиях агрессивных санкционных и рестриктивных действий Запада против Российской Федерации.

Объединяющий эффект информационных технологий сделал финансовые инструменты и продукты сетевыми, технологичными с использованием больших объемов данных. Растет число заинтересованных сторон, связанных с финансовой индустрией, так как бизнес-деятельность, осуществляемая с использованием интернет-финансов, предоставляет больше возможностей для развития финансовой индустрии. Однако, как показывает опыт разных стран, растет число факторов риска в сфере цифровых финансов [3]. Риски, связанные с интернет-финансированием, носят сквозной характер и быстрее распространяются, что затрудняет их выявление и управление ими.

Сегодня ряд экспертов уделяет внимание вопросам финансовой безопасности в контексте экономической и финансовой цифровизации [4; 6]. В частности, формируется понятие безопасности финансового рынка [11], а также факторы и риски безопасности финансового рынка в условиях цифровизации [5]. Финансовые организации претерпевают фундаментальные изменения, создавая экосистемы, сети и платформы цифровой индустрии и участвуя в них на основе формирования нового финансового бэкграунда [14]. Однако развитие финтех и цифровизации в целом формирует как новые возможности, так и новые вызовы, что требует дальнейшего исследования данного процесса, прежде всего с учетом опыта западных стран, государств с развивающимися рынками.

Результаты исследования

Сегодня экономической безопасности нашей страны угрожают как внешние, так и внутренние вызовы, причем этот процесс идет по нарастающей [2]. Их нейтрализация или хотя бы минимизация требует от Российской Федерации мобилизации и концентрации всех экономических ресурсов.

Безусловно, для Российской Федерации важен как западный опыт цифровизации финансового рынка, так и наработки государств с развивающимися рынками, например, Китая, Индии и др. Исследование мирового опыта показывает, что национальные экономики постепенно проходят ряд этапов в процессе цифровизации национального финансового рынка. Прежде всего, это имплементация цифровых технологий в национальную экономику зачастую на основе трансфера технологий (применения зарубежных инноваций) [10; 12; 15]. На этом этапе осуществляется техническая трансформация национального финансового рынка. При этом важно усилить управление финансовыми технологиями, сформировать цифровые возможности, усовершенствовать систему этики финансовых технологий при многостороннем участии и совместном управлении, а также создать цифровую экосистему для взаимного продвижения и общего прогресса. Особое внимание следует уделять обработке данных, содействовать упорядоченному обмену и всестороннему применению данных при условии обеспечения безопасности и конфиденциальности, полной активизации потенциала элементов данных при эффективном повышении качества и действенности финансовых услуг [17].

В настоящее время Российская Федерация отстает по уровню цифровизации от стран Европы (рисунок), что затрудняет обеспечение цифровой безопасности как национальной экономики в целом, так и ее финансового сектора.

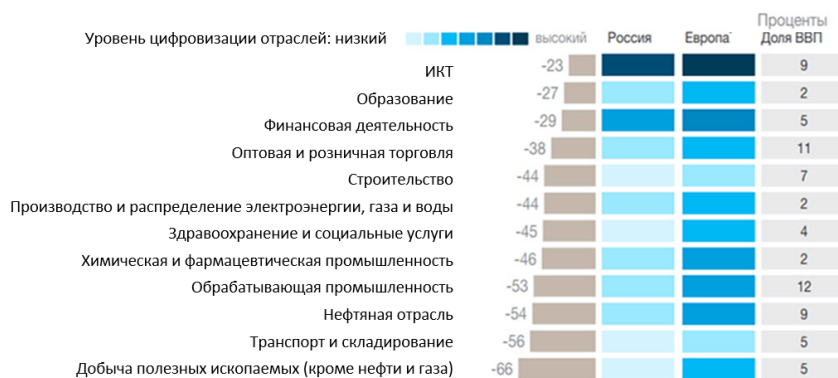

Рис. Разница в уровне цифровизации стран Европы и России [4]

Следующим этапом, который присутствует не у всех субъектов мирового хозяйства, выступает создание условий (юридических, институциональных, кадровых, технических) для развития собственных цифровых технологий (а не только их импорт), в том числе и финансовых. Этот шаг обеспечит более устойчивую безопасность для национального рынка. Например, Китай, обладающий значительным уровнем развития цифровых технологий, реализует национальный План развития финансовых технологий на 2022–2025 гг., в рамках которого ставит задачу построить экологичный центр обработки данных с высокой доступностью, создать безопасную и повсеместную финансовую сеть, передовую и эффективную вычислительную систему и укрепить цифровую базу для финансовых инноваций и развития [16].

Важно всемерно содействовать адаптации финансовых цифровых технологий и их акселерации на основе отечественных НИОКР. При этом стоит уделять внимание как эффективности, так и безопасности применяемых и разрабатываемых финансовых технологий на основе взаимовыгодного сотрудничества научных, финансовых и других заинтересованных структур и открыть «последний километр» трансформации научно-технических достижений в финансовой сфере.

Современный опыт многих зарубежных стран говорит о том, что необходимо создать безопасную и эффективную инновационную систему финансовых технологий, платформу интегрированного операционного центра для увязки с бизнесом, интеллектуальный механизм контроля рисков и полностью задействовать новую кинетическую энергию цифровых операций, а также углублять интеллектуальный реинжиниринг финансовых услуг, создавать диверсифицированные и интегрированные каналы обслуживания и стремиться к созданию безбарьерной системы обслуживания для предоставления людям более инклюзивных, экологически чистых и гуманных цифровых финансовых услуг [1].

Российская Федерация обладает необходимым кадровым и научным потенциалом для разработки и внедрения собственных решений в сфере финтех. Сегодня цифровизация финансового рынка и развитие платежной инфраструктуры являются одним из приоритетов, отраженных в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов¹. Сюда по мере развития собственных финансовых цифровых технологий можно отнести и наращивание экспортных возможностей, в том числе и в сфере обеспечения кибербезопасности, выступающей важнейшим условием цифровизации финансового рынка страны. Добиться прорывных результатов возможно на основе комплекса мер: ускорения всестороннего применения

¹ URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/165924/onrfr_2025_2027.pdf

регулирующих технологий, создания и усиления цифрового регулирующего потенциала, внедрения надзора за инновациями в области финансовых технологий и создания надежной защиты от финансовых и технологических рисков.

Третьим этапом можно считать не только количественное, но и качественное распространение цифровых технологий на финансовом рынке. Сюда можно отнести более широкие возможности цифрового банкинга и сопряженных с ним технологий и инструментов, таких как искусственный интеллект (ИИ), интеграция с Интернетом вещей, внедрение цифрового профиля и др. Так, технологии искусственного интеллекта имеют широкий потенциал применения на российском финансовом рынке и будут содействовать его дальнейшей цифровизации. В частности, Банк России планирует содействовать развитию ИИ на финансовом рынке, придерживаясь риск-ориентированного подхода. Кроме того, Банк России сегодня разрабатывает Кодекс этики по применению ИИ на финансовом рынке, подводя под это соответствующую нормативно правовую базу. Этот этап предполагает формирование соответствующей законодательной базы и поддержку со стороны государства [7], кадровых и образовательных решений, так как требуется проделать серьезную работу по подготовке специалистов в области финансовых технологий, по содействию созданию системы стандартных правил, усилению контроля за выполнением законов и нормативных актов для достижения индустрией финансовых технологий долгосрочной стабильности, а также активное участие всех субъектов хозяйствования. Ключом к цифровой трансформации финансового рынка является изменение мышления.

В России осуществляется пилотный проект по запуску цифрового рубля, что, безусловно, окажет серьезное влияние не только на национальную экономику, но и на внешнеэкономическую деятельность страны и ее положение на мировых рынках и в мировой экономике в целом. При этом с высокой долей вероятности можно утверждать, что в недалеком будущем он значительно изменит структуру денежной массы, да и само денежное обращение, причем в сторону еще большего сокращения доли наличного денежного обращения. В то же время очевидно, что цифровой рубль также поспособствует развитию банковской конкуренции. Элементы обострения такой конкуренции уже имеют место и сегодня, когда путем повышения ставок по вкладам и депозитам иногда даже выше ключевой ставки Банка России, банки ведут борьбу за клиентов. Вместе с тем еще не до конца проработаны вопросы, связанные с кредитованием бизнеса цифровыми рублями, а также остается открытым вопрос о том, есть ли в этом необходимость и экономическая целесообразность.

Наконец, четвертым этапом развития цифровизации национального финансового рынка может стать формирование межнационального

банковского взаимодействия и определенных стандартов на региональном уровне (интеграционном). Этот этап предполагает значительный уровень зрелости цифровизации финансового рынка как отечественного, так и стран-партнеров. Например, у Российской Федерации есть потенциальная возможность активизировать сотрудничество в сфере формирования цифрового финансового рынка со странами ЕАЭС, традиционно тяготеющими к отечественной экономике и стремящимися активизировать цифровые процессы на национальных уровнях при сохраняющихся в них ограничениях [13].

Заключение

Проведенное исследование позволяет отметить, что, во-первых, цифровизация финансового рынка и финансовой сферы в целом в российской экономике – это процесс объективный, следовательно, необратимый, развивающийся в соответствии с мировыми тенденциями, как показывает опыт различных стран мира. Во-вторых, как и в других странах, этот процесс последовательно проходит ряд этапов, от простого к сложному. В-третьих, сохраняются (и даже возрастают) риски, связанные с цифровизацией финансов, как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах. В связи с этим необходимо принятие мер по их смягчению, так как полное их устранение на данном этапе не представляется возможным. Тем не менее дальнейшее развитие и углубление процесса цифровизации финансового рынка России может обеспечить более эффективное развитие национальной экономики, а также при условии формирования цифрового рынка в ЕАЭС – активизации интеграционного процесса на региональном уровне. По нашему мнению, цифровизация финансового рынка России остается одной из важнейших современных и перспективных задач. При этом механизм управления на финансовом рынке нуждается в постоянном совершенствовании и адаптации к развитию новых источников финансирования и новых технологий.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р., Шкваря Л. В. Цифровизация финансов в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: современные тренды и задачи // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 2-1. – С. 13–20.
2. Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Внешнеторговый потенциал российских регионов в условиях внешних ограничений // Россия и Азия. – 2024. – № 3 (29). – С. 59–67.
3. Бяшарова А. Р. Цифровизация финансов в странах ССАППЗ: текущие тенденции и вызовы // Россия и Азия. – 2023. – № 2 (24). – С. 53–62.

4. Давтян М. А. Роль цифровых технологий и финансовых инструментов в обеспечении устойчивого роста экономики в современных условиях // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. – Серия: Экономика. – 2024. – Т. 20. – № 4 (79). – С. 25–29.
5. Ештокин С. В. Российский финтех в национальной финансовой системе: защитник интересов или скрытая угроза? // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 8. – С. 1915–1944.
6. Ильина О. С. Экономическая безопасность банковского сектора в условиях цифровизации // Молодой ученый. – 2025. – № 19 (570). – С. 160–162.
7. Леонов М. В. Цифровая трансформация банковской деятельности: теория и практика. – М., 2021. – DOI: 10.18334/9785912924064
8. Новые тренды цифровизации: мир и Россия. – М. : Инфра-М, 2023.
9. Раупов К. С., Бобоев М. У. Конкурентоспособность банков в Республике Таджикистан и влияние цифровизации // Россия и Азия. – 2022. – № 3 (21). – С. 6–24.
10. Рукалович В. И. Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 393–404.
11. Ситникова О. Г. Финансовая безопасность страны в условиях цифровизации мировой экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. – № 5. – С. 1651–1662.
12. Шкваря Л. В. Цифровая экономика: опыт Индии // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3 (116). – С. 223–226.
13. Шкваря Л. В., Меланьина М. В. Цифровой ЕАЭС: прогресс и проблемы // Горизонты экономики. – 2025. – № 2 (89). – С. 91–95.
14. Jiaying Wang. Discussion on the Strategy Research of Improving the Risk Management of Chinese Commercial Banks under the New Financial Background // Finance and Management. – 2020. – Vol. 4. – Issue 3. – P. 73.
15. Solovieva Y. V., Chernyaev M. V., Korenevskaya A. V. Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Model // Journal of Applied Economic Sciences. – 2017. – Т. 12. – № 5 (51). – С. 1473–1484.
16. Shkvarya L. V., Hailing Y. Digital Economy in China: Modern Trends // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap : Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 198. – P. 1209–1216.
17. Yang Chen. Mechanisms and Instruments of Mutual Influence of Emerging Financial Markets of China and Russia on the Basis of Financial Technologies // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. – 2022. – № 1. – С. 208–211.

References

1. Aydrus I. A. Z., Asmyatullin R. R., Shkvarya L. V. Tsifrovizatsiya finansov v stranakh Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: sovremennye trendy i zadachi [Digitalization of Finance in the Countries of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf: Modern Trends and Tasks]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2025, No. 2-1, pp. 13–20. (In Russ.).
2. Andreeva E. L., Ratner A. V. Vneshnetorgoviy potentsial rossiyskikh regionov v usloviyakh vneshnikh ogranicheniy [The Foreign Trade Potential of Russian Regions under External Constraints]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 3 (29), pp. 59–67. (In Russ.).
3. Byasharova A. R. Tsifrovizatsiya finansov v stranakh SSAGPZ: tekushchie tendentsii i vyzovy [Digitalization of Finance in the GCC Countries: Current Trends and Challenges]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 2 (24), pp. 53–62. (In Russ.).
4. Davtyan M. A. Rol tsifrovyykh tekhnologiy i finansovykh instrumentov v obespechenii ustoychivogo rosta ekonomiki v sovremennykh usloviyakh [The Role of Digital Technologies and Financial Instruments in Ensuring Sustainable Economic Growth in Modern Conditions]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics], 2024, Vol. 20, No. 4 (79), pp. 25–29. (In Russ.).
5. Eshtokin S. V. Rossiyskiy fintekh v natsionalnoy finansovoy sisteme: zashchitnik interesov ili skrytaya ugroza? [Russian Fintech in the National Financial System: Defender of Interests or a Hidden Threat?]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2021, Vol. 11, No. 8, pp. 1915–1944. (In Russ.).
6. Ilina O. S. Ekonomicheskaya bezopasnost bankovskogo sektora v usloviyakh tsifrovizatsii [Economic Security of the Banking Sector in the Context of Digitalization]. *Molodoy ucheniy* [Young Scientist], 2025, No. 19 (570), pp. 160–162. (In Russ.).
7. Leonov M. V. Tsifrovaya transformatsiya bankovskoy deyatel'nosti: teoriya i praktika [Digital Transformation of Banking Activity: Theory and Practice]. Moscow, 2021. (In Russ.).
8. Novye trendy tsifrovizatsii: mir i Rossiya [New Trends in Digitalization: the World and Russia]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).
9. Raupov K. S., Boboev M. U. Konkurentosposobnost bankov v Respublike Tadjikistan i vliyaniye tsifrovizatsii [Competitiveness of Banks in the Republic of Tajikistan and the Impact of Digitalization]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 3 (21), pp. 6–24. (In Russ.).
10. Rusakovich V. I. Ekonomicheskoe razvitiye i diversifikatsiya v stranakh Persidskogo zaliva: sovremennye tendentsii [Economic Development

and Diversification in the Persian Gulf Countries: Modern Trends]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2017, Vol. 25, No. 3, pp. 393–404. (In Russ.).

11. Sitnikova O. G. Finansovaya bezopasnost strany v usloviyakh tsifrovizatsii mirovoy ekonomiki [Financial Security of the Country in the Context of Digitalization of the Global Economy]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2023, Vol. 13, No. 5, pp. 1651–1662. (In Russ.).

12. Shkvarya L. V. Tsifrovaya ekonomika: opyt Indii [Digital Economy: the Indian Experience]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 3 (116), pp. 223–226. (In Russ.).

13. Shkvarya L. V., Melanina M. V. Tsifrovoy EAES: progress i problemy [Digital EAEU: Progress and Problems]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2025, No. 2 (89), pp. 91–95. (In Russ.).

14. Jiaying Wang. Discussion on the Strategy Research of Improving the Risk Management of Chinese Commercial Banks under the New Financial Background. *Finance and Management*, 2020, Vol. 4, Issue 3, pp. 73. (In Russ.).

15. Solovieva Y. V., Chernyaev M. V., Korenevskaya A. V. Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Model. *Journal of Applied Economic Sciences*, 2017, Vol. 12, No. 5 (51), pp. 1473–1484. (In Russ.).

16. Shkvarya L. V., Hailing Y. Digital Economy in China: Modern Trends. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Lecture Notes in Networks and Systems, 2021, Vol. 198, pp. 1209–1216.

17. Yang Chen. Mechanisms and Instruments of Mutual Influence of Emerging Financial Markets of China and Russia on the Basis of Financial Technologies. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2022, No. 1, pp. 208–211.

Поступила: 04.06.2025

Принята к печати: 20.06.2025

Сведения об авторе

Микаел Анушаванович Давтян

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической
теории и политики РАНХиГС.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации», 119571, Москва,
проспект Вернадского, д. 82.
E-mail: midavtyan@mail.ru

Information about the author

Mikael A. Davtyan

Doctor of Economics, Professor, Professor
of the Department of Economic Theory
and Politics of the RANEPA.

Address: The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration, 82 Vernadsky Avenue,
Moscow, 119571,
Russian Federation.
E-mail: midavtyan@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-26-33>

ГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА: БУДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫБОР СТРАН-ПОСРЕДНИКОВ

Ван Цзилу

ООО «КНШНК Энергетические технологии и сервис рус»,
Москва, Россия

В статье рассматривается газовое сотрудничество Китая и России в условиях санкционной политики Запада в отношении России, а также его перспективы. Анализируются такие показатели, как объем экспорта природного газа в Китай с 2021 по 2024 г., темпы роста экспорта за этот же период, цены на газ и маршруты, по которым осуществляется поставка газа в КНР. Автор приходит к выводу, что поставки газа из Российской Федерации в КНР неуклонно растут на фоне снижения общего объема экспорта российского трубопроводного газа. Более того, экспорт газа в Китай осуществляется по ценам, которые устраивают обе стороны соглашений, при этом темпы роста поставок остаются высокими. Особое внимание уделяется анализу маршрутов, по которым осуществляется подача газа из России в Китай. Сопоставляются два новых предполагаемых маршрута поставок газа из России в КНР через Монголию и Казахстан на основании ряда производственных и финансовых характеристик. Отмечается, что сотрудничество КНР и Российской Федерации в сфере газа является взаимовыгодным, за исключением некоторых проектов таких, как «Сила Сибири – 2».

Ключевые слова: экспорт газа, природный газ, «Сила Сибири», «Сила Сибири – 2», санкции, Монголия, Казахстан.

GAS COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF WESTERN SANCTIONS POLICY: FUTURE PROSPECTS AND THE CHOICE OF INTERMEDIARY COUNTRIES

Wang Ji Lu

LLC "KNSHINK Energy Technologies and Servis Rus",
Moscow, Russia

The article considers gas cooperation between China and Russia in the context of the Western sanctions policy towards Russia, as well as its prospects. Such indicators as the volume of natural gas exports to China from 2021 to 2024, the rate of export growth over the same period, gas prices and routes through which gas is supplied to China are analyzed. The author concludes that gas supplies from the Russian Federation to China are steadily growing against

the backdrop of a decrease in the total volume of Russian pipeline gas exports. Moreover, gas is exported to China at prices that suit both parties to the agreements, given the high growth rate of supplies. Particular attention is paid to the analysis of the routes through which gas is supplied from Russia to China. The work focuses on a comparison of two new proposed routes for gas supplies from the Russian Federation to China via Mongolia and Kazakhstan based on a number of production and financial characteristics. It is concluded that cooperation between China and Russia in the gas sector is mutually beneficial, with the exception of some projects such as Power of Siberia - 2.

Keywords: gas exports, natural gas, Power of Siberia 1, Power of Siberia - 2, sanctions, Mongolia, Kazakhstan.

Введение

В условиях усиления санкционного давления со стороны Запада на Россию и Китай энергетическое сотрудничество между двумя странами приобретает особую актуальность и стратегическую значимость. Газовое взаимодействие становится важным инструментом обеспечения энергетической безопасности обеих стран. В данной статье рассматриваются текущие тенденции развития газового сотрудничества, его перспективы в условиях санкционной политики Запада, а также роль стран-посредников в реализации совместных проектов. Анализ этих аспектов позволяет предположить различные сценарии дальнейшего развития энергетического партнерства и определить ключевые вызовы и возможности для обеих стран.

Газовое сотрудничество России и Китая: объемы экспорта, темпы роста экспорта и динамика цен на экспортный газ

Ввод санкций США и стран Европы в отношении Российской Федерации после начала СВО в феврале 2022 г. частично закрыл европейский рынок экспорта газа для России: приостановлена подача газа в Европу по трубопроводу «Северный поток – 1» и «Ямал – Европа», а подача по «Северному потоку – 2» так и не началась, поскольку он был взорван. В настоящее время экспорт российского трубопроводного газа продолжает падать (рис. 1).

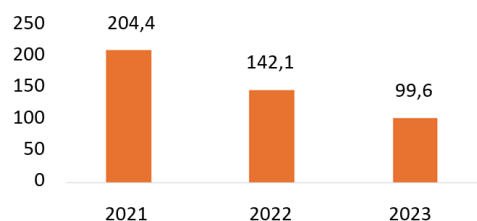

Рис. 1. Общий объем экспорта российского трубопроводного газа с 2021 по 2023 г. (в млрд м³)

Вместе с тем Россия стала наращивать поставки газа в дружественную страну – Китай – по МГП «Сила Сибири» (рис. 2).

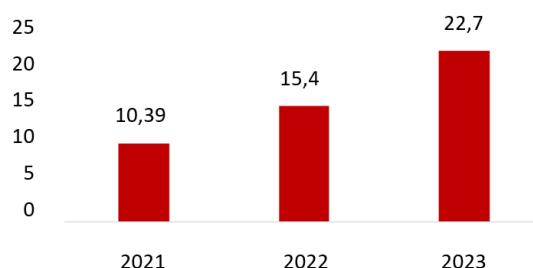

Рис. 2. Объем экспорта российского трубопроводного газа в Китай с 2021 по 2023 г. (в млрд м³)

Так, общий объем экспорта российского трубопроводного газа с 2021 г. снизился более чем в два раза – на 51,2% с 204,4 млрд м³ в 2021 г., до 99,6 млрд м³ в 2023 г. При этом объем экспорта газа в Китай увеличился более, чем в два раза за этот же период – на 54,2% с 10,39 млрд м³ в 2021 г., до 22,7 млрд м³ в 2023 г. Таким образом, на конец 2023 г. доля экспорта газа в Китай составила почти четверть (22,8%) во всем экспорте российского газа. Более того, компания «Газпром» регулярно обеспечивала суточные поставки в Китай с превышением контрактных обязательств. Согласно Главному таможенному управлению КНР, Россия в начале 2023 г. стала крупнейшим поставщиком природного газа в КНР.

На сегодняшний день экспорт трубопроводного газа в Китай осуществляется по магистральному газопроводу «Сила Сибири» (рис. 3).

Рис. 3. Маршрут подачи газа из России в Китай по МГП «Сила Сибири»

Поставки газа в Китай осуществляются в рамках двустороннего договора купли-продажи между компанией «Газпром» и китайской национальной нефтегазовой компанией CNPC. За период январь – октябрь 2024 г. Россия поставила в Китай около 40 млрд м³ по магистральному газопроводу «Сила Сибири», что почти в два раза больше объема экспорта за весь 2023 г. К концу 2024 г. объем экспорта составил около 68%, или порядка 42 млн м³/сутки.

Как отметил Александр Новак, «2 января 2024 г. этот новый уровень был превышен, и «Газпром» обновил исторический рекорд суточного экспорта трубопроводного газа китайским потребителям, однако данные в физическом выражении «Газпром» традиционно не привел» [7]. При этом в 2024 г. средняя цена экспорта российского газа в Китай составила 288 долларов за 1 тыс. м³.

Что касается российских планов и перспектив экспорта газа в Китай, то в 2025 г. МГП «Сила Сибири» должен выйти на уровень сверх проектной мощности: 44 млрд м³/год согласно договоренностям «Газпрома» и китайской компании CNPC, хотя раньше озвучивалась возможность транспортировки по газопроводу до 60 млрд м³/год газа [7]. По прогнозам средняя цена на российский газ для Китая в 2025 г. составит 261 доллар за 1 тыс. м³ – на 17 долларов больше, чем предполагалось в апреле; в 2026 г. – 247,3 долларов, а в 2027 г. – 235,4 долларов.

Анализ новых проектов газовых маршрутов России и Китая

В феврале 2022 г. между компанией «Газпром» и CNPC были достигнуты договоренности по продаже газа с 2027 г. по другому маршруту, а именно Дальневосточному, ранее имевшему название МГП «Сила Сибири – 3»), с условиями покупки 10 млрд м³/год природного газа на 25-летний период. Однако Москва и Пекин до сих не договорились.

«Сила Сибири-2» является совместным проектом российского «Газпрома» и китайской CNPC. Начало строительства было запланировано на 2024 г. Труба должна была пройти из России через Монголию в Китай (рис. 4), а запуск газа – начаться после 2029 г. Прогнозируется, что данный газопровод «сможет обеспечить транспортировку около 50 млрд м³ природного газа в год из России в Китай» [2]. К концу 2025 г. в Монголии завершится экологическая оценка этого проекта, что положит начало строительным работам. Длина монгольского участка газопровода составит примерно 960 км. Трубопровод пройдет через такие города Монголии, как Дархан, Улан-Батор, Чойр и Сайншанд. Газ будет добываться в районах Западной Сибири. Как считают ученые Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева Сибирского отделения РАН, «к 2040 г. потребление природного газа может составить 5,6 млрд м³ в год» [5]. Для самой Монголии этот проект является крупномасштабным, поскольку предусматрива-

ет, с одной стороны, строительство таких новых объектов инфраструктуры, как компрессорные станции, узловые распределительные пункты и другие технические объекты для обеспечения бесперебойной подачи газа, а с другой стороны, газификацию районов Монголии. При этом проект повлияет на занятость монгольского населения – появятся новые рабочие места.

Рис. 4. Предполагаемый проект газопровода из России в Китай через Монголию («Сила Сибири – 2»)

Главная причина, по которой откладывается строительство этого участка газопровода, кроется «в том, что по стоимости газ, проходящий по нему, будет существенно дешевле, чем тот, что Российская Федерация поставляла в среднем в Европу» [3], поэтому сложно оценить этот проект в долгосрочной перспективе.

На международном форуме «Ростки: Россия и Китай – взаимовыгодное сотрудничество», который пройдет в Казани, Российская Федерация и КНР обсудят новый газовый маршрут через Казахстан на 35 млрд м³. «Таким образом, его мощность будет сопоставима с максимальными параметрами трубопровода «Сила Сибири» (38 млрд м³), являющегося единственным на сегодня действующим маршрутом для поставок российского газа в Китай» [1].

Вместе с тем Китай в лице посла Китайской Народной Республики в Российской Федерации Чжана Ханьхуэя сообщает, что строительство нового газового маршрута из России в Китай через Казахстан обойдется слишком дорого для КНР, поскольку существующий газопровод в Казахстане уже переполнен и потребуются запуск нового на этой территории,

что приведет к большим финансовым затратам [4], поэтому КНР предлагает отправлять газ через Монголию или морем в виде СПГ.

В то же время министр энергетики Казахстана Ерлан Аккенженов считает, что транзит через Казахстан может стать наиболее выгодным в силу того, что производственных объектов для реализации проекта в стране более чем достаточно. В связи с этим необходимо сравнить проекты газопроводов через Монголию и Казахстан с учетом следующих характеристик: общая протяженность газопровода, пропускная способность, производственная инфраструктура и финансирование (таблица).

Сравнение двух газопроводов из России в Китай

	Через Монголию	Через Казахстан
Общая протяженность газопровода	6,7 тыс. км (960 км в Монголии)	Точной информации нет, исходя из географического расстояния – больше
Пропускная способность	50 млрд м ³	35 млрд м ³
Производственная инфраструктура	Нет	Есть
Финансирование	Проектно-изыскательные работы – Монголия*; Строительство – Россия; Китай пока под вопросом	Китай не готов финансировать, поскольку считает проект дорогостоящим. Как распределят работы Россия и Казахстан, пока не известно

* Примечание: [6].

Исходя из данных таблицы можно сделать вывод, что проект газопровода из России в Китай через Монголию выглядит более реалистичным и выгодным на сегодняшний день.

Заключение

В условиях усиления санкционной политики Запада газовое сотрудничество между Китаем и Россией приобретает стратегическое значение. Согласно проведенному анализу, оно является перспективным и взаимовыгодным: поставки газа из России в КНР неуклонно растут на фоне снижения общего объема экспорта российского трубопроводного газа. Так, на конец 2023 г. доля экспорта газа в Китай составила почти четверть (22,7%) во всем экспорте российского газа. Более того, экспорт газа в Китай осуществляется по ценам, которые устраивают обе стороны соглашений, при этом темпы роста поставок высокие. Однако для России такое сотрудничество пока не означает полное покрытие издержек, связанных с прекращением поставок газа в Европу.

Большое внимание в сотрудничестве Китая и России на сегодняшний день уделяется вопросам открытия новых газовых маршрутов из России в Китай. Основными предполагаемыми маршрутами являются про-

екты газопроводов через Монголию и Казахстан. При этом проект газопровода из России в Китай через Монголию выглядит более реалистичным и выгодным на сегодняшний день. Соответственно, сотрудничество Китая и России может стать одним из важнейших элементов глобальной энергетической архитектуры при условии эффективного использования возможностей и преодоления возникающих вызовов.

Список литературы

1. Акулов А. Новак заявил о проработке нового маршрута поставок газа в Китай. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/15/novak-zayavil-o-prorabotke-novogo-marshruta-dlya-postavok-gaza-v-kitay/?ysclid=m3k18zxyve850831127> (дата обращения: 16.11.2024).
2. Артюков О. Монголия утвердила маршрут Силы Сибири – 2. – URL: <https://www.pravda.ru/economics/2201258-silasibiri/> (дата обращения: 16.11.2024).
3. Иванова Е. «Сила Сибири-2» вызвала споры: в чем сложность переговоров о поставках газа между Россией и Китаем. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6745001?ysclid=m3k04ih5xb423806572> (дата обращения: 16.11.2024).
4. Кондратьев А. «Это дороговато»: Китай не хочет получать российский газ через Казахстан. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2025/04/15/20885732.shtml?updated> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Монголия завершает экологическую оценку газопровода «Союз Восток» из РФ в Китай. – URL: <https://www.interfax.ru/world/1015974> (дата обращения: 25.04.2025).
6. Соколова М. Газопровод «Сила Сибири – 2». Кто оплатит дорогой, невыгодный, но неизбежный проект? – URL: <https://newizv.ru/news/2025-04-17/gazoprovod-sila-sibiri-2-kto-oplatit-dorogoy-nevygodnyy-po-neizbezhnyu-proekt-436583> (дата обращения: 27.04.2025).
7. Чижевский А. Газпром установил новый исторический рекорд суточных поставок газа в КНР. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/810251-gazprom-ustanovil-novyy-istoricheskiy-rekord-sutochnykh-postavok-gaza-v-kr/?ysclid=m3jst9xqid391228396> (дата обращения: 16.11.2024).

References

1. Akulov A. Novak zayavil o prorabotke novogo marshruta postavok gaza v Kitay [Novak Announced the Development of a New Route for Gas Supplies to China]. (In Russ). Available at: <https://lenta.ru/news/>

2024/11/15/novak-zayavil-o-prorabotke-novogo-marshruta-dlya-postavok-gaza-v-kitay/?ysclid=m3k18zxyve 850831127 (accessed 16.11.2024).

2. Artyukov O. Mongoliya utverdila marshrut Sily Sibiri – 2 [Mongolia Approved the Route of the Power of Siberia – 2]. (In Russ). Available at: <https://www.pravda.ru/economics/2201258-silasibiri/> (accessed 16.11.2024).

3. Ivanova E. «Sila Sibiri-2» vyzvala spory: v chem slozhnost peregovorov o postavkakh gaza mezhdru Rossiei i Kitaem ["Power of Siberia – 2" Caused Controversy: What is the Difficulty of the Negotiations on Gas Supplies Between Russia and China]. (In Russ). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6745001?ysclid=m3k04ih5xb423806572> (accessed 16.11.2024).

4. Kondratev A. «Eto dorogovato»: Kitay ne khochet poluchat rossiyskiy gaz cherez Kazakhstan ["It's a Bit Expensive": China Does Not Want to Receive Russian Gas Via Kazakhstan]. (In Russ). Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2025/04/15/20885732.shtml?updated> (accessed 25.04.2025).

5. Mongoliya zavershaet ekologicheskuyu otsenku gazoprovoda «Soyuz Vostok» iz RF v Kitay [Mongolia Completes Environmental Assessment of Soyuz Vostok Gas Pipeline from Russia to China]. (In Russ). Available at: <https://www.interfax.ru/world/1015974> (accessed 25.04.2025).

6. Sokolova M. Gazoprovod «Sila Sibiri – 2». Kto oplatit dorogoy, nevygodniy, no neizbezhniy proekt? [Gas Pipeline "Power of Siberia - 2". Who Will Pay for an Expensive, Unprofitable, But Inevitable Project?]. (In Russ). Available at: <https://newizv.ru/news/2025-04-17/gazoprovod-sila-sibiri-2-kto-oplatit-dorogoy-nevygodnyy-no-neizbezhnyy-proekt-436583> (accessed 27.04.2025).

7. Chizhevskiy A. Gazprom ustanovil noviy istoricheskiy rekord sutochnykh postavok gaza v KNR [Gazprom Sets New Historical Record for Daily Gas Supplies to China]. (In Russ). Available at: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/810251-gazprom-ustanovil-novyy-istoricheskiy-rekord-sutochnykh-postavok-gaza-v-knr/?ysclid=m3jst9xqid391228396> (accessed 16.11.2024).

Поступила: 25.06.2025

Принята к печати: 3.07.2025

Сведения об авторе

Information about the author

Ван Цзилу

кандидат экономических наук.
Адрес: ООО «КНШНК Энергетические технологии и сервис рус», 127051, Москва, ул. Трубная 28, строение 2.
E-mail: Wangjl200203@mail.ru

Wang Ji Lu

PhD.
Address: LLC "KNSHNK Energy Technology and Services Rus", 28 Trubnaya Street, building 2, Moscow, 127051, Russian Federation.
E-mail: Wangjl200203@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-34-50>

ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Цзынань Ли, Е. В. Лылова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

В статье в качестве объекта исследования рассматривается российско-китайское энергетическое сотрудничество, анализируются достижения обеих сторон в области торговли энергоресурсами, совместного строительства инфраструктуры, а также изучаются перспективы расширения сотрудничества России и Китая в энергетической сфере. Авторы уделяют особое внимание рассмотрению проекта по сжижению природного газа «Ямал» и выявлению международных политических и экономических рисков, которые оказывают влияние на реализацию проекта. Отмечается, что российско-китайское энергетическое сотрудничество основано на взаимодополняемости: Россия ослабляет давление западных санкций, расширяя экспорт энергоносителей в Китай, а Китай укрепляет свою безопасность поставок за счет диверсификации импорта энергоносителей. Однако организационной устойчивости сотрудничества мешают политически мотивированный режим отношений, геополитические и экономические изменения международной ситуации, сокращение запасов энергоресурсов, а также корректировка экологической политики. Предлагаются меры по укреплению сотрудничества на уровне предприятий, по развитию расчетов в местной валюте и углублению сотрудничества в области чистой энергии, чтобы повысить организационную устойчивость и эффективность российско-китайского энергетического сотрудничества и помочь двум странам достичь беспроигрышной ситуации в условиях энергетического перехода и высокого уровня неопределенности внешней среды.

Ключевые слова: сотрудничество России и Китая, энергетическая сфера, управление проектами, торгово-экономические отношения.

ACHIEVEMENTS, CHALLENGES AND WAYS TO DEVELOP RUSSIAN- CHINESE ENERGY COOPERATION

Zinan Li, Elena V. Lylova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

The article considers Russian-Chinese energy cooperation as an object of research, analyzes the achievements of both sides in the field of energy trade, joint infrastructure construction, and examines the prospects for expanding cooperation between Russia and China in the energy sector. The authors pay special attention to the consideration of the Yamal natural gas liquefaction project and the identification of international political and economic risks that affect the implementation of the project. It is noted that Russian-Chinese energy cooperation is based on complementarity: Russia is easing the pressure of Western sanctions by expanding energy exports

to China, and China is strengthening its supply security by diversifying energy imports. However, the organizational sustainability of cooperation is hindered by a politically motivated regime of relations, geopolitical and economic changes in the international situation, a reduction in energy reserves, as well as an adjustment in environmental policy. Measures are proposed to strengthen cooperation at the enterprise level, develop local currency settlements and deepen cooperation in the field of clean energy in order to increase the organizational stability and efficiency of Russian-Chinese energy cooperation and help the two countries achieve a win-win situation in the context of the energy transition and a high level of uncertainty in the external environment.

Keywords: cooperation between Russia and China, energy sector, project management, trade and economic relations.

Энергетический сектор является важнейшим компонентом обеспечения безопасности и стабильности страны. Особое внимание, прежде всего со стороны Китая, остро нуждающегося в энергетическом сырье, уделяется обеспечению бесперебойного импорта энергоресурсов на основе устойчивого развития взаимовыгодных отношений между энергетическими компаниями двух стран. Исходя из этого сотрудничество основано на таких принципах, как обеспечение долгосрочной доступности энергии, разработка крупных инфраструктурных проектов и создание совместных механизмов обеспечения энергетической безопасности. Энергетические партнерства также позволяют странам-производителям и странам-потребителям диверсифицировать свои экономические связи, повышая их устойчивость в условиях нестабильности рынка.

Специфика стратегического альянса России и Китая в контексте реализации совместных энергетических проектов исследуется в работах С. Ф. Гребениченко, Чэнь Чэн [2], Р. Х. Азиевой [1], Дж. Ана, А. Ю. Михайлова [5], С. Ли, С. Сюй [10], С. Канга, В. Чжао, В. Гао [7], А. Мейнхарда [12], К. С. Зайкова, А. А. Спиридонова, А. М. Фадеева [3], В. Ерохина и Г. Тианминга [6], Л. Чжиа [9], А. Вализадеха и Н. Тахери [13], С. Илмаза и О. Даксуевой [14], Г. Ю. Пешкова и Е. Г. Бондарь [4], В. Карлусова и Д. Яркова [8] и др.

Характеристика структуры энергоснабжения и энергопотребления Китая

Китай – крупная энергопотребляющая страна, обладающая богатыми запасами угля, незначительными запасами нефти и газа, имеющая высокую степень внешней зависимости. В настоящее время импорт по-прежнему является основным средством поставок энергоресурсов. В свою очередь с постепенной диверсификацией каналов поставок энергоресурсов сформировался режим энергоснабжения для обеспечения безопасности поставок энергоресурсов, который можно определить как импортная торговля как основа, дополненная сотрудничеством и развитием.

С точки зрения структуры импортируемых энергоносителей Китай является крупнейшим в мире импортером нефти. В 2024 г. общий объем импорта нефти в Китай составил 553,44 млн т, а стоимость импорта – 324,7 млрд долл. В пятерку стран-источников (в порядке убывания годового импорта) входят Россия (108,48 млн т), Саудовская Аравия (78,64 млн т), Малайзия (70,34 млн т), Ирак (63,84 млн т), Оман (40,77 млн т). Россия находится на 1-м месте, на ее долю приходится 19,6% – почти одна пятая часть.

В 2024 г. Китай импортировал около 132 млн т природного газа на сумму 463,75 млрд юаней, что составило 2,52% от общего объема импортной торговли в этом году, в том числе в 2024 г. из Австралии, Катар, России, Малайзии было импортировано 76,65 млн т сжиженного природного газа, что на 7,7% больше в сравнении с предыдущим годом. Трубопроводный природный газ из Туркменистана, России, Мьянмы, Казахстана, Узбекистана и других стран в 2024 г. импортировался в объеме 55,04 млн т, что на 13,1% больше, чем в прошлом году.

В 2024 г. Китай импортировал 543,49 млн т угля, стоимость импорта составила 371,7 млрд юаней – 2,02% от общего объема импортной торговли за год. В 2024 г. в четверку стран-лидеров по объему импорта угля вошли Индонезия, Россия, Австралия и Монголия. Среди них объем импорта из России составил 95,22 млн т, или 17,52%.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что Россия входит в список ключевых стран по импорту основных энергоносителей, хотя и не является крупнейшим источником импорта Китая по отдельным категориям энергоносителей.

В целях обеспечения безопасности энергоснабжения Китай активно участвует в международном энергетическом сотрудничестве, расширяя цепочку поставок нефти и газа за счет совместного развития. Так, Китай сотрудничает с Нигером и Анголой в области разработки нефтяных месторождений и строительства инфраструктуры, поддерживает тесное сотрудничество с Саудовской Аравией в нефтяном секторе, активно ведет строительство газопроводов и нефтепроводов со странами Центральной Азии и Россией, а также широко сотрудничает со странами Юго-Восточной Азии в области чистой энергии, например, в проектах по возобновляемым источникам энергии в области солнечной энергии и энергии ветра.

Важно отметить, что энергоснабжение должно быть скоординировано с уровнем экономического развития и адаптировано к зеленому переходу в контексте глобального изменения климата, одновременно решая проблемы безопасности. При этом общее потребление энергии в Китае продолжает сохранять тенденцию к росту из года в год. Что касается текущей и будущей структуры энергопотребления Китая, то доля по-

требления угля будет снижаться, а его источник будет в основном опираться на самообеспечение. Потребление нефти по-прежнему растет, однако сохраняется жесткая зависимость от импорта. Доля потребления природного газа и возобновляемых источников энергии будет также расти, а природный газ будет служить мостом для энергетического перехода. Таким образом, изменения в политической обстановке в регионах энергоснабжения станут важной переменной в обеспечении безопасности энергоснабжения Китая.

Торгово-экономические отношения Китая и России в энергетической сфере

В настоящее время Россия является важным источником энергии для Китая, а приобретение Китаем энергоносителей из России превратилось из разового импорта в сотрудничество в области развития энергетики между двумя сторонами.

С 2019 г. Китай импортирует более 500 млн т сырой нефти в год, а в 2024 г. этот показатель достиг 553 млн т и составил 2,31 трлн юаней, или 12,56% от общего объема импортной торговли за год. Китайский импорт сырой нефти уже является крупнейшим в мире по объему и стоимости. Динамика импорта сырой нефти в Китай за 2015–2024 гг. представлена на рисунке.

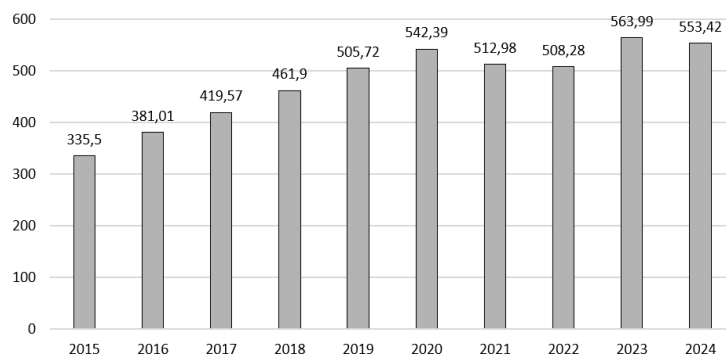

Рис. Объем импорта сырой нефти в Китай, 2015–2024 гг. (в млн т)¹

Саудовская Аравия, а после 2022 г. и Россия являются важными поставщиками сырой нефти в Китай. В 2021 и 2022 гг. Китай импортировал, соответственно, 87 577 200 и 87 488 900 т сырой нефти из Саудовской Аравии, что составляло 17,07% и 17,21% от общего объема импорта сырой нефти в Китай. Однако в 2023 г. ситуация изменилась: Россия экспортиро-

¹ Рисунок и табл. 1; 2 составлены по: Statistics of the Chinese Customs Service. – URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 10.02.2025).

вала в Китай 107 млн т сырой нефти, обогнав Саудовскую Аравию и став крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай, а Саудовская Аравия экспортировала в Китай 85 944 000 т сырой нефти, общий объем которой сократился на 1,8% по сравнению с 2022 г., опустившись на 2-е место.

В 2021 г. доля Китая в импорте СПГ из Австралии составила 39,48%, что напрямую связано с богатыми запасами природного газа в Австралии и близостью китайского региона дельты Жемчужной реки к северным водам Австралии. Кроме того, доля Китая в импорте СПГ из США в этот период достигла 11,39 %, что близко к импорту из Катара, в то время как доля импорта СПГ из России составила всего 5,73 %, заняв 6-е место (табл. 1; 2).

Т а б л и ц а 1

Данные по импорту природного газа в Китай, 2020–2024 гг.

Природный газ	Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
Сжиженный природный газ (СПГ)	Объем импорта, млрд юаней	161,8	285,0	348,8	316,1	313,6
	Количество импорта, млн т	67,13	78,93	63,44	71,32	76,65
Трубопроводный газ	Объем импорта, млрд юаней	69,7	75,1	119,4	136,2	150,2
	Количество импорта, млн т	34,53	42,43	45,81	48,65	55,04

Т а б л и ц а 2

Объем импортируемого Китаем СПГ по странам в период с 2021 по 2023 г.

Страна	Объем импорта, тыс. т			Процент			Изменение в рейтинге, место		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Австралия	31 102,4	21 849,9	24 118,9	39,48	34,48	33,88	1	1	1
Катар	8 977,8	15 680,2	16 648,8	11,39	24,75	23,39	2	2	2
США	8 975,9	2 083,2	3 131,6	11,39	3,29	4,4	3	7	6
Малайзия	8 233,1	7 362,9	7 081,3	10,45	11,62	9,95	4	3	4
Индонезия	5 107,4	3 732,7	3 982,5	6,48	5,89	5,59	5	5	5
Россия	4 518,1	6 585	8 044	5,73	10,23	11,3	6	4	3
Папуа – Новая Гвинея	3 162,8	2 509,4	2 482,3	4,01	3,96	3,49	7	6	7
Другие страны*	11 874,6	5 742,5	8 183,6	15,07	9,06	11,5	–	–	–

* Общее количество других стран в 2021 г. составляло 20, в 2022 г. – 17, в 2023 г. – 14.

В 2024 г. Китай импортировал СПГ в основном из 20 стран, и шестерка ведущих стран – источников импорта изменилась по сравнению с 2021 г.: Россия переместилась с 6-го на 3-е место. Австралия осталась на 1-м месте, при этом ее доля осталась неизменной после двух лет снижения. Доля Китая в импорте СПГ из Катара также начала демонстрировать тенденцию к снижению, в то время как доля импорта СПГ из России продолжала расти, а в 2023 г. обогнала Малайзию, которая занимала 3-е место и стабильно находится на этом месте.

С точки зрения обеспеченности ресурсами Китай и Россия имеют основу для энергетического сотрудничества. В Китае недостаточно нефти и газа для обеспечения внутренних потребностей страны, в то время как Россия ими богата. Развитая обрабатывающая промышленность Китая и ресурсозависимая экономика России естественным образом дополняют друг друга.

Разведка и добыча энергоресурсов, капиталоемкие отрасли и развитие российского энергетического сектора связаны не только с экспортной торговлей, но и с развитием цепочки энергетической промышленности. Поэтому Россия активно изучает возможности сотрудничества со странами с высоким спросом на энергоресурсы и финансовыми и технологическими преимуществами. Российско-китайское энергетическое сотрудничество не только удовлетворит потребности Китая в энергии на пути к догоняющему развитию, но и повысит надежность российского производства и экспорта энергии. В связи с этим Россия и Китай постоянно ускоряют темпы взаимовыгодного сотрудничества, совершенствуют энергетическую инфраструктуру, расширяют каналы энергетического сотрудничества в ряде областей, таких как сырая нефть, природный газ и атомная энергетика.

Важно отметить, что Китай и Россия проложили нефтепровод Китай – Россия и вторую ветку нефтепровода Китай – Россия («Сила Сибири»), а также нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан и его ответвление «Сковородино – Мохэ» на территорию Китая через провинцию Хэйлунцзян (автономный район Внутренняя Монголия).

Что касается сотрудничества в области природного газа, то в 2014 г. PetroChina подписала контракт с ПАО «Газпром» на строительство восточного маршрута газопровода Китай – Россия, по которому начиная с 2019 г. Россия поставляет газ в Китай. Российский газ поставляется с Ковихинского месторождения в Иркутской области Восточной Сибири и Чаянкинского месторождения в Республике Саха (Якутия) по магистральному газопроводу «Сила Сибири» жителям Дальнего Востока и на экспорт в Китай; после выхода на территорию Китая газопровод начинает свой путь от города Хэйхэ в провинции Хэйлунцзян на севере до города Шанхай на юге и доставляет природный газ во все районы Китая. С момента ввода газопровода в эксплуатацию и до конца октября 2022 г. совокупный объем поставок газа в Китай превысил 27 млрд м³.

Помимо российско-китайского газопровода, Россия и Китай активно осваивают проект «Ямал» в области сотрудничества по производству сжиженного природного газа (СПГ). Это первый крупный энергетический проект российско-китайского «Шелкового пути по льду», реализующийся с 2013 г. Ожидается, что к 2030 г. новые заводы СПГ на Ямале позволят обеспечить производство сжиженного природного газа на

уровне до 100 млн т. Кроме того, в стадии строительства находится российско-китайский проект «Арктика-2»; Россия продолжит играть важную роль в поставках СПГ в Китай.

В рамках сотрудничества в области атомной энергетики Россия и Китай совместно построили Тяньваньскую АЭС в 1999 г. и АЭС «Сюйдапу» в 2021 г., а также внесли ряд инноваций и усовершенствований в строительство, эксплуатацию и управление атомными электростанциями, что позволило обеспечить безопасность энергоснабжения Китая.

Т а б л и ц а 3

Проекты китайско-российского энергетического сотрудничества

Год	Название проекта	Направление сотрудничества
1999	Тяньваньская АЭС	Техническое сотрудничество для атомных электростанций
2006	Удмуртнефть	Разведка и добыча углеводородного сырья
2009	Китайско-российский трубопровод «Сковородино – Дацин»	Берет начало от нефтеперекачивающей станции (для сырой нефти)
2014	Венинефть	Разведка и добыча углеводородного сырья
2014	Сила Сибири	Транспортировка природного газа
2014	Арктик СПГ-2	Производство сжиженного природного газа
2015	ООО «Огоджинский энергетический холдинг»	Угольная отрасль
2016	Запуланское месторождение	Угольная отрасль
2016	Китайско-российский трубопровод «Сковородино – Мохэ – Дацин»	Берет начало от нефтеперекачивающей станции (для сырой нефти)
2017	Хуадянь-Тенинская ТЭЦ	Электроэнергетика
2017	ПАО «Верхнечонскнефтегаз»	Добыча углеводородного сырья (сырая нефть, попутный нефтяной газ) и геологическое изучение недр
2017	Ямал	Производство сжиженного природного газа
2019	Производство энергооборудования	Электроэнергетика
2020	Амурский ГХК	Нефтегазохимия
2020	Эльгинский кластер	Угольная отрасль
2021	АЭС «Сюйдапу»	Техническое сотрудничество для атомных электростанций

Расширение российско-китайского энергетического сотрудничества на примере проекта «Ямал»

Проект «Ямал» – первый мегапроект энергетического сотрудничества, реализованный в России после выдвижения Китаем инициативы «Один пояс – один путь». Проект реализуется в Заполярье на территории России и является крупнейшим в мире по сжижению природного газа в Арктическом регионе, относящимся к мегапроектам по разведке, разработке, сжижению, транспортировке и интеграции сбыта природного газа. Проект – новый способ для предприятий улучшить энергоснабжение путем участия в верхней части промышленной цепи на основе импорта энергии. Инвестором проекта «Ямал» является компания «Ямал СПГ», в

которую входят четыре акционера: российский «Новатэк», французская Total и китайские PetroChina и Silk Road Fund. Это первый случай, когда китайские предприятия вошли в добывающую отрасль российской энергетики через акционерное финансирование. Он также является первым для китайских компаний по добыче и переработке российской энергетической отрасли через доленое финансирование.

Т а б л и ц а 4

Акционеры «Ямал СПГ»

Акционеры компании	Объем финансирования, млн долл.	Доля акционеров, %
Новатэк	800	50,10
Total	425	20,00
PetroChina	960	20,00
Silk Road Fund	120	9,90

Проект «Ямал» – это международный кооперационный проект, расположенный в российских полярных регионах и обладающий явными признаками многонациональности: четыре основных акционера представляют три суверенные страны – Россию, Китай и Францию. На ранней стадии строительства инфраструктуры используются передовые технологии из разных стран, а компании из многих стран участвуют в планировании и строительстве проекта; на более поздней стадии добыча, хранение, транспортировка и сбыт продукции также неотделимы от технической и финансовой поддержки разных стран. Поэтому в сегодняшней обстановке политические события будут влиять на работу проекта с разных сторон.

Проект «Ямал» реализует продукцию СПГ в основном через договоры купли-продажи с компаниями всего мира. В настоящее время более 90% СПГ, производимого на Ямале, имеет своих покупателей на различных рынках.

Первый – азиатский рынок, где китайская компания PetroChina подписала 20-летнее соглашение о закупке 3 млн т в год; второй – европейский рынок, где испанская Naturgy Energy Group закупает 2 млн т в год, а французская Total – 4 млн т в год; российский рынок, где сбытовая компания «Газпрома» закупает 2,9 млн т в год, а «Новатэк», один из акционеров проекта, выступает андеррайтером 2,4 млн т в год.

Акционерами проекта «Ямал» являлись компании «Новатэк», Total, PetroChina и Фонд Шелкового пути, доля которых составляет 50,1%, 20%, 20% и 9,9% соответственно¹. Во время долевого финансирования каждая

¹ Данные об акционерах компании приведены на 2022 г.

сторона предоставила свой объем капитала, и все доходы от проекта распределены пропорционально их долям.

Таким образом, проект «Ямал» – это новая парадигма международного разделения труда и сотрудничества, которая сочетает в себе абсолютные преимущества всех стран и воплощает цель совместного строительства и взаимной выгоды. Такое сотрудничество, основанное на сравнительных преимуществах и обеспеченности факторами производства, является относительно стабильной формой взаимодействия.

Россия – важный поставщик энергоресурсов в мире, однако с 2022 г. российско-украинский конфликт дестабилизирует мировую структуру спроса и предложения энергоресурсов, напрямую влияя на российско-китайскую торговлю энергоресурсами и энергетическое сотрудничество.

Риски, связанные с санкциями

ЕС в 2022 г. ввел санкции против России, в частности, о запрете на экспорт из стран ЕС в Россию оборудования, технологий и услуг, связанных с энергетической отраслью, включая товары и технологии, предназначенные для производства сжиженного природного газа¹, чтобы не допустить извлечения выгоды российскими компаниями.

Весь процесс эксплуатации проекта «Ямал», включая бурение газовых скважин и добычу природного газа на ранних стадиях, сжижение и хранение природного газа на средних стадиях и транспортировку сжиженного природного газа на поздних стадиях, требует сложных технологических процессов и во многом зависит от технической поддержки со стороны Европейского союза и других стран. Несмотря на то что «Новатэк» начал использовать собственные технические разработки для решения проблем, с которыми столкнулся завод СПГ, добыча, сжижение и транспортировка продукции проекта все равно будут затронуты.

Кроме того, Соединенные Штаты и Европейский союз ввели санкции против российских компаний и частных лиц, вовлеченных в энергетический сектор, а многие международные энергетические компании объявили о выходе из энергетического бизнеса в России, например, BP объявила о выходе из 19,75% доли в «Роснефти», а Shell прекратила участие в любом нефтяном, газовом или другом бизнесе в России².

Total – один из четырех основных акционеров проекта «Ямал СПГ» 22 марта 2022 г заявила, что компания присоединится к санкциям ЕС против России даже в ущерб собственным интересам и свернет деятельность в России для обеспечения безопасности своих сотрудников, отка-

¹ См.: EU Sanctions against Russia Explained. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia-explained/> (дата обращения: 15.03.2025).

² См.: Thoughts on the Impact of Foreign Companies Exiting the Russian Oil and Gas Industry. – URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/thoughts-on-the-impact-of-foreign-companies-exiting-the-russian-oil-and-gas-industry/> (дата обращения: 15.03.2025).

жется от дополнительного финансирования проектов в России и разрабатывает политику в рамках ЕС для обеспечения безопасности поставок энергоносителей в европейские страны и др.

Проект «Ямал» является капиталоемким и технологичным, и без технической и финансовой поддержки Total это напрямую затронет расширение и модернизацию отраслей зеленой энергетики.

Рост транспортных расходов

В зависимости от места добычи и назначения транспортировку СПГ можно разделить на три вида: трубопроводный, автомобильный и морской. Страны, отправляющие СПГ в Китай, в основном используют морской путь, а именно: по Тихому океану (из Австралии, Малайзии и т. д.), по Северному Ледовитому океану (из России и т. д.), по Индийскому океану (из Катара и т. д.), по Атлантическому океану (из Испании, Нигерии и т. д.). Объем СПГ, поставляемого в Китай по тихоокеанскому и арктическому маршрутам, относительно велик.

Морские пути являются артериями международной торговли и глобальной транспортировки жизненно важных товаров. Перевозчики СПГ из России следуют через Северный Ледовитый океан в Китай по Берингову проливу, который соединяет Россию и США. Если США будут намеренно препятствовать нормальной транспортировке этих судов, например, вводя дополнительные проверки безопасности при прохождении через соответствующие порты, это приведет к увеличению сроков доставки и повышению стоимости транспортировки СПГ.

В случае перевозчиков, работающих на других маршрутах, особенно проходящих через воды Черного моря, вынужденное изменение маршрутов из-за политической ситуации увеличит нестабильность перевозок, а дополнительные меры или выбор новых маршрутов с целью повышения безопасности перевозок еще больше повысит их стоимость.

Влияние на общий доход и прибыль

Одновременно с ростом прибыли «Ямал СПГ» ставка налога на прибыль также выросла, что значительно увеличило давление на налоговые расходы проекта.

Барьеры на пути развития российско-китайского энергетического сотрудничества

Таким образом, барьерами на пути развития российско-китайского энергетического сотрудничества выступают:

1. Негативные эффекты модели экономического сотрудничества, ориентированной на политику.

Энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем в настоящее время в значительной степени обусловлено геополитикой, энергетической безопасностью, дипломатической стратегией и другими фактора-

ми, т. е. доминирует нерыночная мотивация. Так, фиксированные целевые показатели зачастую вступают в противоречие с актуальной рыночной конъюнктурой, а инерционность управленческих решений ограничивает оперативность реакции на рыночные изменения, что негативно сказывается на экономической эффективности сотрудничества.

Россия нуждается в Китае как в широком рынке потребления энергии, чтобы компенсировать сокращение европейского рынка в последние годы из-за санкций и других факторов, одновременно способствуя своей внутренней экономической стабильности. При этом Китаю необходимо обеспечить свою энергетическую безопасность, гарантировать стабильный импорт энергоносителей. Чрезмерная зависимость энергетической безопасности Китая от импорта углеводородных ресурсов из России неизбежно ослабляет переговорную силу КНР на международных энергетических рынках и ограничивает адаптационный потенциал в условиях изменяющейся глобальной конъюнктуры.

2. Возможные негативные последствия изменений в международном политическом ландшафте.

Западные санкции создали барьеры для российско-китайской торговли энергоносителями. Поэтому Россия и Китай стараются использовать расчеты в национальной валюте в двусторонней торговле, особенно газом, нефтью и другими сырьевыми товарами, чтобы избежать риска «длинной руки юрисдикции» со стороны Соединенных Штатов.

3. Сокращение российских энергетических запасов и переориентация российско-китайской политики на экологически устойчивое развитие.

Минеральные ресурсы конечны, и в результате их интенсивной эксплуатации в последние годы запасы энергоресурсов в России значительно сократились по сравнению с тем, что было десять лет назад. В проекте национального доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в 2023 году» Министерство природных ресурсов Российской Федерации отмечает, что запасы природного газа в России в 2014 г. составляли около 50,2 трлн м³, а в 2023 г. они сократились до 45,3 трлн м³, что говорит о сокращении запасов на 9,76% за последние 9 лет; колебание запасов угля незначительны: в 2014 г. – 273,5 млрд т, в 2023 г. – 272,8 млрд т; а запасы нефти в 2023 г. выросли на 4,37% по сравнению с 2014 г.¹

Стоит отметить, что нефть и газ являются невозобновляемыми ресурсами, и их быстрое истощение неизбежно приводит к сокращению

¹ См.: URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2023_/?ysclid=m96nk1hqnh974458896 (дата обращения: 15.03.2025).

запасов и обострению конкуренции за долю основных российских потребителей энергии, таких как Китай, Япония, Европа и Индия.

В последние годы структура энергопотребления значительно изменилась в результате внедрения политики экологически устойчивого развития в различных странах. Например, в Китае с полной реализацией углеродного пика и углеродной нейтральности предпринимаются значительные усилия по постепенному сокращению доли угля в энергобалансе.

Россия начала проводить аналогичную политику. Так, с 1 ноября 2021 г. премьер-министр М. Мишустин утвердил Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Стратегия предполагает, что Россия будет сокращать выбросы парниковых газов наряду с устойчивым экономическим ростом и планирует стать углеродно нейтральной к 2060 г.¹

Для достижения этой цели Россия намерена контролировать выбросы углерода в энергетическом, жилищно-коммунальном секторах, значительно сократить долю тепловой генерации в энергетике и электрифицировать транспорт и другие сектора. Соответственно, спрос России и Китая на более чистые источники энергии, такие как природный газ и атомная энергия, будет неуклонно расти.

Пути развития российско-китайского энергетического сотрудничества

Определим меры преодоления барьеров и предложения по развитию российско-китайского энергетического сотрудничества:

1. Укрепление автономного сотрудничества между энергетическими предприятиями на основе координации со стороны правительства.

Подавляющее большинство российских и китайских энергетических компаний являются монополистическими крупными государственными предприятиями, которые имеют тесные отношения с правительством и даже могут брать на себя часть его обязанностей и подчинены национальной стратегии энергетической безопасности. Однако для энергетических предприятий России и Китая основной мотивацией по-прежнему является стремление к максимизации прибыли, и им необходимо избегать прогнозируемых рыночных рисков в своей деятельности. Поэтому перспективным направлением развития сотрудничества является осуществление независимых контактов между энергетическими компаниями, экономических и торговых обменов, создание платформы для обмена между энергетическими предприятиями, организация деловых форумов и выставок в области энергетики, расширение каналов сотруд-

¹ См.: URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

ничества. Например, может быть ускорена реализация проекта китайско-монгольско-российского газопровода (50 млрд м³/год), а также увеличена транспортировка газа по восточному маршруту (6 млрд м³/год).

2. Снижение доли доллара США в расчетах по российско-китайской торговле энергоносителями.

Во-первых, риск, связанный с колебаниями валютных курсов между Россией и Китаем, неизбежен. Чтобы помочь предприятиям избежать рисков, следует повысить осведомленность предприятий об управлении валютными рисками и принять соответствующие меры по хеджированию валютных рисков, включая использование валютных фьючерсов и других деривативов. Во-вторых, снизить зависимость российской торговли промежуточными энергоносителями от Общества всемирной межбанковской системы финансовых телекоммуникаций (SWIFT) для обхода финансового регулирования со стороны США. Дальнейшее расширение доли юаневых и рублевых расчетов, использование китайской юаневой трансграничной платежной системы (CIPS) и российской рублевой системы крупных платежей (BRPS) для завершения трансграничных операций, избавление банков России и Китая от третьей стороны для самостоятельного завершения клиринга, а также совершенствование механизма юаневых и рублевых свопов и переводов, снятие существующих ограничений для России и Китая по проведению расчетов в национальной валюте. В то же время это позволит усовершенствовать механизм обмена и перевода юаня и рубля и решить технические проблемы, которые в настоящее время ограничивают развитие расчетов в национальной валюте между Россией и Китаем.

3. Совершенствование существующей энергетической структуры и расширение сотрудничества в области чистой энергии.

Проведение Россией и Китаем углеродно нейтральной энергетической политики окажет значительное влияние на энергетическое сотрудничество. У России богатый опыт мирного использования атомной энергии. В настоящее время Россия и Китай имеют два проекта сотрудничества в области атомной энергетики в Тяньване и Сюй Дабао. Кроме того, Россия и Китай могут изучить потенциал других источников энергии, таких как солнечная, ветровая и гидроэнергетика, использование биотоплива.

Выводы

Отличительными особенностями торгово-экономического сотрудничества России и Китая в энергетической сфере является высокая зависимость от природных ресурсов, географических факторов и политической обстановки. Так, торговля энергоресурсами подвержена значительным колебаниям цен на нефть, газ и электроэнергию, что влияет на

структуру и стабильность взаимоотношений между странами. Дополнительным фактором является технологическая зависимость, поскольку многие виды сотрудничества требуют передачи технологий для добычи, переработки и распределения энергоресурсов.

Вместе с тем энергетическое сотрудничество обеспечивает стратегическую безопасность обеих стран: для Китая – в поддержании собственной энергетической безопасности и обеспечении стабильности импорта энергоносителей; для России – смягчение негативных последствий изоляции России Западом и негативных последствий санкций.

При этом Китай может не только импортировать энергию из России, но и в полной мере использовать собственные технологические и финансовые преимущества в области новой энергетики, ориентировать китайские предприятия новой энергетики на выход на российский рынок, осуществлять инвестиционное и технологическое сотрудничество в области новой энергетики. Например, Китай обладает мощным капиталом и технологическими резервами в области новых энергетических транспортных средств, в то время как Россия в последнее время активно планирует развитие электромобилей на водородных батареях и топливных элементах, а также продвигает проекты по беспилотному вождению и другие высокотехнологичные проекты¹.

Список литературы

1. Азиева Р. Х. Перспективы сотрудничества России и Китая в контексте развития топливно-энергетического комплекса // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 9. – С. 49–67.
2. Гребениченко С. Ф., Чэнь Чэн. Глобальная энергетика – горизонты стратегического партнерства России и Китая // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 1. – С. 40–54.
3. Зайков К. С., Спиридонов А. А., Фадеев А. М. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. – 2024. – № 54. – С. 22–37. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22>
4. Пешков Г. Ю., Бондарь Е. Г. Энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем в условиях низкоуглеродной экономики // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2021. – Т. 10. – № 1 (56). – С. 180–190. – DOI: <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2022-10-1-180-190>

¹ Россия планирует выпуск собственной линейки электромобилей. – URL: https://rg.ru/2021/07/19/mishustin-rossiia-planiruet-vypusk-sobstvennoj-linejki-elektromobilej.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.03.2025).

5. An J., Mikhaylov A. Yu. Analysis of Energy Projects Financial Efficiency and Renewable Energy Generation in Russia // Finance: Theory and Practice. – 2021. – № 25 (5). – P. 79–91. – DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-5-79-91>
6. Erokhin V., Tianming G. Renewable Energy as a Promising Venue for China-Russia Collaboration // Energy Transition Economic, Social and Environmental Dimensions / edited by S. A. R. Khan, M. Panait, F. Puime Guillen, L. Raimi. – Singapore : Springer, 2022. – P. 73–101. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-3540-4_3
7. Kang X., Zhao W., Gao W. Stability Study of Energy Cooperation Based on Sino-Russian Oil Cooperation // Forecasting. – 2020. – № 3. – P. 65–73.
8. Karlusov V., Yarkov D. Cooperation between Russia and China in the Oil and Gas Energy Sector: Common Prerequisites, Political and Legal Framework, Key Areas and Development Projects // Economic Annals-XXI. – 2021. – № 193 (9-10). – P. 15–24. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V193-02>
9. Jia L. Russia and China Energy Cooperation: Why Russia is Still Important to Today's China? – URL: <https://s-space.snu.ac.kr/handle/10371/166666> (дата обращения: 10.04.2025).
10. Li J., Xu J. The Impact of Russia-Ukraine Conflict on China-Russia Energy Cooperation: a Case of the Yamal LNG Project // Eurasian Economy. – 2024. – № 6. – URL: <https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=97459> (дата обращения: 15.03.2025).
11. Makarov A. A. Technological Progress Opportunities in the Energy Sector of Russia // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – № 31. – P. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700720010086>
12. Meynkhart A. Priorities of Russian Energy Policy in Russian-Chinese Relations // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – Vol. 10 (1). – URL: <https://econjournals.org.tr/index.php/ijee/article/view/8507> (дата обращения: 15.03.2025).
13. Valizadeh A., Taheri N. China and Russia Interactions in the Field of Energy: From Unstable Cooperation to Strategic Partnership // Central Eurasia Studies. – 2023. – № 16 (1). – P. 373–397. – DOI: <https://doi.org/10.22059/jcep.2022.338220.450053>
14. Yilmaz S., Daksueva O. The Energy Nexus in China-Russia Strategic Partnership // International Relations of the Asia-Pacific. – 2019. – Vol. 19. – № 1. – P. 63–88. – DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lcx003>

References

1. Azieva R. Kh. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v kontekste razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa [Prospects of Cooperation Between Russia and China in the Context of the Development of

the Fuel and Energy Complex]. *Progressivnaya ekonomika* [Progressive Economy], 2023, No. 9, pp. 49–67. (In Russ.).

2. Grebenichenko S. F., Chen Ch. Globalnaya energetika – gorizonty strategicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya [Global Energy – Horizons of Strategic Partnership Between Russia And China]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Socio-Humanitarian Knowledge], 2017, No. 1, pp. 40–54. (In Russ.).

3. Zaykov K. S., Spiridonov A. A., Fadeev A. M. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v Arktike v energeticheskoy sfere: strategicheskiy vzglyad [Cooperation Between Russia and China in the Arctic Energy Sector: a Strategic Perspective] *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, No. 54, pp. 22–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22>

4. Peshkov G. Yu., Bondar E. G. Energeticheskoe sotrudnichestvo mezhdru Rossiey i Kitaem v usloviyakh nizkouglerodnoy ekonomiki [Energy Cooperation Between Russia and China in a Low-Carbon Economy]. *Aktualnye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika* [Current Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice], 2021, Vol. 10, No. 1 (56), pp. 180–190. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2022-10-1-180-190>.

5. An J., Mikhaylov A. Yu. Analysis of Energy Projects Financial Efficiency and Renewable Energy Generation in Russia. *Finance: Theory and Practice*, 2021, No. 25 (5), pp. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-5-79-91>.

6. Erokhin V., Tianming G. Renewable Energy as a Promising Venue for China-Russia Collaboration. *Energy Transition Economic, Social and Environmental Dimensions*, edited by S. A. R. Khan, M. Panait, F. Puime Guillen, L. Raimi. Singapore, Springer, 2022, pp. 73–101. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-3540-4_3

7. Kang X., Zhao W., Gao W. Stability Study of Energy Cooperation Based on Sino-Russian Oil Cooperation. *Forecasting*, 2020, No. 3, pp. 65–73.

8. Karlusov V., Yarkov D. Cooperation between Russia and China in the Oil and Gas Energy Sector: Common Prerequisites, Political and Legal Framework, Key Areas and Development Projects. *Economic Annals-XXI*, 2021, No. 193 (9-10), pp. 15–24. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V193-02>

9. Jia L. Russia and China Energy Cooperation: Why Russia is Still Important to Todays China? Available at: <https://s-space.snu.ac.kr/handle/10371/166666> (accessed 10.04.2025).

10. Li J., Xu J. The Impact of Russia-Ukraine Conflict on China-Russia Energy Cooperation: a Case of the Yamal LNG Project. *Eurasian Economy*, 2024, No. 6. Available at: <https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=97459> (accessed 15.03.2025).

11. Makarov A. A. Technological Progress Opportunities in the Energy Sector of Russia // *Studies on Russian Economic Development*, 2020, No. 31, pp. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700720010086>.

12. Meynkhard A. Priorities of Russian Energy Policy in Russian-Chinese Relations. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2020, Vol. 10 (1). Available at: <https://econjournals.org.tr/index.php/ijee/article/view/8507> (accessed 15.03.2025).

13. Valizadeh A., Taheri N. China and Russia Interactions in the Field of Energy: From Unstable Cooperation to Strategic Partnership. *Central Eurasia Studies*, 2023, No. 16 (1), pp. 373–397. DOI: <https://doi.org/10.22059/jcep.2022.338220.450053>.

14. Yilmaz S., Daksueva O. The Energy Nexus in China–Russia Strategic Partnership. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2019, Vol. 19, No. 1, pp. 63–88. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lcx003>.

Поступила: 07.05.2025

Принята к печати: 03.07.2025

Сведения об авторах

Цзынань Ли

аспирант кафедры менеджмента
экономического факультета РУДН.
Адрес: ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 6.
E-mail: 1042225251@pfur.ru

Лылова Елена Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента
экономического факультета РУДН.
Адрес: ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 6.
E-mail: lylova-ev@rudn.ru

Information about the authors

Zinan Li

Post-Graduate Student of the Department
of Management of the Faculty of Economics
of RUDN University
Address: Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow,
117198, Russian Federation
E-mail: 1042225251@pfur.ru

Lylova Elena Viktorovna

PhD, Assistant Professor, Assistant
Professor of the Department
of Management of the Faculty of Economics
of RUDN University.
Address: Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow,
117198, Russian Federation.
E-mail: lylova-ev@rudn.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-51-65>

ПОНЯТИЕ НЕРЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ АНТИДЕМПИНГОВЫХ МЕР¹

К. Е. Дмитриева

Евразийская экономическая комиссия,
Москва, Россия

В настоящий момент дискуссии в сфере мер торговой защиты касаются вопросов возможности применения корректировок нормальной стоимости при расчете антидемпинговой маржи в случае государственного вмешательства в экономику. За последние десять лет актуальность данной проблемы возросла. Ряд стран при проведении антидемпинговых расследований исходит из того, что у них есть право отклонять или корректировать информацию, предоставленную экспортерами для расчета нормальной стоимости, так как экономика экспортирующей страны является нерыночной/неконкурентной/искаженной. Как следствие, завышается антидемпинговая маржа, а с ней и антидемпинговая пошлина, которую должны платить экспортеры. Цель данной статьи – рассмотреть проблему применения нерыночных методик при проведении расследований, предшествующих введению антидемпинговых мер, в историческом и актуальном контексте. С учетом изменений, происходящих в мировой экономике, а также кризиса Всемирной торговой организации, связанного с неработающим Апелляционным органом, использование понятия нерыночности для целей антидемпинговых мер может не только не потерять значимость, но и стать широко используемым инструментом в конкурентной борьбе между странами. *Ключевые слова:* ВТО, нерыночные методики, страны с нерыночной экономикой, существенные искажения.

THE NOTION OF A NON-MARKET ECONOMY IN THE CONTEXT OF ANTI-DUMPING MEASURES²

Kira E. Dmitrieva

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

One of the issues, which arouse discussions in the field of trade remedies today, is the issue of whether a normal value may be adjusted while calculating a dumping margin in the case of state intervention in the economy. For the last 10 years the importance of this problem has been growing. A number of countries presume that they have the right to reject or adjust the information submitted by exporters for the calculation of a normal value in anti-dumping investigations on the basis that the economy of the exporting country is non-market/non-competitive/distorted. Therefore, a dumping margin as well as an antidumping duty, which exporters have to pay, are overstated. The aim of this article is to analyze the problem of

¹ Данная статья отражает личное мнение автора и не является позицией его работодателя.

² This article reflects the personal opinion of the author and does not represent the position of his employer.

application of non-market methodologies in anti-dumping investigations within historical and present background. Taking into account the changes which are happening now in the world economy as well as the crisis of the World Trade Organization due to the non-functioning Appellate Body, the use of the notion «non-market» for anti-dumping measures may not only lose its significance but, on the contrary, may become a widely used instrument in the competition between the countries.

Keywords: the World Trade Organization; non-market methodologies; countries with non-market economies; significant distortions.

История вопроса

Антидемпинговые меры являются одним из основных инструментов торговой политики. Положения о демпинге были изначально предусмотрены Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г.¹ Признавая благо либерализации торговли, страны осознавали необходимость сохранения инструментов торговой защиты в случае нанесения ущерба собственной отрасли экономики.

Демпинг – это ситуация, при которой товар экспортируется по цене ниже нормальной стоимости. Нормальная стоимость не всегда рассчитывается на основании фактических цен реализации товара на внутреннем рынке экспортирующей страны. Соглашение по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (далее – Антидемпинговое соглашение ВТО) предусматривает условия и порядок иного определения нормальной стоимости².

Логично предположить, что Антидемпинговое соглашение ВТО должно давать четкую инструкцию органу, проводящему расследование, относительно того, что можно делать при определении нормальной стоимости, а что делать нельзя. Однако, как показывает практика, формулировки положений статьи VI ГАТТ 1994 и Антидемпингового соглашения ВТО оставляют пространство для различных интерпретаций. Таким образом, нормальная стоимость превращается в ахиллесову пяту антидемпинговых мер, позволяющую переходить тонкую грань между действительной защитой отрасли экономики и инструментом протекционизма.

В соответствии со статьей VI ГАТТ 1994 «Антидемпинговые и компенсационные пошлины», товар считается поступившим на рынок импортирующей страны по цене ниже его нормальной стоимости, если эта цена ниже сравнимой цены при обычном ходе торговли на аналогичный товар, предназначенный для потребления в экспортирующей стране.

¹ URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Agreement on Implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994. – Article 2. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/19-adp_01_e.htm (дата обращения: 23.10.2024).

В случае, когда такая цена отсутствует, предусмотрены два варианта: сравнить экспортную цену с наивысшей сравнимой ценой на аналогичный товар, предназначенный для экспорта в любую третью страну при обычном ходе торговли, или сравнить ее со стоимостью производства товара в стране происхождения с прибавлением расходов по продаже и прибыли в разумных размерах¹.

В статье VI ГАТТ 1994 имеется также положение о том, что в каждом случае делается необходимая поправка на различия в условиях продажи, налогообложении и другие различия, влияющие на сравнимость цен. В Дополнительном положении к пункту 1 статьи VI ГАТТ 1994 (Ad Article VI) содержится следующее пояснение: «Признается, что в отношении импорта из страны с полной или в существенных чертах полной монополией на торговлю, в которой все внутренние цены устанавливаются государством, могут существовать особые трудности при определении сравнимости цен для целей пункта 1, и в таких случаях импортирующие договаривающиеся стороны могут посчитать необходимым принимать во внимание возможность того, что строгое сравнение с внутренними ценами в такой стране не всегда может оказаться подходящим»².

Дополнительное положение было включено в текст ГАТТ 1947 не сразу. В 1954 г. Чехословакия внесла предложение об изменении параграфа 1 (b) статьи VI ГАТТ 1947 с тем, чтобы установленные в статье альтернативные варианты определения нормальной стоимости могли применяться не только в случае отсутствия сопоставимых внутренних цен экспортирующей страны, но и в случае, когда цены на внутреннем рынке экспортирующей страны фиксируются государством³.

Рабочая группа, рассматривавшая вопрос внесения изменений, отклонила предложение Чехословакии по дополнению непосредственно статьи VI ГАТТ 1947, но согласилась принять Дополнительное положение⁴.

Чехословакия отмечала, что существуют страны с разными экономическими системами, и терминология, имеющая отношение к одной экономической системе, не может быть напрямую применена к другой экономической системе. Секретариат ГАТТ попросили дополнительно

¹ См.: The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947). – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения: 23.10.2024).

² Так же.

³ См.: Proposals by the Czechoslovak Delegation, Article VI, Revision under Review Working Party II on Tariffs, Schedules and Customs Administration, W.9/86/Rev.1, 21 December 1954. – URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/W/9-86R1.PDF> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: Report of Review Working Party III on Barriers to Trade other than Restrictions on Tariffs, L/334, 1 March 1955. – § 6. – URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/L999/334.PDF> (дата обращения: 23.10.2024).

изучить данный вопрос в рамках своего специального доклада 1957 г.¹ В указанном докладе Секретариата ГАТТ отмечалось, что имеются страны с государственной торговлей, где цены не основываются на производственных затратах. Цены в такой стране могут быть выше, чем в стране со свободной экономикой, и тогда демпинг может быть установлен даже в ситуациях, когда он отсутствует с экономической точки зрения. Если же цены слишком низкие, то, наоборот, демпинг установить невозможно.

Секретариат ГАТТ указывал также на то, что при применении антидемпинговых мер к странам с государственной торговлей очень редко используются внутренние цены такой страны. Импортирующие страны либо используют цены в подходящей третьей стране, либо решают вопрос путем консультаций².

В протоколах о присоединении к ГАТТ Польши³ и Румынии⁴ имеется ссылка на то, что к импорту из этих стран будет применяться Дополнительное положение. При этом в случае Польши при упоминании Дополнительного положения указано, что оно относится к импорту из страны с полной или существенной монополией на торговлю, где все цены фиксируются государством (формулировки непосредственно из текста Дополнительного положения), а в случае Румынии – к импорту из страны, в которой внешнеторговые операции осуществляются государством и торговыми предприятиями, и где некоторые внутренние цены установлены законодательно.

В 2011 г. Апелляционный орган ВТО разъяснил, что Дополнительное положение относится к определенному типу нерыночной экономики, где существует государственная монополия на торговлю, и государство устанавливает все внутренние цены. Дополнительное положение не применяется к меньшим формам нерыночной экономики, в которых не выполняются оба условия одновременно⁵.

На современном этапе развития ВТО ряд стран также являются обладателями специальных положений относительно определения демпинга, зафиксированных при их присоединении к ВТО. Первой страной,

¹ См.: Anti-Dumping and Countervailing Duties, Secretariat Analysis of Legislation, L/712, 23 October 1957. – P. 10; 158. – URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/L999/712.PDF> (дата обращения: 23.10.2024).

² Там же. – P. 10.

³ См.: Accession of Poland, Report of the Working Party, L/2806, 23 June 1967. – § 13. – URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/L3799/2806.PDF> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: Accession of Romania, Report of the Working Party, L/3557, 5 August 1971. – § 13. – URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/L3799/3557.PDF> (дата обращения: 23.10.2024).

⁵ См.: Appellate Body Report, European Communities – Definitive Anti-dumping Measures on Certain Iron or Steel Fasteners from China, WT/DS397/AB/R, 15 July 2011. – Footnote 460. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/397ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

в протокол которой было включено подобное положение, является Китайская Народная Республика (далее – Китай)¹. Формирование особых условий, применимых для Китая в рамках антидемпинговых расследований, было обусловлено тем, что на момент вступления в ВТО он продолжал переход к полной рыночной экономике².

Аналогичные формулировки можно найти в докладах рабочих групп по присоединению к ВТО Социалистической Республики Вьетнам³, Республики Таджикистан⁴. Это не просто отсылки к Дополнительному положению, а сложные конструкции, регулирующие действия импортирующей страны – члена ВТО при определении сопоставимости цен в соответствии со статьей VI ГАТТ и Антидемпинговым соглашением.

В параграфе (а) пункта 15 Протокола о присоединении Китая к ВТО определены правила, согласно которым импортирующая страна – член ВТО может использовать для рассматриваемой отрасли либо китайские цены/затраты, либо методологию, которая не основана на строгом сравнении с внутренними ценами/затратами в Китае. При этом в подпараграфе (а) (i) пункта 15 указано, что государство – член ВТО *обязано* использовать китайские цены/затраты, если производители, в отношении которых проводится расследование, могут показать, что в отрасли, производящей аналогичный товар, преобладают рыночные условия. Одновременно в подпараграфе (а) (ii) пункта 15 определено, что импортирующая страна – член ВТО *может* использовать методологию, не основанную на строгом сравнении с внутренними ценами/затратами в Китае, если производители, в отношении которых проводится расследование, не могут показать, что в отрасли, производящей аналогичный товар, преобладают рыночные условия. Согласно параграфу (d) этой же статьи действие подпараграфа (а) (ii) пункта 15 истекает через 15 лет с даты присоединения.

С приближением пятнадцатилетия членства Китая в ВТО увеличилось количество дискуссий среди экспертов относительно того, можно ли

¹ См.: Protocol on the Accession of the People's Republic of China, WT/L/432, 23 November 2001. – Point 15. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/L/432.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Report of the Working Party on the Accession of China, WT/ACC/CHN/49, 1 October 2001. – § 150. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/ACC/CHN49.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: Report of the Working Party on the Accession of Viet Nam, WT/ACC/VNM/48, 27 October 2006. – § 255. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/ACC/VNM48.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: Report of the Working Party on the Accession of the Republic of Tajikistan, WT/ACC/TJK/30, 6 November 2012. – § 164. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/ACC/TJK30.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

будет использовать нерыночную методику в отношении Китая после этой даты.

Одна группа экспертов полагала, что применение нерыночной методики станет невозможным, так как истечет действие подпараграфа (a) (ii) пункта 15 Протокола о присоединении Китая к ВТО, который является единственным основанием для применения данной методики [4]. Другие эксперты придерживались противоположного мнения, обосновывая это тем, что часть параграфа (a) пункта 15 продолжила свое действие [6].

В соответствии с еще одной позицией, суть изменений касалась перехода бремени доказательства от китайских производителей к органу, проводящему расследование, импортирующей страны. Обоснование этого подхода заключается в том, что подпараграф (a) (ii) пункта 15 устанавливал презумпцию нерыночности экономики Китая или его отдельных отраслей. Таким образом, при отсутствии подпараграфа (a) (ii) пункта 15 возможность использования иных данных остается только в случае, если орган, проводящий расследования, доказывает нерыночность, которую китайские производители в свою очередь могут опровергнуть исходя из подпараграфа (a) (i) пункта 15 [5].

Согласно позиции самого Китая, после 11 декабря 2016 г. к нему должны были применяться общие правила определения нормальной стоимости, как и для всех остальных стран – членов ВТО. В связи с тем, что США и ЕС продолжили применять к нему нерыночную методику, Китай запросил консультации с этими членами ВТО в рамках Системы разрешения споров¹. В споре с ЕС была сформирована третейская группа², работа которой 14 июня 2019 г. была приостановлена по запросу Китая, а через год истек срок ее полномочий³. Спор с США так и остался на стадии консультаций.

¹ См.: European Union – Measures Related to Price Comparison Methodologies, Request for Consultations by China, WT/DS516/1, 12 September 2016. – URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=233341&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 23.10.2024); United States – Measures Related to Price Comparison Methodologies, Request for Consultations by China, WT/DS515/1, 12 September 2016. – URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=240029,233337&CurrentCatalogueIdIndex=1&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Dispute Settlement Body, Minutes of Meeting held in the Centre William Rappard on 3 April 2017, 19 May 2017, WT/DSB/M/395. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DSB/M395.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: European Union – Measures Related to Price Comparison Methodologies, Note by the Secretariat, WT/DS516/14, 15 June 2020. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/516-14.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

Таким образом, вопрос нерыночности нашел отражение в рамках системы правил, регулирующих применение антидемпинговых мер. Включение данного элемента было обусловлено объективной необходимостью учесть особенности функционирования существовавших на тот момент разных экономических систем. При этом для текущего времени критерии применения специальных положений довольно высоки: едва ли сегодня можно найти страны с полной монополией государства на торговлю. Для отдельной немногочисленной группы стран предусмотрены особые условия применения антидемпинговых мер, которые были зафиксированы при их присоединении к ВТО. Для государств, у которых эти особые положения отсутствуют, применение антидемпинговых мер должно осуществляться исходя из общих условий.

Национальная практика отдельных членов ВТО

Одним из векторов практики членов ВТО является присвоение статуса «страна с нерыночной экономикой», который влечет за собой наименее благоприятные условия расчета нормальной стоимости: возможность отклонить данные экспортеров из этой страны и заменить их на другие.

В США нормальная стоимость для нерыночной экономики рассчитывается на основании стоимости факторов производства в странах с рыночной экономикой¹. Решение о присвоении статуса «страна с нерыночной экономикой» может быть принято в отношении любой страны в любое время. Критерии, на основании которых принимается решение о статусе «страна с нерыночной экономикой», включают конвертируемость валют, установление заработной платы на основе рыночных механизмов, влияние государства на рынок средств производства и на распределение ресурсов, допуск иностранных инвестиций и иные факторы².

В настоящее время в США к нерыночным относятся 12 стран, включая Китай, Россию, Социалистическую Республику Вьетнам, Республику Армению, Республику Беларусь, Киргизскую Республику³. Россия была лишена рыночного статуса в 2022 г. – 20 лет спустя после его получения в 2002 г.⁴

¹ См.: US Code: Title 19, Chapter 4, Subtitle IV, Part IV. – § 1677 b (c). – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/19/1677b> (дата обращения: 23.10.2024).

² Там же. – § 1677 (18). – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/19/1677> (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: US Department of Commerce, Countries Currently Designated by Commerce as Non-Market Economy Countries. – URL: <https://www.trade.gov/nme-countries-list> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: US Department of Commerce, US Department of Commerce Revokes Russia's Market Economy Status in Antidumping Proceedings (Press Release), 10 November 2022. – URL: <https://www.trade.gov/press-release/us-department-commerce-revokes-russias-market-economy-status-antidumping-proceedings> (дата обращения: 23.10.2024).

В Канаде при расчете нормальной стоимости также предусмотрена методология, позволяющая заменить данные экспортеров на цены и затраты из другой страны с неискаженным рынком. Сделать это можно для любой страны, если доказать наличие двух обстоятельств: правительство рассматриваемой страны обладает монополией или значительной монополией на экспорт; внутренние цены в значительной степени определяются правительством и отличаются от цен, которые были бы определены на конкурентном рынке. В отношении стран из специального списка достаточно доказать наличие второго обстоятельства¹. В этом специальном списке находятся Китай, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Таджикистан (эти страны взяли на себя повышенные обязательства при присоединении к ВТО), с 15 февраля 2023 г. в него были включены Республика Беларусь и Россия². Ранее Канада уже применяла нерыночные методики в рамках антидемпингового расследования в отношении арматурных прутков из Республики Беларусь³, однако для России такие методики не использовались.

В Европейском союзе (ЕС) до реформы 2017 г. для Китая, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Казахстан и иных членов ВТО, которые на тот момент рассматривались ЕС как страны с нерыночной экономикой, обычные правила определения нормальной стоимости применялись только в том случае, если производители, в отношении которых проводилось расследование, могли доказать, что они производили и продавали товар – объект расследования в рыночных условиях (наличие этих условий определялось на основании критериев, перечисленных в Антидемпинговом регламенте ЕС)⁴.

В том случае, когда наличие рыночных условий не было доказано, при определении нормальной стоимости использовались данные другой страны, экономика которой является рыночной. Из текущей редакции

¹ См.: Canada Special Import Measure Act, 1985. – Статья 20. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/S-15.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Regulations Amending the Special Import Measures Regulations: SOR/2023-26//Canada Gazette. – Part II. – Vol. 157. – N 5. – URL: <https://canadagazette.gc.ca/rp-pr/p2/2023/2023-03-01/html/sor-dors26-eng.html> (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: Statement of Reasons concerning the final determination with respect to the dumping of Certain Concrete Reinforcing Bar originating in or exported from the Republic of Belarus, Chinese Taipei, the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China, Japan, the Portuguese Republic and the Kingdom of Spain, 18 April 2017. – URL: <https://www.cbsa-asfc.gc.ca/sima-lmsi/i-e/rb22016/rb22016-fd-eng.html> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: Regulation (EU) 2016/1036 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union. Official Journal, L 176, 30 June 2016. – P. 21–54. – Article 7. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32016R1036> (дата обращения: 23.10.2024).

Антидемпингового регламента ЕС эти положения были исключены, при этом остались пункты, касающиеся стран, которые не являются членами ВТО и входят в специальный перечень: для них возможность доказательства факта наличия рыночной ситуации не предусматривается¹.

Второй вектор практики отдельных членов ВТО – корректировка информации, предоставленной в ходе расследования производителями и экспортерами товаров, в отношении которых проводятся антидемпинговые расследования. В некоторых случаях Антидемпинговое соглашение ВТО позволяет не использовать цены продаж на внутреннем рынке страны-экспортера для расчета нормальной стоимости. К таким случаям относятся отсутствие продаж при обычном ходе торговли, низкий объем продаж на внутреннем рынке или особая рыночная ситуация. При этих обстоятельствах орган, проводящий расследование, может использовать цену экспорта в третью страну или сконструировать цену на основании величины издержек в стране происхождения товара и разумного размера операционных затрат и прибыли².

Обычно органы, проводящие расследования, устанавливают наличие особой рыночной ситуации из-за того, что в экспортирующей стране на рынке товара – объекта расследования, а чаще на рынке сырья, используемого в производстве товара – объекта расследования, имеют место факторы, влияющие на рыночные условия. Далее следует вывод о невозможности использовать цены продаж на внутреннем рынке страны-экспортера и необходимости применить альтернативный вариант определения нормальной стоимости через *конструирование*, в ходе которого выясняется, что информацию о затратах, предоставленную экспортерами и производителями товара – объекта расследования, учитывать невозможно, так как *она не отражает рыночную ситуацию*, как следствие, ее необходимо скорректировать или заменить какой-либо другой рыночной информацией.

Обоснования корректировок, встречающиеся в практике, разнообразны: наличие экспортного налога на сырье, понижающего цены на

¹ См.: Regulation (EU) 2016/1036 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union (codification). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R1036-20200811> (дата обращения: 23.10.2024); Regulation (EU) 2017/2321 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2017 amending Regulation (EU) 2016/1036 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union and Regulation (EU) 2016/1037 on protection against subsidised imports from countries not members of the European Union. Official Journal, L 338, 19 December 2017. – P. 1–7. – § 2 статьи 1. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R2321> (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Agreement on Implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994. – Article 2. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/19-adp_01_e.htm (дата обращения: 23.10.2024).

внутреннем рынке¹, государственное регулирование цен на электроэнергию, переизбыток мощностей на рынке стали², наличие программ государственной поддержки в отрасли производства сырья³, искусственно заниженные цены⁴ (в частности, по причине наличия на рынке государственных предприятий, осуществляющих неприбыльные продажи)⁵, гиперинфляция и обесценивание валюты на рынке экспортирующей страны⁶.

В ряде исследований в отношении России при проведении теста на определение продаж при обычном ходе торговли ЕС корректировал цены на природный газ, используемый в производстве, обосновывая это тем, что цены на внутреннем рынке России регулируются государством и существенно ниже экспортных цен на природный газ. В качестве базы для корректировок были выбраны экспортные цены на природный газ на чешско-германской границе⁷.

¹ См.: United States Department of Commerce, Issues and Decision Memorandum for the Final Results of the Changed Circumstances Review of the Antidumping Duty Order: Biodiesel from Argentina (A-357-820), 5 May 2020. – P. 12–16

² См.: United States Department of Commerce, 2017-2018 Administrative Review of Antidumping Duty Order on Certain Oil Country Tubular Goods from the Republic of Korea: Decisions on Particular Market Situation Allegations (A-580-870), 8 November 2019. – P. 14–18.

³ См.: Australia Government, Department of Industry, Innovation and Science, Anti-Dumping Commission, Report N 341, Alleged Dumping of A4 Copy Paper Exported from the Federative Republic of Brazil, the People's Republic of China, the Republic of Indonesia and the Kingdom of Thailand and Alleged Subsidisation of A4 Copy Paper Exported from the People's Republic of China and the Republic of Indonesia. – P. 153–160. – URL: https://www.industry.gov.au/sites/default/files/adc/public-record/221_-_report_-_final_report_-_rep_341.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: Regulation (EU) 2016/1036 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union (codification). – § 3 статьи 2. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R1036-20200811> (дата обращения: 23.10.2024).

⁵ См.: Australia Government Anti-Dumping Commission, Dumping and Subsidy Manual, December 2021. – P. 29. – URL: https://www.industry.gov.au/sites/default/files/2021-12/dumping_and_subsidy_manual_-_december_2021.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

⁶ См.: Canada Border Services Agency, Notice of conclusion of a re-investigation: Certain concrete reinforcing bar (RB1 2022 RI). – URL: <https://www.cbsa-asfc.gc.ca/sima-lmsi/ri-re/rb12022/rb12022-nc-eng.html> (дата обращения: 23.10.2024); Government of Canada, Canada Border Services Agency, Special Imports and Measures Act Handbook, 18 April 2024. – P. 229.

⁷ См.: Commission Implementing Regulation (EU) 2015/110 of 26 January 2015 imposing a definitive anti-dumping duty on imports of certain welded tubes and pipes of iron or non-alloy steel originating in Belarus, the People's Republic of China and Russia and terminating the proceeding for imports of certain welded tubes and pipes of iron or non-alloy steel originating in Ukraine following an expiry review pursuant to Article 11(2) of Council Regulation (EC) No 1225/2009. Official Journal, L 20, 27 January 2015. – § 67–68. – P. 6–30. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=uriserv:OJ.L_2015.020.01.0006.01.ENG (дата обращения: 23.10.2024).

В марте 2024 г. в США внесли детальные дополнения в законодательство в части особой рыночной ситуации¹, в 2019 г. в Канаде был подробно регламентирован порядок использования альтернативных способов определения нормальной стоимости в случае установления особой рыночной ситуации², ранее в 2017 г. ЕС провел масштабную реформу системы применения мер торговой защиты.

В то время, как другие члены ВТО обосновывают корректировки через особую рыночную ситуацию, ЕС пошел дальше и законодательно закрепил новое, не предусмотренное Антидемпинговым соглашением ВТО понятие «*существенные искажения*» (варианты корректировок, применявшиеся ЕС ранее, по-прежнему могут быть им использованы).

Согласно обновленному Антидемпинговому регламенту ЕС, существенные искажения возникают тогда, когда отраженные в отчетности цены и затраты, включая затраты на сырье и энергоносители, из-за вмешательства государства формируются не под действием свободных рыночных сил³. Они могут быть найдены в *любой* экспортирующей стране, и самого факта наличия искажений достаточно, чтобы отклонить и заменить предоставленные данные на неискаженную информацию – международные цены или цены/издержки в подходящей репрезентативной стране.

Несмотря на то что формально ситуация выравнилась для всех экспортирующих стран, к отдельным странам у ЕС все же особое отношение – для них были выпущены *доклады о наличии существенных искажений в экономике*. К таким странам относятся Китай и Россия, доклады в отношении которых были опубликованы в 2017 г.⁴ и в 2020 г.⁵ соответственно.

¹ См.: Regulations Improving and Strengthening the Enforcement of Trade Remedies Through the Administration of the Antidumping and Countervailing Duty Laws (Final Rule Notice), 89 Federal Register 20766, 25 March, 2024. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/03/25/2024-05509/regulations-improving-and-strengthening-the-enforcement-of-trade-remedies-through-the-administration> (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Regulations Amending the Special Import Measures Regulations: SOR/2019-314, Canada Gazette, Part II, Vol. 153, N 18, 23 August 2023. – URL: <https://gazette.gc.ca/rp-pr/p2/2019/2019-09-04/html/sor-dors314-eng.html> (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: Regulation (EU) 2016/1036 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union (codification). – § 6 (a) Article 2. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R1036-20200811> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ См.: Commission Staff Working Document on significant distortions in the economy of the Peoples' Republic of China for the purposes of trade defence investigations, Brussels, 20.12.2017 SWD (2017) 483 final, 20 December 2017. – URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=SWD\(2017\)483&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=SWD(2017)483&lang=en) (дата обращения: 23.10.2024).

⁵ См.: Commission Staff Working Document on significant distortions in the economy of the Russian Federation for the purposes of trade defence investigations, Brussels, SWD(2020) 242 final, 22 October 2020. – URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=SWD\(2020\)242&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=SWD(2020)242&lang=en) (дата обращения: 23.10.2024).

Наличие подобных документов упрощает установление существенных искажений как для отрасли экономики ЕС при подготовке заявления, так и для Европейской комиссии при проведении расследования.

На практике соответствующий доклад пока активно применяется только в отношении Китая. Доклад 2017 г. долго использовался в качестве базы для обоснования существенных искажений в Китае, несмотря на срок его опубликования. Обновление вышло только в апреле 2024 г.¹.

Нерыночные методики с точки зрения правил ВТО

В настоящее время Органом по разрешению споров ВТО даны однозначные ответы только на *некоторые* вопросы, касающиеся практики нерыночных методик.

Во-первых, как было указано выше, одним из возможных способов определения нормальной стоимости является ее конструирование на основании производственных затрат в стране происхождения, административных и коммерческих затрат, а также прибыли. Одним из оснований перехода к конструированию является наличие особой рыночной ситуации².

Третьей группой в споре Австралия – Антидемпинговая мера в отношении бумаги (DS 529) отметила, что невозможно ограничить круг особых рыночных ситуаций, и наличие такой ситуации должно устанавливаться в зависимости от фактических обстоятельств конкретного случая³. При этом орган, проводящий расследование, должен проанализировать, позволяет ли особая рыночная ситуация провести надлежащее сравнение нормальной стоимости и экспортной цены, так как ее влияние на эти цены может быть различным⁴. Таким образом, простое заявление о том, что по причине искажений на рынке сырья имеется особая рыночная ситуация и, как следствие, нормальную стоимость можно конструировать, является недостаточным, требуется более глубокий анализ.

Во-вторых, когда заходит речь о конструировании нормальной стоимости, то у органа, проводящего расследование, возникает необходимость определить, какая информация будет использована для этой цели.

¹ См.: Commission Staff Working Document on significant distortions in the economy of the Peoples' Republic of China for the purposes of trade defence investigations, Brussels, SWD(2024)91, 10 April 2024. – URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=SWD\(2024\)91&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=SWD(2024)91&lang=en) (дата обращения - 23.10.2024).

² См.: Agreement on Implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994. – § 2.2. – Article 2. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/19-adp_01_e.htm (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: Panel Report, Australia – Anti-Dumping Measures on A4 Copy Paper, WT/DS529/R, 4 December 2019. – § 7.21; 7.54. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/529R.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ Там же. – § 7.76.

В параграфе 2.2.1.1 статьи 2 Антидемпингового соглашения ВТО указано, что, как правило, производственные затраты определяются на основании отчетности экспортеров или производителей, если эта отчетность соответствует общепризнанным принципами учета и в разумной степени отражает издержки, связанные с производством и продажей товара.

В споре ЕС – Биодизель (Аргентина) (DS 472) третьей группой пояснила, что требование «разумно отражать» относится к тому, отражают ли затраты, указанные в данных производителя/экспортера, точно и достоверно все фактические затраты производителя/экспортера. В данном контексте сравнение должно быть осуществлено между затратами, указанными в данных производителя/экспортера, и фактическими затратами, а не *гипотетическими затратами*, которые могли бы иметь место при различных обстоятельствах¹. В нескольких спорах было подтверждено, что подобная практика не соответствует нормам и правилам ВТО².

При этом Апелляционный орган ВТО не исключил возможность использования в определенных обстоятельствах данных из других источников, однако вне зависимости от того, какая информация используется, она должна применяться для определения затрат производства именно *в стране происхождения*³.

Заключение

В настоящий момент в торговой политике прослеживается стремление отдельных стран применить инструменты разделения мира на группы по признаку соответствия некоторым стандартам, включая степень

¹ См.: Panel Report, European Union – Anti-Dumping Measures on Biodiesel from Argentina, WT/DS473/R, 29 March 2016. – § 7.242. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/473R.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

² См.: Panel Report, Australia – Anti-Dumping Measures on A4 Copy Paper, WT/DS529/R, 4 December 2019. – Section 7.3. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/529R.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024); Panel Report, European Union – Anti-Dumping Measures on Biodiesel from Argentina, WT/DS473/R, 29 March 2016. – Subsection 7.4.1. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/473R.pdf&Open=True> (дата обращения - 23.10.2024); Panel Report, European Union – Anti-Dumping Measures on Biodiesel from Indonesia, WT/DS480/R, 25 January 2018. – Section 7.3. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/480R.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024); Panel Report, European Union – Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia (Second complaint), WT/DS494/R, 24 July 2020. – Section 7.2.4–7.2.6; 7.6.2; 7.6.3. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/494R.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

³ См.: Appellate Body Report, European Union – Anti-Dumping Measures on Biodiesel from Argentina, WT/DS473/AB/R, 6 October, 2016. – § 6.71–6.74. – URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/473ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 23.10.2024).

вмешательства государства в экономику. Одновременно возрастает значение государственной поддержки для решения новых задач, которые ставят перед собой страны в текущих условиях. В этой связи возникает закономерный вопрос о целесообразности и объективности деления стран на группы по признаку нерыночности.

Как показывает история вопроса, включение соответствующих положений в правовую систему, регулирующую антидемпинговые меры, действительно решало существующую на тот момент задачу учета особенностей стран с другой экономической системой. Сейчас подобной задачи нет, а навязываемые отдельными странами критерии нерыночности сомнительны, так как в той или иной степени большинство стран применяют методы поддержки экономики. Однако именно эти искусственные критерии могут стать еще одной причиной отдаления стран друг от друга во внешнеторговой сфере вместо кооперации.

Список литературы

1. Сидоров А. А. Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15 (4). – С. 81–101.
2. Смбалян А. С. Новеллы антидемпинговой политики ЕС в свете правил ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 11. – С. 16–35.
3. Хетагурова З. Х. Практика применения антидемпинговых и компенсационных мер в ЕС в контексте ВТО // Торговая политика. – 2018. – № 2 (14). – С. 79–131.
4. Minyou Y., Guan J. The non-market Economy Methodology Shall Be Terminated after 2016 // Global Trade and Customs Journal. – 2017. – Vol. 12. – N. 1. – P. 16–24.
5. Miranda J. Implementation of the 'Shift in Burden Of Proof' Approach to Interpreting Paragraph 15 of China's Protocol of Accession // Global Trade and Customs Journal. – 2016. – Vol. 11. – N 10. – P. 447–453.
6. O'Connor B. Much Ado about Nothing: 2016, China and Market Economy Status // Global Trade & Customs Journal. – 2015. – Vol. 10. – P. 176–180.
7. Vermulst E., Sud J. D., Evenett S. J. Normal Value in Anti-Dumping Proceedings against China Post-2016: Are Some Animals Less Equal Than Others? // Global Trade and Customs Journal. – 2016. – Vol. 11. – N 5. – P. 212–228.

References

1. Sidorov A. A. Osobennosti sovremennogo proteksionizma SShA i ES v otnoshenii Rossii [Features of Modern Protectionism of the USA and the EU in Relation to Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2022, No. 15 (4), pp. 81–101. (In Russ.).
2. Smbatyan A. S. Novelty antidempingovoy politiki ES v svete pravil VTO [Novelties of the EU's Anti-Dumping Policy in the Light of WTO Rules]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2020, No. 11, pp. 16–35. (In Russ.).
3. Khetagurova Z. Kh. Praktika primeneniya antidempingovykh i kompensatsionnykh mer v ES v kontekste VTO [The Practice of Applying Anti-Dumping and Countervailing Measures in the EU in the Context of the WTO]. *Torgovaya politika* [Trade Policy], 2018, No. 2 (14), pp. 79–131. (In Russ.).
4. Minyou Y., Guan J. The Non-Market Economy Methodology Shall Be Terminated after 2016. *Global Trade and Customs Journal*, 2017, Vol. 12, No. 1, pp. 16–24.
5. Miranda J. Implementation of the 'Shift in Burden of Proof' Approach to Interpreting Paragraph 15 of China's Protocol of Accession. *Global Trade and Customs Journal*, 2016, Vol. 11, No. 10, pp. 447–453.
6. O'Connor B. Much Ado about Nothing: 2016, China and Market Economy Status. *Global Trade and Customs Journal*, 2015, Vol. 10, pp. 176–180.
7. Vermulst E., Sud J. D., Evenett S. J. Normal Value in Anti-Dumping Proceedings against China Post-2016: Are Some Animals Less Equal Than Others? *Global Trade and Customs Journal*, 2016, Vol. 11, No. 5, pp. 212–228.

Поступила: 24.10.2024

Принята к печати: 16.04.2025

Сведения об авторе

Кира Евгеньевна Дмитриева
Советник, Евразийская экономическая комиссия.
Адрес: Евразийская экономическая комиссия, 119121, Москва, Смоленский бульвар, д. 3/5, строение 1.
E-mail: dmitriewa.kira@gmail.com

Information about the author

Kira E. Dmitrieva
Counselor, Eurasian Economic Commission.
Address: Eurasian Economic Commission, 3/5, str. 1 Smolenskiy bulvar, Moscow, 119121, Russian Federation.
E-mail: dmitriewa.kira@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-66-79>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕАЭС В УСЛОВИЯХ РОСТА ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

А. Ф. Линецкий

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

В условиях роста глобальной нестабильности и вызванной ею фундаментальной трансформации мировой экономики актуализируется задача, касающаяся исследования и переосмысления тех преобразований, которые выступают неизбежным следствием всеобъемлющих мировых процессов и развивающихся тенденций. Целью статьи выступает анализ преобразований, происходящих в рамках ЕАЭС в связи с изменениями глобального и регионального интеграционного процесса, а также усиления интеграционной турбулентности в региональном объединении. В то же время эти же преобразования могут содействовать развитию и укреплению региональной интеграции как возможности сократить волатильность и обеспечить стабилизацию социально-экономических процессов в регионе и отдельных странах объединения. В статье охарактеризованы дестабилизирующие мировую экономику процессы. Автором показано, что действительно имеет место перестраивание интеграционных процессов в ЕАЭС в сторону их углубления и обеспечения национальной безопасности наряду с усилением открытого регионализма. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время наблюдается большой потенциал и широкие перспективы для расширения интеграционных процессов ЕАЭС с Азиатским регионом, включая возможность участия в масштабном проекте Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Параллельно подписание соглашений о ЗСТ и установление тесных партнерских отношений со странами АСЕАН открывает доступ странам ЕАЭС к глобальному мировому рынку именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: мировая экономика, региональная экономическая интеграция, трансформация интеграционного процесса, внутрирегиональная торговля.

ECONOMIC INTEGRATION IN THE EAEU IN THE CONTEXT OF GROWING GLOBAL INSTABILITY AND THE DIRECTION OF ITS TRANSFORMATION

Alexander F. Linetsky

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

In the context of growing global instability and the fundamental transformation of the world economy caused by it, the task of exploring and rethinking those transformations that are an

inevitable consequence of comprehensive global processes and developing trends is becoming urgent. The purpose of the article is to analyze the transformations that are taking place within the EAEU in connection with changes in the global and regional integration process and to exacerbate the "integration turbulence" in the regional union. On the other hand, they can also contribute to the development and strengthening of regional integration as an opportunity to reduce volatility and ensure the stabilization of socio-economic processes in the region and individual countries of the association. The article describes the processes destabilizing the global economy. The author shows that there is indeed a restructuring of the integration processes in the EAEU towards their deepening and ensuring national security, along with the strengthening of "open regionalism". The author concludes that there is currently great potential and broad prospects for expanding the integration processes of the EAEU with the Asian region, including the possibility of participating in a large-scale project of the Asia-Pacific Free Trade Area. At the same time, the signing of FTA agreements and the establishment of close partnerships with ASEAN countries opens up access to the global market for EAEU countries in the Asia-Pacific region.

Keywords: world economy, regional economic integration, transformation of the integration process, intraregional trade.

Введение

Мировая экономика сегодня переживает период бурной трансформации во всех сегментах – региональных, отраслевых и др.¹ Огромное воздействие на эти процессы оказывают цифровизация [5], санкции [3], торговые войны [8]. В последнее десятилетие этот процесс проходит по нарастающей. Как отмечают многие исследователи [7], эта трансформация затрагивает и процессы региональной экономической интеграции в целом [2; 9], и в рамках ЕАЭС.

ЕАЭС переживает сложный период в связи с санкциями против России, но одновременно обретает новые возможности для развития интеграционного процесса с государствами развивающегося мира, прежде всего Азии.

Целью статьи выступает анализ тех преобразований, которые происходят в рамках ЕАЭС в связи с изменениями глобального и регионального интеграционного процесса.

Развитие региональной интеграции в условиях глобальной нестабильности

Проанализируем сформировавшиеся направления глобальной нестабильности в последнее десятилетие (2014–2024 гг.). Первым из них можно назвать растущую неустойчивость мировой экономики, что про-

¹ См.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 9 декабря 2022 г. № 17 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2023 г. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22vr0017/?ysclid=mckisl9gx155006324>

является в росте волатильности динамики как мирового ВВП, так и мировой торговли.

Как видно из отчета ЮНКТАД¹, именно в последнее десятилетие волатильность значительно возросла, что нарушает стабильность эволюции стран мира в экономическом и в социальном аспектах. Стоит отметить, что наряду с ростом волатильности происходит ухудшение положения развитых стран в мировой экономике, так как динамика их экономического развития замедляется, что особенно ярко заметно в Европе.

В то же время в 2022–2023 гг. замедлился темп экономического роста в Азии, прежде всего из-за возникших в экономике КНР проблем. Эти проблемы наряду с внутренней структурной природой вызваны и внешним воздействием – торговой войной, которую начали против Китая США еще в 2018 г. На этом фоне экономика США ускорила рост в постковидный период.

Таким образом, глобальная пандемия в конечном счете положительно повлияла на экономику США, укрепив ее, тогда как все остальные государства серьезно пострадали от ковидных ограничений. Угрозы возможного повторения подобных ситуаций в будущем (в частности, эпидемиологические угрозы) указывают на необходимость создания и участия в интеграционных объединениях, для того чтобы находить способы противостоять этим вызовам.

Еще одной серьезной проблемой, дестабилизирующей мировую экономику, производство и торговлю, выступают экономические санкции, вводимые, преимущественно нелегитимно западными странами против тех государств, принципы суверенного развития которых не соответствуют правилам Вашингтонского консенсуса. Вводимые коллективным Западом рестрикции в различных сферах деятельности и отраслях нарушают производственные и транспортно-логистические цепочки (например, попытка США в начале 2025 г. перехватить контроль над Панамским каналом), сформированные усилиями мирового сообщества, контроль над которыми коллективный Запад рассматривает как свою прерогативу, позволяющую США, Великобритании, ЕС, пополнять свои бюджеты за счет внешних ресурсов и возможностей, что очень важно для них в условиях экономической рецессии и отсутствия возможности одержать чистую победу в конкурентной борьбе над производителями из стран с развивающимися рынками. Однако, на наш взгляд, именно увеличившееся бремя санкций в мировой торговле затормозило ее развитие в последнее десятилетие, тогда как на протяжении практически всего по-

¹ См.: Trade and Development Report, 2024. Rethinking development in the age of discontent. – URL: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2024>

слевоенного периода она была основным фактором роста мировой экономики.

Статистические данные и экспертные мнения подтверждают, что с 2014 г. количество санкций в мировой экономике резко возросло. Это представляет серьезную угрозу дальнейшему развитию мировой экономики в целом и отдельных стран и объединений в частности, так как санкции трансформируют мировые рынки и производство, транспорт и логистику, разбалансируют спрос и предложение, негативно влияют на процессы ценообразования и, как результат, – на эффективность национальных хозяйств и их участие в международном разделении труда (МРТ) [13].

При этом эффективность санкций (т. е. изменение страной-объектом санкций своей экономической политики) остается весьма низкой, тогда как их разрушающий экономику потенциал, напротив, чрезвычайно высок [3].

Еще одним катализатором глобальной нестабильности стали политические и военные конфликты, число которых в мире заметно возросло за последние 10 лет. Так, по данным британского Международного института стратегических исследований (IISS), только в 2023 г. в мире произошло не менее 183 региональных конфликтов (это самый высокий показатель за последние 30 лет) [16], которые зачастую серьезно тормозят интеграционное и внешнеторговое сотрудничество стран на региональном уровне. Так, спровоцированный извне военный конфликт в Экономическом сообществе западноафриканских государств (ЭКОВАС) практически разрушает интеграционное сотрудничество и может привести к распаду интеграционного объединения и нанести ущерб всем его участникам [14].

Можно отметить и такую глобальную тенденцию, оказывающую влияние на интеграционные процессы в региональных объединениях, как цифровизация, трансформирующая производственные процессы, переставляющая акценты технико-технологического развития стран, изменяющая условия и возможности конкуренции на глобальных рынках и главное – дающая новые возможности для перспектив глобальной, региональной и страновой эволюции [6].

Поскольку цифровизация предполагает значительные вложения в НИОКР, необходимость сформировать научные школы, нести расходы на оборудование и т. д., а также на фоне сложностей с коммерциализацией результатов научных исследований, в том числе и с точки зрения отсутствия емкого рынка, интеграционное объединение стран выступает в более выигрышном положении в связи с возможностью объединения ресурсов, рынков, особенно при наличии исторических научных связей, совместных разработок и стандартов научной деятельности. В СНГ и

ЕАЭС такая база была заложена еще в советское время и продемонстрировала определенную эффективность [15].

Таким образом, на основе проведенного исследования основных направлений глобальной нестабильности в 2014–2023 гг., оказывающих воздействие на интеграционный процесс в ЕАЭС, можно констатировать, что глобальные политические (в том числе военные) конфликты, экономические вызовы (включая санкции), технологические (цифровизация) процессы, с одной стороны, могут формировать и усугублять интеграционную турбулентность в региональном объединении. С другой стороны, они же могут содействовать развитию и укреплению региональной интеграции как возможности сократить волатильность и обеспечить стабилизацию социально-экономических процессов в регионе и отдельных странах объединения. Изучение особенностей взаимной торговли в ЕАЭС может дать более глубокое понимание тех возможностей и сильных сторон, а также направлений взаимодействия, которые обеспечили бы перспективные и эффективные векторы развития. Соответственно, несмотря на существующие трудности, перспектива дальнейшей евразийской интеграции остается привлекательной, поскольку именно объединение усилий позволит каждому государству реализовать потенциал своего роста [11].

Понятие, цели и задачи взаимной торговли ЕАЭС

Евразийский экономический союз – региональное экономическое интеграционное объединение, обладающее международной правосубъектностью. ЕАЭС занимает площадь в 20 млн км², в нем проживают 183 млн человек – 2,6% от общей численности населения Земли.

Взаимная торговля представляет собой обмен товарами и услугами между странами – членами Евразийского экономического союза как основу углубления и развития интеграционного процесса государств-членов: России, Беларуси, Казахстана, Киргизии и Армении.

Основные цели Евразийского экономического союза закреплены в статье 4 Договора о ЕАЭС и включают, в том числе формирование единого рынка товаров и услуг, наряду с рынком капитала и рабочей силы¹.

Евразийская интеграция представляет собой стратегию формирования тесного политического, экономического и культурного сотрудничества между странами Евразии, преимущественно бывшими республиками Советского Союза. Эта инициатива направлена на углубленное взаимодействие государств с целью обеспечения совместного процветания,

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 25 мая 2023 г.) с изм. и доп., вступившими в силу с 24 июня 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

ускорения темпов экономического роста и повышения конкурентоспособности каждого участника.

Идея евразийской интеграции возникла в конце XX в. и получила широкое распространение в первой половине XXI столетия. Одной из важнейших форм ее воплощения стал Евразийский экономический союз, созданный в 2015 г. Союз ставит перед собой амбициозные задачи: создать единое пространство свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Основная цель евразийской интеграции состоит в повышении эффективности экономик входящих в нее стран, путем устранения торговых барьеров, гармонизации нормативных актов и упрощения процедуры перемещения товаров и услуг. Интеграция помогает странам объединять усилия для решения общих проблем, развивать транспортную инфраструктуру, кооперироваться в области энергетики, образования и науки.

Одним из центральных принципов евразийской интеграции является равенство и уважение суверенитета каждого государства-участника. Политика ЕАЭС основана на компромиссах и консенсусе с учетом специфики каждой страны и разнообразия культурных традиций.

Эффективному решению задач Союза на международной арене будет способствовать положительно зарекомендовавшая себя практика информирования Делового совета и представителей бизнес-сообществ государств-членов о международных мероприятиях в целях обеспечения участия в них соответствующих бизнес-делегаций. К преимуществам евразийской интеграции [1] следует отнести ускорение технологического развития, улучшение инвестиционного климата, открытие новых рынков для предпринимателей и предприятий малого и среднего бизнеса. Благодаря совместной работе решаются проблемы экологии, здравоохранения, борьбы с преступностью и терроризмом.

Таможенный союз представляет собой одну из популярных форм интеграционного объединения, поскольку он значительно упрощает таможенные операции и создает условия для беспрепятственного перемещения товаров [7].

Взаимная торговля в интеграционном блоке традиционно выступает одним из показателей уровня и качества развития интеграционного процесса. Она характеризует глубинные тенденции взаимодействия между странами. И хотя ряд авторов, исследующих экономическую интеграцию на региональном уровне, обосновывают идею о том, что взаимная торговля – не единственный важный показатель сотрудничества, особенно между странами с развивающимися рынками, ее динамика, структура, охват являются объектом пристального внимания любого регионального интеграционного объединения, а также ВТО, изучающей долю

внутриинтеграционной торговли в общем объеме внешней торговли интегрирующихся стран. В таблице представлено изменение доли внутрирегионального экспорта в общем объеме экспорта по основным макрорегионам мира.

Изменение доли внутрирегиональной торговли в 2014–2023 гг.* (в %)

	2014	2015	2016	2017	2018
Африка	16,29	19	18,53	17,19	17,15
Азия	61,34	59,95	59,2	59,83	59,96
Америка	56,34	56,04	55,26	54,9	54,66
Европа	68,03	66,81	68,24	68,18	68,44
	2019	2020	2021	2022	2023
Африка	16,78	17,47	14,97	14,71	15,88
Азия	59,52	58,56	58,67	58,48	57,93
Америка	54,01	52,57	53,35	54,2	54,51
Европа	67,95	68,08	68,63	68,5	68,18

* Составлено по данным ЮНКТАД.

Как видно из таблицы, в Европе наиболее высокий уровень внутрирегиональной торговли, что подтверждает и мнение экспертов о наиболее высоком уровне интеграции в этом макрорегионе мира (преимущественно в ЕС и в меньшей степени в Европейской ассоциации свободной торговли – ЕАСТ). Напротив, в Африке в настоящее время сохраняется низкий удельный вес внутрирегиональной торговли, а уровень интеграции – наиболее низкий именно в африканских интеграционных объединениях. В то же время данный показатель нестабилен, переживает спады и подъемы в последнее десятилетие, но в целом за последние полвека имеет тенденцию к росту. Интересно отметить, что в 2019–2021 гг. все интеграционные блоки характеризуются сокращением доли внутрирегиональной торговли с последующим ее восстановлением. Это было связано с глобальной пандемией, негативно повлиявшей на экономическую и торговую активность в мире и в отдельных странах.

Высокий объем взаимной торговли способствует выравниванию уровней экономического развития стран – участниц интеграционного объединения, таким образом, что менее развитые экономики за счет возможности более легкого выхода на региональный рынок могут обеспечить себе более устойчивый экономический рост и социальный прогресс¹. Внутрирегиональная торговля при прочих равных условиях содействует росту конкурентоспособности регионального интеграционного объедине-

¹ См.: Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложения по обеспечению устойчивого экономического развития». – М., 2023. – Октябрь.

ния и отдельных стран-участниц, уровню инноваций и социального развития, что в свою очередь стимулирует дальнейшую взаимную торговлю на основе регионального разделения труда.

Если говорить о ЕАЭС, то повышение конкурентоспособности и эффективности экономики стран-членов может происходить за счет увеличения объема торговли и специализации производств. Важным фактором поддержания устойчивого развития экономики и повышения конкурентоспособности отечественной продукции на международной арене служит активное развитие высокотехнологичного сектора промышленности. Это обусловлено тем, что именно технологические продукты наиболее близки структуре мирового товарообмена, тогда как экспорт страны традиционно ориентирован главным образом на сырье, продукцию трудоемких и ресурсозатратных промышленных секторов [6]. В свою очередь развитие взаимной торговли и укрепление экономик стран-участниц активизирует дальнейшее развитие интеграционных процессов и стабилизирует региональную экономику, постепенно сокращая имеющиеся проблемы.

Таким образом, взаимная торговля в региональном интеграционном объединении в теории и на практике имеет важное значение для объединения всех его участников, оказывая стимулирующее и стабилизирующее действие. Однако взаимная торговля в интеграционном объединении испытывает на себе влияние не только внутрирегиональных процессов, но и тех, которые происходят на уровне отдельных стран. Важным фактором, воздействующим на региональные экономические и торговые процессы, остается глобальный экономический и политический процесс, а также ряд общемировых тенденций. Они могут либо ускорять, либо тормозить, или даже замораживать региональную торговлю и интеграцию в те или иные периоды.

Проводимые в мире многочисленные исследования региональной экономической интеграции подчеркивают, что региональные интеграционные объединения могут способствовать укреплению политической стабильности и сотрудничества между государствами-участниками. Они могут служить платформой для разрешения конфликтов и снижения напряженности между странами, обеспечения национальной безопасности [12].

Соответственно, те или иные скоординированные, осознанные коллективные действия стран – членов регионального интеграционного блока могут укрепить региональную интеграцию и обеспечить более стабильное и эффективное функционирование в условиях современной глобальной нестабильности. Необходимость данного эффекта стимулирует в настоящее время общемировую тенденцию к регионализации и росту активности стран мира в направлении развития региональных интеграционных процессов.

Вместе с тем реализация данной концепции сталкивается с рядом трудностей, связанных как с внутристрановыми тенденциями (среди которых различие уровней экономического развития, необходимость согласования национальных интересов и сложности адаптации к новым условиям функционирования внутри общего экономического пространства), так и внешними (глобальными) процессами, обусловленными ростом общемировой нестабильности. По мнению ряда исследователей, эти процессы оказывают растущее (зачастую целенаправленное) влияние на интеграционную ситуацию в ЕАЭС.

Заключение

Интеграционные процессы имеют важное значение для социально-экономического развития Евразийского региона. Различия между странами-участницами могут либо препятствовать дальнейшим интеграционным инициативам, либо стать источником социальной и политической нестабильности.

По итогам исследования были выявлены ключевые проблемы взаимной торговли в рамках Евразийского экономического союза в условиях растущей глобальной нестабильности. Так, сохраняются значительные политические и экономические риски, влияющие на стабильность торговых отношений. Имеются логистические сложности, затрудняющие перемещение товаров между государствами – членами ЕАЭС. Остаются недостаточно развитыми механизмы гармонизации законодательства и стандартов, препятствующие свободной циркуляции товаров и услуг. Ограничены возможности эффективного реагирования на внешние шоки, такие как санкции и изменения глобальных рынков энергоресурсов.

В ходе работы были обнаружены проблемы, сдерживающие развитие взаимной торговли в рамках ЕАЭС, а также разработаны конкретные инициативы для их устранения. Важно обратить внимание на повышение открытости регуляторных практик, оптимизацию таможенных формальностей и снятие ограничений в секторе услуг.

Для улучшения взаимной торговли между странами ЕАЭС могут быть использованы следующие рекомендации:

1. Создание единого информационного пространства: внедрение цифровых платформ для обмена информацией о продукции, стандартах качества и санитарных нормах. Страны Евразийского экономического союза пока уступают другим государствам и международным объединениям в области внедрения цифровых технологий. Их экономическая отдача от цифровизации остается невысокой. Для преодоления отставания необходимо совершенствовать правовую систему, развивать соответствующие компетенции и укреплять институты. Уменьшить разрыв возмож-

но благодаря внедрению инновационных решений, способствующих ускоренному росту экономики [15].

2. Ускорение процессов таможенного оформления благодаря улучшению электронного декларирования товаров и унификации правил проверки грузов.

3. Развитие малого и среднего бизнеса: увеличение фондов поддержки экспорто ориентированных предприятий.

4. Разработка стратегии диверсификации экономики: снижение зависимости от экспорта сырья путем стимулирования производства высокотехнологичной продукции.

Предложенные мероприятия позволят значительно повысить эффективность взаимодействия стран – членов ЕАЭС. Ожидается увеличение объемов внутрисоюзной торговли на 15–20% в течение ближайших пяти лет, сокращение сроков доставки товаров и улучшение инвестиционного климата. Это приведет к росту ВВП каждой страны-участницы и повышению уровня жизни населения.

В настоящее время наблюдается большой потенциал и широкие перспективы для расширения интеграционных процессов ЕАЭС с Азиатским регионом, включая возможность участия в масштабном проекте Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Параллельно подписание соглашений о ЗСТ и установление тесных партнерских отношений со странами АСЕАН открывает доступ странам ЕАЭС к глобальному мировому рынку именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Государства ЕАЭС имеют значительный собственный ресурсный потенциал в промышленных, строительных, аграрных и коммерческих отраслях. Ключевое направление – повышение качества совместной продукции, развитие высокотехнологичного производства, цифровизация, создание новых рабочих мест и совместное обучение высококвалифицированных сотрудников.

Другим важным направлением экономического сотрудничества является выпуск качественной сельхозпродукции и развитие ее экспорта в дружественные страны. Примером служит успешная программа импортозамещения в области сельхозмашиностроения, реализуемая Россией и Беларусью, к которой присоединилась и Армения. Наряду с этим активизируется торговля с Вьетнамом, Ираном, Сербией, Индией, африканскими странами и другими партнерами.

Чтобы ускорить экспорт, необходима не только организация новых логистических маршрутов и цифровых платформ для продвижения товаров, но и внедрение стандартов и сертификатов, соответствующих качеству продукции, производимой в странах ЕАЭС.

Длительное существование разницы в цене на продукцию, производимую разными секторами экономики, тормозит интенсивное эконо-

мическое развитие. Прибыль от сельскохозяйственных продуктов часто намного меньше, чем от промышленности, строительства или торговли. Добавляются высокие цены на электроэнергию, топливо, семена, удобрения и другие ресурсы.

Повышение производительности труда, внедрение инновационных методов, рост конкурентоспособности в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, обновление технологий и использование научных достижений – важнейшие направления для роста экономики. Во многих странах ЕАЭС существуют незадействованные производственные мощности, которые важно модернизировать и развивать при условии использования внутренних инвестиционных ресурсов и достижения технологических прорывов во многих областях экономики.

Список литературы

1. Конов М. Д., Шарыбин Е. А. Роль стран евразийского экономического союза в экспорте ископаемых энергоресурсов и электроэнергии: риски и перспективы // Вестник Евразийской науки. – 2022. – № 3(14). – С. 1–12.
2. Крайнов Г. Н. Глобализация и регионализация как векторы мирового развития // Никита Моисеев и современный мир : доклады и материалы конференции. К 30-летию научной школы и МНЭПУ. – М. : Российская академия наук, 2023. – С. 93–97.
3. Меланьина М. В. Экономические санкции в мировой экономике: теоретические аспекты // Мировая экономика в XXI веке : Value and Values : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Айдрус. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 100–104.
4. Миничова В. С. Стимулы и противоречия сотрудничества стран Евразийского экономического союза в энергетической сфере // Вестник Евразийской науки. – 2023. – № 5(15). – С. 1–12.
5. Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье : доклад НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2024. – С. 14.
6. Новые тренды цифровизации: мир и Россия. – М. : Инфра-М, 2023.
7. Огнева Н. Ф., Броян И. В. Развитие интеграционных процессов стран – членов Евразийского экономического союза // Вестник Евразийской науки. – 2022. – № 3(14). – С. 1–12.
8. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 213–235.

9. Позиционирование региона в системе новых форматов международной экономической интеграции. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2016.

10. Смирнов Е. Н. Изменение векторов трансграничных инвестиций и глобальных цепочек создания стоимости (на примере Китая и США) // Россия и Азия. – 2025. – № 1 (31). – С. 6–16.

11. Харитонова Н. И. Актуальная повестка для ЕАЭС // Постсоветские исследования. – 2023. – № 8 (6). – С. 880–889.

12. Чиниев Д. Б. Экономическая безопасность Республики Таджикистан в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2010.

13. Шкваря Л. В. Динамика и структура экспорта углеводородов из России в ЕС и влияние санкций // Крымский научный вестник. – 2017. – № 4 (16). – С. 21–37.

14. Шкваря Л. В., Абдулай М. С. Ю. ЭКОВАС: интеграция VS дезинтеграция // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 8. – С. 33–41.

15. Шкваря Л. В. Технологические платформы как предпосылка устойчивого развития стран СНГ в посткризисный период // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2011. – № 4. – С. 374–378.

16. Эксперты сообщили, что в 2023 году в мире произошло 183 региональных конфликта. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19503073>

References

1. Konov M. D., Sharybin E. A. Rol stran evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza v eksporte iskopaemykh energoresursov i elektroenergii: riski i perspektivy [The Role of the Countries of the Eurasian Economic Union in the Export of Fossil Energy Resources and Electricity: Risks And Prospects]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2022, No. 3 (14), pp. 1–12. (In Russ.).

2. Kraynov G. N. Globalizatsiya i regionalizatsiya kak vektory mirovogo razvitiya [Globalization and Regionalization as Vectors of World Development]. *Nikita Moiseev i sovremenniy mir, doklady i materialy konferentsii. K 30-letiyu nauchnoy shkoly i MNEPU* [Nikita Moiseev and the Modern World, Reports and Conference Materials. Dedicated to the 30th Anniversary of the Scientific School and MNEPU]. Moscow, Rossiyskaya akademiya nauk, 2023, pp. 93–97. (In Russ.).

3. Melanina M. V. Ekonomicheskie sanktsii v mirovoy ekonomike: teoreticheskie aspekty [Economic Sanctions in the Global Economy: Theoretical Aspects]. *Mirovaya ekonomika v XXI veke: Value and Values : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The World

Economy in the 21st Century: Value and Values, Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, edited by I. A. Aidrus. Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov (RUDN), 2019, pp. 100–104. (In Russ.).

4. Minchichova V. S. Stimuly i protivorechiya sotrudnichestva stran Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza v energeticheskoy sfere [Incentives and Contradictions of Cooperation between the Countries of the Eurasian Economic Union in the Energy Sector]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2023, No. 5(15), pp. 1–12. (In Russ.).

5. Mir v labirinte sanktsiy: promyshlennaya politika na perepute [The World in the Labyrinth of Sanctions: Industrial Policy at a Crossroads], доклад NIU VShE. Moscow, Izd. dom «Vysshey shkoly ekonomiki», 2024, p. 14. (In Russ.).

6. Novye trendy tsifrovizatsii: mir i Rossiya [New Trends in Digitalization: the World and Russia]. Moscow, Infra-M, 2023.

7. Ogneva N. F., Broyan I. V. Razvitie integratsionnykh protsessov stran – chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Development of Integration Processes in the Member Countries of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2022, No. 3 (14), pp. 1–12. (In Russ.).

8. Pak S. Torgovaya vojna Kitaya i SShA: chto budet s kitayskoy ekonomikoy? [China-US Trade War: What Will Happen to the Chinese Economy?]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [Bulletin of International Organizations], 2020, Vol. 15, No. 2, pp. 213–235. (In Russ.).

9. Pozitsionirovanie regiona v sisteme novykh formatov mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [Positioning of the Region in the System of New Formats of International Economic Integration]. Ekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN, 2016. (In Russ.).

10. Smirnov E. N. Izmenenie vektorov transgranichnykh investitsiy i globalnykh tsepochek sozdaniya stoimosti (na primere Kitaya i SShA) [Changing Vectors of Cross-Border Investments and Global Value Chains (on the Example of China and the USA)]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025. No. 1 (31), pp. 6–16. (In Russ.).

11. Kharitonova N. I. Aktualnaya povestka dlya EAES [The current Agenda for the EAEU]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2023, No. 8 (6), pp. 880–889. (In Russ.).

12. Chiniev D. B. Ekonomicheskaya bezopasnost Respubliki Tadzhikistan v usloviyakh globalizatsii. Avtoref. Diss. kand. ekon. nauk [Economic Security of the Republic of Tajikistan in the context of Globalization]. PhD econ. sci diss. Moscow, 2010. (In Russ.).

13. Shkvarya L. V. Dinamika i struktura eksporta uglevodorodov iz Rossii v ES i vliyaniye sanktsiy [Dynamics and Structure of Hydrocarbon

Exports from Russia to the EU and the Impact of Sanctions]. *Krymskiy nauchniy vestnik* [Crimean Scientific Bulletin], 2017, No. 4 (16), pp. 21–37. (In Russ.).

14. Shkvarya L. V., Abdulay M. S. EKOVAS: integratsiya VS dezintegratsiya [ECOWAS: Integration VS Disintegration]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2024, No. 8, pp. 33–41. (In Russ.).

15. Shkvarya L. V. Tekhnologicheskie platformy kak predposylka ustoychivogo razvitiya stran SNG v postkrizisniy period [Technological Platforms as a Prerequisite for Sustainable Development of the CIS Countries in the Post-Crisis Period]. *Gorniy informatsionno-analiticheskiy byulleten (nauchno-tekhnicheskiy zhurnal)* [Mining Information and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal)], 2011, No. 4, pp. 374–378. (In Russ.).

16. Eksperty soobshchili, chto v 2023 godu v mire proizoshlo 183 regionalnykh konflikta [Experts Reported that 183 Regional Conflicts Occurred in the World in 2023]. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19503073>

Поступила: 08.04.2025

Принята к печати: 03.09.2025

Сведения об авторе

Александр Федорович Линецкий
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
исследования региональных социально-
экономических систем ИЭ УрО РАН.
Адрес: Институт экономики Уральского
отделения Российской академии наук,
620014, Екатеринбург,
ул. Московская, д. 29.
E-mail: andreeva.el@uiec.ru

Information about the author

Alexander F Linetsky
Doctor of Economics, Senior Researcher
of the Department of Regional Socio-
Economic Systems Research
of the IE UB RAS.
Address: Institute of Economics, Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences,
29 Moskovskaya Street, Yekaterinburg,
620014, Russian Federation.
E-mail: andreeva.el@uiec.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-80-93>

ПРОБЛЕМЫ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ СТРАН СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ В УСЛОВИЯХ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИМПОРТА: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД

М. Д. Чапичев

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье систематизированы проблемы фермерских хозяйств стран Северной и Восточной Африки в условиях зависимости от импорта. Методологическая основа исследования включает четыре ключевые концепции: институциональную теорию, теорию продовольственной безопасности, теорию устойчивого развития и теорию импортозависимости. Их комплексное применение позволило рассмотреть влияние как макроэкономических, так и микроэкономических факторов, формирующих уязвимость фермерских хозяйств региона к внешним рыночным изменениям. Использованы методы системного анализа, контент-анализа стратегических документов и классификации. Это позволило выявить основные блоки проблем фермеров прямо связанных с импортозависимостью (высокая стоимость импортных товаров, отсутствие современных технологий и оборудования), косвенно связанных (нехватка инвестиций, низкая рентабельность, деградация земель), а также независимых от импорта (политические барьеры, низкий уровень образования, неразвитая инфраструктура). Предложенные классификации учитывают характер влияния проблем (системных и операционных) и уровень их управляемости (решаемых на уровне фермерских хозяйств, государства или требующих международного сотрудничества). Выявлено, что решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, сочетающего реформирование аграрной политики, развитие локальной инфраструктуры и кооперативов, повышение образовательного уровня фермеров и внедрение инновационных технологий. Полученные результаты могут быть использованы при формировании стратегии устойчивого развития агропромышленного комплекса стран Северной и Восточной Африки, направленной на снижение импортозависимости и повышение продовольственной безопасности.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, продовольственная безопасность, импортозамещение.

PROBLEMS OF FARMERS IN THE COUNTRIES OF NORTH AND EAST AFRICA UNDER IMPORT DEPENDENCE: CLASSIFICATION

Maksim D. Chapichev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The article systematizes the problems of farms households in North and East African countries under conditions of import dependence. The methodological foundation of the study

incorporates four key concepts: institutional theory, food security theory, sustainable development theory, and import dependence theory. Their comprehensive application made it possible to examine both macroeconomic and microeconomic factors that shape the vulnerability of the region's farming households to external market fluctuations. The article employs methods of systems analysis, content analysis of strategic documents, and classification, which enabled the identification of the primary groups of farmers' problems: those directly related to import dependence (e.g., high cost of imported goods, lack of modern technologies and equipment), indirectly related (lack of investments, low profitability, land degradation), as well as independent of imports (political barriers, low educational levels, underdeveloped infrastructure). The proposed classifications take into account the nature of these issues (systemic or operational) and their level of manageability (resolvable at the level of farming households, the state, or requiring international cooperation). It is revealed that addressing these problems necessitates a comprehensive approach that combines reforms in agricultural policy, the development of local infrastructure and cooperatives, improvement in farmers' education, and the introduction of innovative technologies. The findings can be used to formulate a sustainable development strategy for the agro-industrial complex of North and East African countries aimed at reducing import dependence and enhancing food security.

Keywords: agrarian policy, food security, import substitution.

Фермерские хозяйства в странах Северной и Восточной Африки (СВА) играют ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности, в экономическом развитии и занятости сельского населения. Однако высокая зависимость от импорта сельскохозяйственных товаров, включая семена, удобрения, технику и продовольственные продукты, создает серьезные вызовы для устойчивого развития аграрного сектора. Импортозависимость усугубляется колебаниями мировых цен, логистическими сбоями, валютными рисками и политической нестабильностью, что делает фермерские хозяйства особенно уязвимыми к внешним факторам воздействия.

В сложившихся условиях системный анализ и классификация проблем фермерских хозяйств становятся необходимыми инструментами для разработки эффективных стратегий аграрной политики, программ поддержки и адаптации сельского хозяйства к меняющимся экономическим условиям. Научная значимость классификации заключается в создании структурированного подхода к изучению факторов, ограничивающих развитие фермерских хозяйств, и выявлению закономерностей, влияющих на их функционирование. С практической точки зрения классификация проблем способствует более точному целеполаганию аграрной политики, эффективному распределению ресурсов и разработке мер по снижению импортозависимости. Выявление ключевых групп проблем (политических, технологических, экономических, инфраструктурных) позволяет корректировать механизмы государственной поддержки с учетом особенностей региона и необходимости импортозамещения.

Таким образом, классификационный подход к исследованию проблем фермерских хозяйств стран СВА в условиях зависимости от импорта

представляет собой важное направление научного анализа, имеющее как теоретическое, так и прикладное значение.

Исследование проблем фермерских хозяйств стран СВА в условиях зависимости от импорта требует комплексного подхода, включающего теоретический анализ, систематизацию существующих данных и применение методов классификации. Данное исследование опирается на междисциплинарный анализ, сочетающий экономические, институциональные и аграрные теории, а также методологические подходы к изучению импортозависимости и устойчивости сельскохозяйственного сектора.

Методологическая основа классификации проблем фермерских хозяйств стран СВА в условиях зависимости от импорта представлена такими концепциями, как институциональная теория, анализирующая влияние политических и экономических институтов на региональную аграрную политику, теория продовольственной безопасности, объясняющая механизмы влияния импорта на уровень самообеспечения продовольствием, теория устойчивого развития, сочетающая идеи рационального и бережного использования ресурсов, природосохранения через инновационное развитие, теория импортозависимости, рассматривающая влияние внешнеэкономических факторов на развитие национальной экономики, в том числе с точки зрения ее уязвимости к глобальным рыночным изменениям.

Применение указанных концепций позволяет рассмотреть проблемы фермерских хозяйств стран СВА с учетом макроэкономических и микроэкономических факторов. Исследование построено на использовании следующих методов: системного анализа, который применен при изучении взаимосвязей между импортозависимостью, экономическим положением фермеров и мерами региональной аграрной политики, направленными на поддержку сельского хозяйства; контент-анализа стратегических документов, позволяющего обозначить существующие способы поддержки фермеров, определить их эффективность и выявить барьеры и проблемы развития фермерских хозяйств; метода классификации, позволяющего структурировать проблемы фермерских хозяйств, исходя из различных критериев, выявить уязвимости и предложить способы их устранения. Выбранный классификационный подход считается фундаментальным методом научного познания (К. Линней, Г. Кантор, Э. Дюркгейм)¹.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что ключевым подходом к решению проблем фермерских хозяйств стран СВА является классификация по уровню импортозависимости (рис. 1).

¹ См.: Байбородова Л. В., Черняевская А. П. Методология и методы научного исследования : учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2025.

Так, среди проблем, прямо связанных с импортом, можно выделить высокую стоимость закупаемых за рубежом сырья, продукции, материалов, оборудования, технологий и т. д. В условиях ограниченной промышленной базы и низкого уровня развития местного агропромышленного комплекса импорт становится не только источником высококачественных производственных средств, но и серьезным фактором финансовых и производственных рисков. Рост мировых цен, колебания обменных курсов, логистические затруднения и политическая нестабильность усиливают уязвимость фермерских хозяйств, которые нередко оказываются в ситуации недостатка необходимых ресурсов.

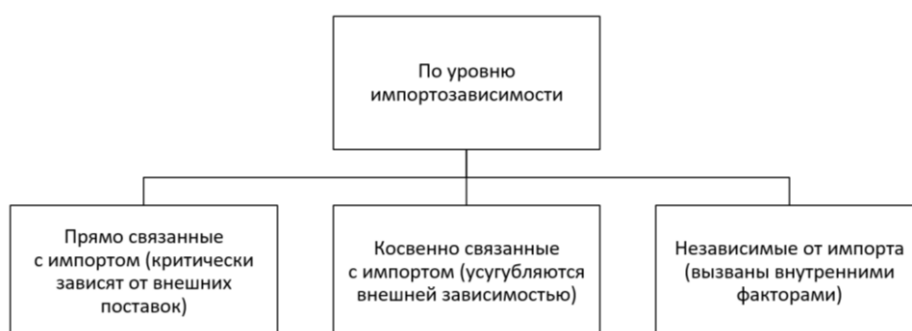

Рис. 1. Классификация проблем фермерских хозяйств стран СВА по уровню импортозависимости

В результате у фермерских хозяйств стран СВА снижается потенциал для масштабного развития производства и внедрения инновационных решений, что в долгосрочной перспективе приводит к формированию импортозависимой модели хозяйствования.

Еще одна проблема, прямо связанная с импортом, – зависимость от колебаний валютных курсов. Ослабление национальной валюты делает закупки дороже, снижая рентабельность производства. К аналогичному эффекту приводит и высокий уровень инфляции в странах СВА.

Кроме того, имеет место проблема монополизации определенных видов импортных товаров, что автоматически способствует росту цен и создает угрозу для фермеров. Современные сельскохозяйственные машины (тракторы, комбайны, системы точного земледелия) в основном импортируются, что делает их малодоступными для мелких фермеров. На стоимость закупаемой техники влияют также таможенные пошлины и логистические затраты. В итоге не хватает ни сельскохозяйственной техники, ни оборудования. Преобладание ручного труда затрудняет масштабирование фермерских хозяйств. Проблема зависимости от импорта обуславливает отсутствие технологий переработки урожая, так как все оборудова-

ние для переработки (мельницы, упаковочные линии, заводы по переработке фруктов и овощей) импортное и практически недоступно для мелких фермеров. В результате их-за невозможности переработать урожай фермеры либо продают его по сниженной и невыгодной для себе стоимости, либо теряют его (потери выращенной продукции в некоторых странах доходят до 50%). По данным Всемирного института ресурсов, в настоящее время в Африке выбрасывают на свалки 37% всей продукции [2].

К импортозависимым проблемам можно отнести и слабую цифровизацию сельского хозяйства стран СВА. Цифровые технологии (GPS-навигация, датчики влажности почвы, автоматизированное управление орошением, онлайн-платформы для продажи продукции) практически не используются в фермерских хозяйствах региона, так как имеют высокую стоимость, сложны для внедрения, а также из-за неразвитости Интернета в сельской местности. Для мелких фермеров характерны проблемы с системами орошения, поскольку современные технологии обычно внедряет крупный агробизнес. Поэтому большинство мелких фермеров полагаются на традиционные методы полива и дождевое орошение, что крайне неэффективно в условиях скудности водных ресурсов. Такая ситуация имеет место в Кении, где фермеры сталкиваются с нехваткой воды в засушливых районах, так как используют традиционные методы полива, которые расходуют слишком много воды [1]. Орошаемое земледелие – ключевой фактор сельского хозяйства в засушливых регионах стран СВА. Однако системы орошения (капельное орошение, дождевальные установки) в большинстве случаев недоступны для мелких фермеров. Последствиями такой ситуации являются низкая урожайность, быстрое истощение водных ресурсов, повышенные затраты фермеров на полив [6].

Некоторые проблемы фермеров косвенно связаны с импортом, но напрямую от него не зависят. К такого рода проблемам относится нехватка инвестиций для развития, что определяется низкой привлекательностью сельского хозяйства для инвестиций. В свою очередь рентабельность сектора низкая вследствие дорогостоящих ресурсов для ведения хозяйства. Колебания валютных курсов создают для инвесторов дополнительные риски. Таким образом, проблемы инвестиций обусловлены общими макроэкономическими процессами, политической нестабильностью, слабостью финансовых институтов и недостаточной государственной поддержкой аграрного сектора.

Низкая рентабельность фермеров – еще одна проблема, которая косвенно связана с импортом. На рентабельность влияют не только стоимость импортного сырья и материалов, но и такие факторы, как климатические условия, налоговая политика, доступность кредитов и состояние инфраструктуры. Так, деградация земель возникает из-за излишнего, либо неправильного использования удобрений. При этом фермеры ис-

пользуют их нерегулярно или применяют дешевые, менее эффективные и вредные для почвы. Кроме того, фермеры не всегда имеют доступ к альтернативным методам повышения плодородия, таким как органические удобрения или агролесоводство. Деграция земель – это долгосрочная проблема, связанная с интенсивным земледелием, изменением климата, неправильным управлением ресурсами и нехваткой агротехнических знаний [7]. Импортотависимость усугубляет эту ситуацию.

Третий блок – проблемы фермеров, независимые от импорта и вызванные внутренними причинами. При этом можно выделить такую проблему, как наличие политических барьеров, включая коррупцию и регуляторные сложности. Фермерские хозяйства часто сталкиваются с бюрократическими и административными барьерами, которые мешают их развитию. Коррупция, сложные процедуры получения субсидий и отсутствие прозрачных правил игры делают аграрный сектор менее привлекательным для ведения бизнеса. Фермеры часто не могут получить субсидии и кредиты, так как средства распределяются непрозрачным образом или достаются только крупным аграрным предприятиям. Во многих странах СВА имеют место сложности с получением адресной поддержки, которая направлена на фермерские хозяйства, соответствующие конкретному критерию, например, определенная географическая зона ведения хозяйства, либо определенный вид выращиваемой продукции. Адресная поддержка может выражаться в предоставлении техники, кредитования, снижении налогов и др. Однако во многих странах СВА такая помощь либо недоступна, либо распределяется неэффективно, при этом основная причина – бюрократические проволочки, отпугивающие фермеров, которые всю жизнь прожили в сельской местности и не могут самостоятельно оформить необходимый пакет документов (такая ситуация имеет место в Эфиопии, Танзании). Кроме того, адресные программы часто разрабатываются без учета региональных особенностей ведения фермерского хозяйства и оценки реальных потребностей фермеров в помощи, что приводит к оказанию поддержки хорошо развитым районам (Египет) [12]. Например, эффективной могла бы быть поддержка в период сбора урожая, а также помощь со сбытом и реализацией. К регуляторным барьерам относятся и проблемы, связанные с оформлением документов на экспорт; существующие правила значительно ограничивают возможности мелких фермеров выйти на внешний рынок. Так, в Эфиопии система экспорта является централизованной, когда государство регулирует весь процесс, поэтому фермеры самостоятельно не могут осуществлять экспорт продукции, они могут только взаимодействовать с компаниями-посредниками [11]. В ряде стран СВА необходимы разрешительные документы для занятия экспортной деятельностью, например, в Марокко требуется предоставлять документацию, соответствующую

международным стандартам, подтверждающую качество и безопасность продукции [16]. В Египте экспорт сельскохозяйственной продукции подлежит лицензированию. Так, фермер, желающий экспортировать свою продукцию, должен получить лицензию, необходимые сертификаты, подтверждающие качество продукции. Кроме того, существуют определенные квоты и ограничения на экспорт некоторых видов сельскохозяйственной продукции, что требует дополнительного согласования с соответствующими государственными органами¹. Аналогичная система получения лицензий на экспортную деятельность есть и в Алжире. В Египте наблюдается значительный дисбаланс между потребностью в выращивании высокоценных культур высокого качества, которые можно отгружать на экспорт и существующей структурой выращиваемой продукции; 80% продукции не соответствует международным требованиям [13].

Таким образом, в указанных странах Северной Африки экспорт сельскохозяйственной продукции регулируется через систему лицензирования и осуществляется при соблюдении строгих требований к качеству и безопасности продукции. Это создает дополнительные барьеры для фермеров, особенно мелких, при выходе на международные рынки.

Еще одна проблема, относящаяся к регуляторным барьерам – это коррупция при распределении государственной помощи, которая подрывает эффективность поддержки, так как искажаются данные, когда поддержка номинально, по документам оказывается, но по факту фермеры ее не получают. Коррупционные скандалы имели место в Судане и Кении [14]. Вследствие политических барьеров снижается количество населения, занимающегося сельскохозяйственной деятельностью, растет теневой рынок, агробизнес находится в руках крупных компаний, которые вытесняют мелких фермеров.

Следующая причина, не связанная с импортом, – низкий уровень образования фермеров. Большинство фермеров стран СВА (более 85%) используют традиционные методы ведения сельского хозяйства, которые не соответствуют требованиям современного рынка, включая основные аспекты конкурентоспособности, а также изменяющимся климатическим условиям. Фермеры, не имея достаточных знаний, не могут предотвратить снижение урожайности, не знают как эффективно бороться с вредителями, с влиянием погодных условий, как бережно использовать такие ресурсы, как земля, вода, удобрения. Фермерам необходимо изучать особенности выращивания современных сортов продукции, наименее уязвимой к климатическим изменениям. Однако в большинстве сельскохозяйственных территорий, особенно удаленных от городов, отсутствуют

¹ См.: Trade Policy Review: Egypt 2022. – URL: <https://www.wto.org> (дата обращения: 10.02.2025).

школы и курсы агронаправленности (Марокко, Судан, Алжир). При этом стоимость обучения достаточно высокая, что снижает возможности фермеров для саморазвития. Практически не развиты технологии дистанционного обучения, которые доказали свою эффективность и полезность для фермеров (в Кении есть положительный опыт организации курсов для фермеров, однако в настоящий момент онлайн-курсы доступны лишь небольшому числу фермеров). О многом говорит общий уровень неграмотности среди сельских жителей – в разных странах СВА от 20 до 40% [13]. В свою очередь нехватка кадров обусловлена миграцией молодежи из сельских районов, что связано с отсутствием перспектив (сохраняется низкий уровень заработных плат, работа достаточно тяжелая с преобладанием ручного труда (Египет, Эфиопия).

Еще одна проблема внутреннего характера – неразвитая инфраструктура: плохое состояние дорог и мостов, а в отдаленных районах даже их отсутствие значительно затрудняет перевозку продукции (Эфиопия, Кения, Судан). В странах СВА очень мало транспортных компаний, которые способны организовывать перевозку с соблюдением всех санитарных требований, что повышает расходы на перевозку продукции, приводит к увеличению ее потерь, ограничивает доступ к рынкам. Большинство мелких фермеров сталкиваются с нехваткой складских помещений для хранения урожая, более того, эти помещения в условиях стран СВА должны обладать особыми технологическими характеристиками, такими как поддержание заданной температуры, влажности, защита от вредителей, прямого солнца. В противном случае фермеры сталкиваются со значительными потерями урожая сразу после сбора и вынуждены сразу продавать урожай по низкой цене. Так, в Танзании из-за отсутствия оборудованных складских помещений теряется до 40% урожая фруктов и овощей. Проблемы с транспортной инфраструктурой и хранением урожая остаются ключевыми препятствиями для мелких фермеров стран СВА. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего инвестиции в инфраструктуру, модернизацию технологий и поддержку фермерских кооперативов. Эти меры позволяют сократить потери продукции, повысить доходы фермеров и улучшить устойчивость сельскохозяйственного сектора региона. Таким образом, проблемы, не зависящие от импортозависимости, также требуют решений на уровне государственной политики, местных властей и образовательных учреждений. Улучшение административных процедур, развитие образовательных программ, привлечение молодежи в сельское хозяйство и модернизация инфраструктуры являются ключевыми задачами для повышения эффективности аграрного сектора.

Проблемы фермерских хозяйств стран СВА можно классифицировать по характеру их влияния на фермерские хозяйства. Согласно пред-

ставленной классификации (рис. 2), проблемы фермерских хозяйств стран СВА подразделяются на системные (долгосрочные, стратегические) и операционные (текущие, краткосрочные).

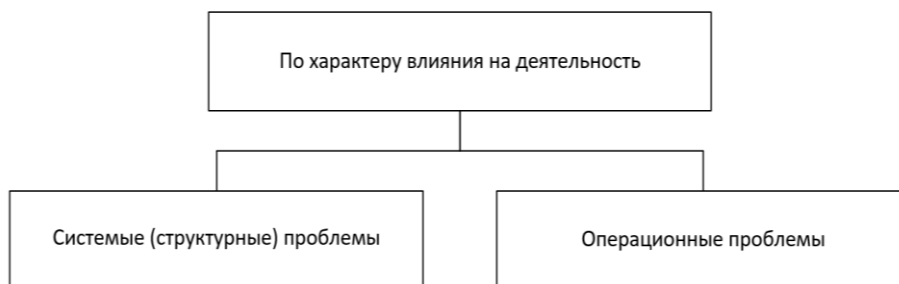

Рис. 2. Классификация проблем фермерских хозяйств стран СВА по характеру влияния на деятельность

Системные проблемы требуют комплексного подхода, реформ на государственном уровне, реализации мероприятий в составе региональной аграрной политики, что занимает достаточно много времени. К таким проблемам можно отнести дисбаланс аграрной политики, когда меры поддержки в первую очередь используются крупным агробизнесом, при этом мелкие фермеры практически не имеют доступа к ним, недостаток программ по развитию кооперативов, нехватку образовательных программ для развития практических навыков ведения современного, эффективного сельского хозяйства у фермеров, деградация земель и водных ресурсов, другие экологические проблемы.

Операционные проблемы прямым образом влияют на повседневную деятельность фермеров, к ним относятся колебания стоимости импортных товаров, которые приводят к росту затрат и снижают рентабельность, проблемы с хранением, переработкой и транспортировкой продукции, что не позволяет фермерам выгодно реализовывать продукцию; сложности с получением субсидий и оформлением различного рода документов. Данная классификация позволяет разработать меры на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды, исходя из которых можно решить текущие проблемы с учетом системных проблем аграрной политики и сократить срок их реализации.

Проблемы фермерских хозяйств стран СВА можно классифицировать по уровню управляемости (решаемости проблем) (рис. 3).

Этот вид классификации позволяет понять, какие проблемы можно решить на местном уровне, а какие требуют внешнего вмешательства. Так, самостоятельно фермеры могут улучшить ротации сельскохозяй-

ственных культур, использовать альтернативные методы орошения, внедрять экологичные способы выращивания продукции, перейти на выращивание более эффективных и выгодных сельскохозяйственных культур.

Рис. 3. Классификация проблем фермерских хозяйств стран СВА по уровню управляемости

С помощью государственной поддержки могут быть решены такие проблемы, как коррупция, отсутствие адресной поддержки мелких фермеров, нехватка образовательных программ. При этом проблемами, требующими международного сотрудничества, являются неразвитая инфраструктура (мосты, дороги, хранилища, заводы и т. д.), сложность внедрения современных агротехнологий, наличие экспортных барьеров и отсутствие доступа мелких фермеров к международным рынкам.

Предложенные классификации позволяют структурировать существующие проблемы фермеров стран СВА и выделить стратегические решения проблем исходя из различных причин и факторов их появления.

Таким образом, ключевым результатом исследования стала разработка классификации проблем фермерских хозяйств стран СВА, основанной на степени их связи с импортозависимостью. Были выделены три основные группы проблем, наиболее критичных для фермерских хозяйств региона, вынужденных работать в условиях высокой уязвимости к внешним факторам, включая рост мировых цен, логистические сбои и политическую нестабильность. Проблемами, косвенно связанными с импортом, являются нехватка инвестиций, низкая рентабельность фермерского производства, ограниченное финансирование фермеров и деградация земель. Эти проблемы усугубляются зависимостью от импорта, но их первопричины лежат в слабом развитии финансовой системы, низкой инвестиционной привлекательности аграрного сектора и недостаточной государственной поддержке. Независимыми от импорта проблемами, вызванными внутренними факторами, являются политические барьеры,

низкий уровень образования фермеров, миграционный отток молодежи и слабая инфраструктура. Эти проблемы требуют решений на уровне национальной аграрной политики и напрямую зависят от улучшения системы образования и увеличения инвестиций в развитие сельских территорий.

В работе предложены классификации проблем по характеру их влияния на фермерские хозяйства (системные и операционные) и по уровню управляемости (решаемые на уровне фермеров, государства или требующие международного сотрудничества). Эти подходы позволяют структурировать проблемы и определить приоритетные направления для их решения.

Результаты исследования показывают, что импортозависимость оказывает значительное влияние на фермерские хозяйства стран СВА, ограничивая их возможности для устойчивого развития. В условиях глобальных экономических изменений и политической нестабильности региону необходимо стремиться к снижению импортозависимости путем локализации производства сельскохозяйственных ресурсов, развития кооперативных форм хозяйствования, улучшения образовательных программ для фермеров и повышения эффективности государственной поддержки.

Предложенная классификация проблем позволяет создать основу для разработки стратегий развития аграрного сектора, ориентированных на повышение продовольственной безопасности, улучшение экономической устойчивости фермерских хозяйств и внедрение инновационных технологий. Комплексное решение проблем, учитывающее их взаимосвязь и уровень управляемости, позволит повысить конкурентоспособность сельского хозяйства стран СВА и снизить их уязвимость к внешне-экономическим вызовам.

Список литературы

1. Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Глумов А. А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. – 2023. – № 3. – С. 164–172.
2. Африка перед лицом современных вызовов и угроз : коллективная монография. – М. : Институт Африки РАН, 2021.
3. Джумаев Р. Р., Дурдыев Ш. Б. Классификация методов научного исследования в экономике // Символ науки. – 2024. – № 6-1. – С. 24–25.
4. Египет стремится к самообеспечению пшеницей. – URL: https://exp.idk.ru/news/world/egipet-stremitsya-k-samoobespecheniyu-pshenicej/663134/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.02.2025).

5. Скворцов Е. А., Набоков В. И., Некрасов К. В., Скворцова Е. Г., Кротов М. И. Применение технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве // Аграрный вестник Урала. – 2019. – № 8 (187). – С. 91–98.
6. Хартиков С. С., Багинова В. М. Малые формы хозяйствования в сельском хозяйстве: классификация и роль в экономике региона // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 1 (116). – С. 147–153.
7. Живора А. А. Классификация рисков сельского хозяйства // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2016. – № 1 (135). – С. 186–190.
8. Abu-Zeid M. A, El-Shibini F Z. Egypt's High Aswan Dam // Water Resour Dev. – 1997. – Vol. 13. – N 2. – P. 209–217.
9. Abdelmajid S., Diouri M. FOOD SELF-SUFFICIENCY under the Green-Morocco Plan // Journal of Experimental Biology and Agricultural Sciences. – 2017. – N 5. – P. 33–40.
10. Ibrahim Y. A., Abdel-Magid H., Ali H. Development of the Sudan Agricultural Sector Model for Policy Impact Analysis // Irrigation and Drainage. – 2023. – N 72. – P. 240–258.
11. Kalibata A., Fowler C. Africa's Food Security Depends on Adaptive Crops // Project Syndicate. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/africa-food-security-depends-on-adaptive-crops-by-agnes-kalibata-and-cary-fowler-2024-09> (дата обращения: 13.01.2025).
12. Kassim Y., Mahmoud S. M., Sikandra a Kurdi T. An Agricultural Policy Review of Egypt: First steps towards a new strategy : MENA Working Papers. – 2018. – N 11.
13. Naser A. S., Abou S. A, Abou-Saad H. N. Risk Management for Some Important Agricultural Products in Egypt // Menoufia Journal of Agricultural Economic and Social Sciences. – 2022. – N 1. – P. 681–689.
14. Olabiyi O. M. The Effect of Bureaucratic Corruption on Household Food Insecurity: Evidence from Sub-Saharan Africa // Food Security. – 2022. – Vol. 14 – P. 437–450.
15. Payet R., Obura D. The Negative Impacts of Human Activities in the Eastern African Region: An International Waters Perspective // AMBIO: A Journal of the Human Environment. – 2024. – Vol. 33 (1-2). – P. 24–33.
16. Santeramo F. G., Lamonaca E. Exports of Fruit and Vegetables from Morocco and other Mediterranean Countries to the EU: Some Policy Recommendations from the Covid Pandemic // EuroChoices. – 2024. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 67–72.
17. Shikur Z. Agricultural Policies, Agricultural Production and Rural Households' Welfare in Ethiopia// Journal of Economic Structures. – URL: <https://journalofeconomicstructures.springeropen.com/articles/10.1186/s40008-020-00228-y> (дата обращения: 17.01.2025).

18. Steven J. Private Trader Response to Market Liberalization in Tanzania's Cashew Nut Industry // Policy Research Working Paper Series. – URL: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/world-bank-policy-research-working-papers> (дата обращения: 19.01.2025).

References

1. Animitsa E. G., Animitsa P. E., Glumov A. A. Importozameshchenie v promyshlennom proizvodstve regiona: kontseptualno-teoreticheskie i prikladnye aspekty [Import Substitution in the Industrial. Production of the Region: Conceptual-Theoretical and Applied Aspects]. *Ekonomika regiona*. [Economy of the Region], 2023, No. 3, pp. 164–172. (In Russ.).
2. Afrika pered litsom sovremennykh vyzovov i ugroz [Africa in the Face of Modern Challenges and Threats], kollektivnaya monografiya. Moscow, Institut Afriki RAN, 2021. (In Russ.).
3. Dzhumaev R. R., Durdyshev Sh. B. Klassifikatsiya metodov nauchnogo issledovaniya v ekonomike [Classification of Scientific Research Methods in Economics]. *Simvol nauki* [A Symbol of Science], 2024, No. 6-1, pp. 24–25. (In Russ.).
4. Egipt stremitsya k samoobespecheniyu pshenitsey [Egypt Strives for Wheat Self-Sufficiency]. (In Russ.). Available at: https://exp.idk.ru/news/world/egipt-stremitsya-k-samoobespecheniyu-pshenicej/663134/?utm_source=chatgpt.com (accessed 10.02.2025).
5. Skvortsov E. A., Nabokov V. I., Nekrasov K. V., Skvortsova E. G., Krotov M. I. Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v selskom khozyaystve [Application of Artificial Intelligence Technologies in Agriculture]. *Agrarniy vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2019, No. 8 (187), pp. 91–98. (In Russ.).
6. Khartikov S. S., Baginova V. M. Malye formy khozyaystvovaniya v selskom khozyaystve: klassifikatsiya i rol v ekonomike regiona [Small-Scale Farming in Agriculture: Classification and Role in the Regional Economy]. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Trans-Baikal State University], 2015, No. 1 (116), pp. 147–153. (In Russ.).
7. Zhivora A. A. Klassifikatsiya riskov selskogo khozyaystva [Classification of Agricultural Risks]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Agrarian University], 2016, No. 1 (135), pp. 186–190. (In Russ.).
8. Abu-Zeid M. A., El-Shibini F. Z. Egypt's High Aswan Dam. *Water Resour Dev*, 1997, Vol. 13, No. 2, pp. 209–217.
9. Abdelmajid S., Diouri M. FOOD SELF-SUFFICIENCY under the Green-Morocco Plan. *Journal of Experimental Biology and Agricultural Sciences*, 2017, No. 5, pp. 33–40.

10. Ibrahim Y. A., Abdel-Magid H., Ali H. Development of the Sudan Agricultural Sector Model for Policy Impact Analysis. *Irrigation and Drainage*, 2023, No. 72, pp. 240–258.
11. Kalibata A., Fowler C. Africa's Food Security Depends on Adaptive Crops. *Project Syndicate*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/africa-food-security-depends-on-adaptive-crops-by-agnes-kalibata-and-cary-fowler-2024-09> (accessed 13.01.2025).
12. Kassim Y., Mahmoud S. M., Sikandra a Kurdi T. An Agricultural Policy Review of Egypt: First steps towards a new strategy, MENA Working Papers, 2018, No. 11.
13. Naser A. S., Abou S. A., Abou-Saad H. N. Risk Management for Some Important Agricultural Products in Egypt. *Menoufia Journal of Agricultural Economic and Social Sciences*, 2022, No. 1, pp. 681–689.
14. Olabiyi O. M. The Effect of Bureaucratic Corruption on Household Food Insecurity: Evidence from Sub-Saharan Africa. *Food Security*, 2022, Vol. 14, pp. 437–450.
15. Payet R., Obura D. The Negative Impacts of Human Activities in the Eastern African Region: An International Waters Perspective. *AMBIO: A Journal of the Human Environment*, 2024, Vol. 33 (1-2), pp. 24–33.
16. Santeramo F. G., Lamonaca E. Exports of Fruit and Vegetables from Morocco and other Mediterranean Countries to the EU: Some Policy Recommendations from the Covid Pandemic. *EuroChoices*, 2024, Vol. 23, Issue 1, pp. 67–72.
17. Shikur Z. Agricultural Policies, Agricultural Production and Rural Households' Welfare in Ethiopia. *Journal of Economic Structures*. Available at: <https://journalofeconomicstructures.springeropen.com/articles/10.1186/s40008-020-00228-y> (accessed 17.01.2025).
18. Steven J. Private Trader Response to Market Liberalization in Tanzania's Cashew Nut Industry, Policy Research Working Paper Series. Available at: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/world-bank-policy-research-working-papers> (accessed 19.01.2025).

Поступила: 03.03.2025

Принята к печати: 25.06.2025

Сведения об авторе

Максим Дмитриевич Чапичев
аспирант кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: m.chapichev@mail.ru

Information about the author

Maksim D. Chapichev
Post-Graduate Student of the Department
of World Economy of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: m.chapichev@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ И ФАКТОРЫ ЕЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

Ю. В. Соловьёва

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

В статье проанализированы основные подходы к трактовке категории «электронная коммерция», показаны ее существующие формы, а также сделан акцент на появлении новых, включая социальную торговлю, мобильную торговлю и др. Также расширяется охват объектов электронной торговли, которая не ограничивается товарами народного потребления и все чаще втягивает в свою орбиту промышленное оборудование. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа международных стандартов электронной коммерции и оценки их влияния на национальные процессы регулирования и развития. Рассмотрены ключевые международные соглашения и нормативные акты в области e-commerce. Исследование показало, что международные стандарты и многосторонние соглашения играют ключевую роль в формировании правовой и институциональной основы цифровой торговли на национальном и глобальном уровнях, обеспечивая прозрачность, совместимость и доверие между участниками трансграничных сделок. Такие организации, как ВТО, ЮНСИТРАЛ, ISO и ОЭСР формируют принципы, способствующие гармонизации правил электронной коммерции на глобальном уровне. Однако не все аспекты развивающейся, в том числе в формальном плане, электронной торговли сегодня регулируются в полной мере. Установлено, что основными факторами развития электронной коммерции на глобальном уровне выступают расширение интернет-инфраструктуры и доступ к цифровым технологиям, финансовая включенность и платежные решения, логистическая инфраструктура и службы доставки, социально-экономические и культурные факторы, глобализация и интеграция рынков, трансфер технологий, а также внешние шоки и особые обстоятельства.

Ключевые слова: мобильная торговля, социальная торговля, онлайн-сделки, информационные технологии, международное регулирование.

¹ Статья подготовлена в рамках инициативной научно-исследовательской работы № 061612-0-000 по теме «Направления развития российской промышленности в условиях достижения технологического суверенитета», выполняемой на базе кафедры национальной экономики экономического факультета РУДН.

INTERNATIONAL E-COMMERCE STANDARDS AND FACTORS OF ITS GLOBAL DEVELOPMENT¹

Yuliana V. Solovieva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

The article analyzes the main approaches to the interpretation of the category "e-commerce", shows its existing forms, and focuses on the emergence of new ones, including social commerce, mobile commerce, etc. The scope of e-commerce facilities is also expanding, which is not limited to consumer goods and is increasingly attracting industrial equipment into its orbit. The relevance of this study is due to the need for a comprehensive analysis of international e-commerce standards and an assessment of their impact on national regulatory and development processes. The article analyzes key international agreements and regulations in the field of e-commerce. The study showed that international standards and multilateral agreements play a key role in shaping the legal and institutional framework for digital commerce at the national and global levels, ensuring transparency, compatibility and trust between participants in cross-border transactions. Organizations such as the WTO, UNCITRAL, ISO and the OECD form principles that ensure the harmonization of e-commerce rules at the global level. However, not all aspects of developing e-commerce, including in formal terms, are fully regulated today. It has been established that the main factors in the development of e-commerce at the global level are the expansion of Internet infrastructure and access to digital technologies, financial inclusion and payment solutions, logistics infrastructure and delivery services, socio-economic and cultural factors, globalization and market integration, as well as technology transfer, as well as external shocks and special circumstances.

Keywords: mobile commerce, social commerce, online transactions, information technology, international regulation.

Введение

Вслед за поступательным развертыванием глобальной тенденции цифровизации в мире все более активно набирает обороты электронная торговля, охватывая практически все страны и регионы, а также многие отрасли и направления деятельности субъектов хозяйствования на всех уровнях [6; 7]. В то же время сама по себе экономическая категория цифровизации пока остается дискуссионной, как и показатели ее развития [1]. При этом сохраняются вопросы, касающиеся теоретических основ электронной коммерции, несмотря на ее растущие масштабы.

В условиях стремительной цифровизации экономики электронная коммерция (e-commerce) превратилась из нишевого направления в один

¹ The article was prepared as part of an initiative research project No. 061612-0-000 on the topic "Directions of development of Russian industry in the context of achieving technological sovereignty", performed on the basis of the Department of National Economics of the Faculty of Economics of the RUDN University.

из ключевых двигателей глобального экономического роста [7]. Благодаря широкому внедрению информационно-коммуникационных технологий онлайн-торговля охватывает все большее число стран, секторов и потребительских сегментов. Она способствует расширению рынков, снижению транзакционных издержек, повышению конкурентоспособности предприятий и обеспечению более широкого доступа потребителей к товарам и услугам.

Одним из центральных вызовов, с которыми сталкивается международное сообщество в контексте развития электронной коммерции, является необходимость согласования правовых, технических и организационных стандартов. Трансграничный характер e-commerce требует унифицированных правил, способствующих взаимному признанию цифровых транзакций, безопасности данных и защите прав всех участников рынка. В этом процессе важную роль играют такие международные организации, как ВТО, ЮНСИТРАЛ, ОЭСР и ISO, чьи инициативы формируют нормативную и институциональную основу глобальной цифровой торговли.

Результаты исследования

Электронная коммерция представляет собой форму ведения бизнеса, при которой сделки по обмену товарами и услугами осуществляются с применением электронных средств коммуникации, прежде всего через Интернет. В рамках Всемирной торговой организации под электронной торговлей понимается совокупность процессов по производству, распространению, маркетингу, продаже или доставке товаров и услуг посредством электронных средств связи¹. Аналогично определение, используемое Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), характеризует электронную коммерцию как продажу или покупку товаров и услуг, которые осуществляются по компьютерным сетям особыми методами, предназначенными для приема или оформления заказов². Таким образом, электронная коммерция охватывает весь цикл коммерческих операций – от рекламы и оформления заказа до электронного платежа и логистики доставки, выполняемый с помощью цифровых технологий.

Хотя массовый расцвет электронной коммерции связывают с появлением и распространением Интернета начиная с середины 1990-х гг., сама идея электронных сделок возникла существенно раньше. Еще в 1970-е гг. были разработаны первые стандарты электронного обмена данными (EDI) между предприятиями, что позволило автоматизировать

¹ URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/ecom_e.htm

² См.: E-commerce and the digital economy. – URL: <https://unctad.org/topic/ecommerce-and-digital-economy>

обмен коммерческими документами и проводить транзакции в цепочках поставок [12]. Однако именно глобальная сеть Интернет превратила электронную коммерцию по-настоящему в массовое и трансграничное явление, радикально расширив ее масштабы.

В научной и деловой среде не существует абсолютно единого подхода к определению границ электронной коммерции. Некоторые исследователи трактуют этот термин узко, отождествляя его с интернет-торговлей (онлайн-продажами конечным потребителям) [8]. Другие придерживаются более широкого понимания, включая в электронную коммерцию любые сделки по передаче прав собственности или пользования товарами и услугами, совершенные электронным способом [11; 13]. Широкий подход фактически сближает электронную коммерцию с понятием электронного бизнеса, частью которого она является. Тем не менее в большинстве случаев электронная коммерция прочно ассоциируется именно с торговыми операциями, проводимыми через Интернет, и считается ключевым элементом цифровой экономики.

Различия в подходах к определению e-commerce отражены и в научной литературе. Так, Р. Калакота и А. Уинстон (1997) [8] предложили рассматривать электронную коммерцию сразу в нескольких плоскостях. С их точки зрения, одновременно – это способ коммуникаций (передача информации или платежей электронными средствами); бизнес-процесс (автоматизация транзакций и рабочих процессов с помощью современных технологий); сервис (сокращение издержек и повышение качества обслуживания за счет онлайн-решений); непосредственно онлайн-торговля товарами и информацией. Подобный многоаспектный взгляд подчеркивает, что электронная коммерция охватывает не только сами акты купли-продажи, но и все сопутствующие электронные взаимодействия до и после сделки.

Примером максимально широкого толкования является определение, данное правительством Великобритании (Cabinet Office) в 1999 г.¹: электронная коммерция – это обмен информацией через электронные сети на любом этапе цепочки поставок, будь то внутри организации, между бизнесом, между бизнесом и потребителями или между государственным и частным сектором, независимо от того, оплачивается он или нет. По сути, сюда включаются любые деловые процессы, осуществляемые онлайн.

Таким образом, границы термина «электронная коммерция» могут варьироваться от узкого (только онлайн-продажи конечным клиентам) до предельно широкого, фактически совпадающего с цифровым бизнесом в целом. При этом современная практика, а также законодательные нормы

¹ См.: Electronic Commerce Strategy for the United Kingdom. – London: HM Government, 1999.

большинства стран исходят именно из широкого подхода к трактовке электронной коммерции.

Так, во Вьетнаме официальное определение электронной коммерции закреплено в Законе об электронной торговле № 51/2005/QH11. Согласно статье 3, электронная торговля – это «деятельность по продаже товаров и оказанию услуг, осуществляемая с использованием электронных средств, в том числе Интернета, телекоммуникационных и других цифровых сетей»¹. Это определение можно отнести к широкой трактовке, поскольку оно охватывает любые формы торговли (B2B, B2C, C2C), которые осуществляются через цифровые каналы, а не ограничивается только конечным потребителем или интернет-магазинами. Кроме того, в Национальной программе развития электронной коммерции на 2021–2025 гг., утвержденной Министерством промышленности и торговли Вьетнама (МОИТ), электронная коммерция определяется как «совокупность онлайн-деятельности по распространению, продаже, покупке, обслуживанию и продвижению товаров и услуг с применением цифровых технологий»². Данное определение также отражает широкий подход, подчеркивая интеграцию электронной коммерции в различные этапы производственно-коммерческого процесса, включая маркетинг и послепродажное обслуживание.

С точки зрения академических исследований, вьетнамские ученые также следуют широкому пониманию: электронная коммерция определяется как «разновидность деловой активности, при которой коммерческие транзакции осуществляются в онлайн-среде, охватывая как финансовые, так и логистические процессы» [9]. Авторы подчеркивают не только транзакционную, но и логистическую составляющую e-commerce.

В соответствии с этим подходом к определению, формы электронной коммерции также вариативны, к тому же они продолжают эволюционировать. Разнообразие проявлений электронной коммерции обычно классифицируется в зависимости от того, какие субъекты участвуют в транзакциях. Общепризнанными основными моделями (формами) электронной коммерции являются следующие [12]:

– B2B (business-to-business) – коммерческие взаимоотношения между компаниями с использованием электронных средств. Примером являются системы электронных закупок, когда предприятия заказывают сырье или комплектующие у поставщиков через специализированные онлайн-платформы. B2B-сегмент составляет наибольшую долю элек-

¹ URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/thuong-mai/Luat-Thuong-mai-dien-tu-2005-51-2005-QH11-2632.aspx>

² URL: <https://moit.gov.vn>

тронной коммерции в стоимостном выражении. По оценкам ЮНКТАД¹, на сделки между предприятиями приходится около 80–85% от общего объема электронной коммерции;

- B2C (business-to-consumer) – электронная торговля между бизнесом и конечными потребителями. К этой категории относятся интернет-магазины и онлайн-сервисы, продающие товары или услуги частным лицам. Примерами служат площадки розничной интернет-торговли (маркетплейсы, такие как Amazon, Alibaba, Ozon и др.) и сайты компаний, реализующих продукцию напрямую потребителям. B2C – наиболее заметная для широкой аудитории форма e-commerce; ее развитие отражается в стремительном росте онлайн-розницы. В 2023 г. объем мирового рынка электронной коммерции B2C достиг выручки около 5 321 млрд долларов, а к 2031 г., как ожидается, достигнет 21 112 млрд долларов, при этом среднегодовой темп роста составит около 18,8%²;

- C2C (consumer-to-consumer) – электронная коммерция между частными лицами. Она реализуется на специальных платформах, где потребители могут продавать и покупать друг у друга товары или услуги. Классическим примером C2C является аукционный сайт eBay, а также многочисленные доски объявлений и платформы совместной экономики (shareconomy). В модели C2C платформа обычно играет роль посредника, обеспечивая техническую возможность сделки и доверие между участниками (рейтинги продавцов, системы безопасной оплаты и т. д.);

- B2G (business-to-government) – коммерческие транзакции между компаниями и государственными учреждениями в электронной форме. Сюда относятся, например, электронные государственные закупки, когда органы власти через цифровые площадки размещают заказы у бизнеса. Также иногда выделяются формы G2B или G2C, однако их относят скорее к электронному правительству, поскольку они описывают взаимодействие государства с бизнесом или гражданами (например, предоставление государственных услуг и сбор платежей онлайн) и не всегда подразумевают коммерческую сделку.

Отдельно можно упомянуть и более новые разновидности электронной коммерции: мобильная коммерция (m-commerce) обозначает осуществление онлайн-сделок с помощью мобильных устройств и приложений, социальная коммерция (s-commerce) – покупки и продажи через социальные сети; она набирает популярность по мере интеграции торговых функций в соцплатформы. Кроме того, развивается модель D2C

¹ См.: Digital Economy Report 2019. – URL: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019>.

² B2C E-commerce Market Size, Share & Forecast Report, 2023–2031. – GMI Research Pvt Ltd., 2024. – URL: <https://www.gmiresearch.com/report/b2c-e-commerce-market-analysis-industry-research/>

(direct-to-consumer), при которой производители напрямую продают товары потребителям через собственные интернет-каналы, минуя посредников. Все эти формы являются производными от основополагающих категорий B2B, B2C, C2C и отражают расширение цифровых каналов во всех сферах торговли.

Электронная коммерция сегодня – неотъемлемая часть мировой экономики. Она охватывает широкий спектр деловой активности, осуществляемой с применением цифровых технологий. В зависимости от подхода под электронной коммерцией понимают как узкий сегмент онлайн-продаж конечным потребителям, так и всю систему электронных сделок между различными субъектами – от частных лиц до государственных структур. Распространенные модели, такие как B2B, B2C, C2C и G2C, демонстрируют разнообразие форм, в которых проявляется это явление. В условиях цифровизации и развития информационно-коммуникационных технологий электронная коммерция продолжает адаптироваться к глобальной торговле и укреплять свои позиции.

Глобальные стандарты и международное регулирование электронной торговли

Международное регулирование электронной коммерции обусловлено трансграничным характером интернет-торговли и необходимостью единообразных правил для всех участников цифровой экономики. Поскольку сделки в электронной среде выходят за рамки юрисдикции отдельных государств, возникла потребность в согласованных стандартах (правовых, технических и организационных) на глобальном уровне. На сегодняшний день формирование таких стандартов происходит при участии ряда международных организаций и путем заключения многосторонних соглашений, хотя единый универсальный договор, регулирующий всю сферу электронной торговли, пока отсутствует.

Ключевую роль в обсуждении правил мировой электронной торговли играет Всемирная торговая организация. Еще в 1998 г. на Министерской конференции ВТО была принята Декларация по глобальной электронной коммерции, ознаменовавшая начало работы ВТО по исследованию торговых аспектов электронных транзакций¹. В рамках этой программы было закреплено определение электронной торговли (цитировалось выше) и введен мораторий на обложение таможенными пошлинами электронных трансмиссий (например, загрузок программ, музыки и т. д.), который действует и в настоящее время.

¹ См.: The Declaration on Global Electronic Commerce, adopted at the Second Ministerial Conference in May 1998. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/ecom_e.htm

В связи с отсутствием консенсуса среди всех 164 членов ВТО относительно обновления правил ряд стран инициировал переговоры по электронной коммерции в формате плюрилатерального соглашения¹. С 2019 г. более 80 государств (в том числе ЕС, США, Китай, Россия и др.), суммарно обеспечивающих около 78% мировой электронной торговли, участвуют в так называемой инициативе совместного заявления (Joint Statement Initiative, JSI) по электронной коммерции. Цель JSI – выработать договоренности по широкому кругу вопросов – от облегчения трансграничной передачи данных и недискриминации цифровых продуктов до защиты прав потребителей онлайн, правил электронной аутентификации и локализации данных.

Неменьшую значимость для формирования международных стандартов имеют разработки Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). ЮНСИТРАЛ с середины 1990-х гг. ведет активную работу по унификации законодательства, применимого к электронным сделкам, предлагая государствам типовые (модельные) акты. Наиболее важные из них:

1. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» (1996) – базовый документ, заложивший основы правового регулирования электронных коммерческих операций². Он ввел принцип функциональной эквивалентности, согласно которому электронные сообщения и документы при соблюдении определенных критериев имеют такую же юридическую силу, как и бумажные (например, обеспечение надежной идентификации сторон, целостности данных и др.). Закон подтвердил допустимость электронных доказательств в судопроизводстве и установил, что документ не может быть отклонен исключительно по причине его электронной формы. За прошедшие десятилетия этот модельный акт стал глобальным ориентиром: на его основе или под его влиянием были приняты соответствующие нормативные акты более чем в 80 странах, включая Россию (Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи») и Вьетнам (Закон № 51/2005/QN11 «Об электронной торговле»), в которых отражены ключевые положения Типового закона ЮНСИТРАЛ.

2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» (2001)³ дополняет предыдущий акт, устанавливая единые правила признания и

¹ См.: A joint statement on the start of negotiations on e-commerce in a plurilateral format. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/ecom_25jan19_e.htm

² См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год) с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 году. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce

³ См.: Типовой закон об электронных подписях с Руководством по его применению (2001 г.). – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures

использования электронных подписей и средств аутентификации. Документ направлен на взаимное признание электронно-цифровых подписей разных стран и повышение доверия к юридически значимым электронным сообщениям. Этот закон также получил широкое распространение (реализован в законодательстве около 40 государств), что позволило совмещать инфраструктуры электронных подписей на международном уровне.

3. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 2005)¹ – первый многосторонний договор, напрямую регулирующий электронную коммерцию. Конвенция закрепляет юридическую силу электронных коммуникаций при заключении международных контрактов и устраняет неопределенность по ряду практических вопросов (момент отправки и получения электронного сообщения, место заключения договора в электронной среде и т. п.). Хотя число государств – участников Конвенции пока ограничено (на данный момент договор ратифицировали 16 стран), ее нормы стимулировали обновление национальных законов в русле подходов ЮНСИТРАЛ.

Новейшие акты ЮНСИТРАЛ включают Типовой закон об электронных переводных документах (2017)², облегчающий оцифровку таких инструментов, как коносаменты и векселя, а также Типовой закон об удостоверяющих доверие услугах и идентификации (2022) и Типовой закон об автоматизированном заключении договоров (2024). Эти документы отражают стремление создать глобальные правовые рамки для новых технологий – от блокчейна и финтеха до искусственного интеллекта, обеспечивая их совместимость с уже действующими принципами электронной коммерции. ЮНСИТРАЛ, таким образом, выполняет центральную координирующую роль в правовом обеспечении цифровой экономики на мировом уровне.

Еще одним важным участником становления стандартов электронной торговли является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Эта организация, объединяющая десятки развитых экономик, занимается выработкой рекомендаций в сфере политики и регулирования, в том числе по вопросам цифровой торговли. ОЭСР одной из первых инициировала международный диалог по проблематике электронной коммерции: в 1998 г. она провела конференцию «Мир без границ: реализация глобальной электронной торговли» в Оттаве, на которой были представлены План действий ОЭСР в области электронной

¹ См.: Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/conventions/electronic_communications

² См.: Типовой закон об электронных переводных документах (2017 г.). – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records

торговли¹ и рекомендации для правительств по снятию барьеров в онлайн-торговле. С тех пор ОЭСР выпустила целый ряд аналитических докладов и руководящих принципов. В частности, в 1999 г. были приняты Руководящие принципы для защиты прав потребителей в электронной коммерции (обновлены в 2016 г.)², а также Принципы политики в области интернет-торговли. ОЭСР акцентирует внимание не столько на жестком регулировании, сколько на создании благоприятных условий для развития e-commerce, прежде всего повышении доверия потребителей. Современный подход ОЭСР предполагает предотвращение введения избыточных барьеров и гармонизацию национальных норм с учетом лучших практик. Например, особое внимание уделяется вопросам налогообложения цифровой экономики и справедливого распределения налоговой базы между странами, что нашло отражение в проекте ОЭСР по налогообложению цифровых услуг (так называемый налог GAFA)³. Таким образом, ОЭСР формирует скорее мягкие стандарты в виде принципов и договоренностей, призванные обеспечить предсказуемость и безопасность электронной торговли на глобальном рынке.

Следует упомянуть и Международную организацию по стандартизации (ISO), которая через совместный технический комитет ISO/IEC JTC 1 разрабатывает стандарты в сфере информационных технологий. Ряд стандартов ISO касается вопросов электронной коммерции и электронных транзакций. К примеру, в 2023–2024 гг. ISO выпустила серию стандартов ISO 32110/32111/32120:2023–2024, в которых устанавливаются принципы обеспечения надежности электронных коммерческих операций и обмена данными о качестве товаров в онлайн-цепочках поставок⁴. Также широко применяются стандарты ISO/IEC в области информационной безопасности (например, ISO/IEC 27001) и защиты персональных данных, которые важны для интернет-торговли, поскольку повышают уровень доверия к онлайн-сервисам. Кроме того, такие стандарты, как ISO 9001 (менеджмент качества) и ISO 10008 (качество обслуживания в электронной торговле), помогают унифицировать требования к обслу-

¹ См.: An action plan in the field of electronic commerce. – Paris : Organization for Economic Cooperation and Development, 1998. – URL: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/1923313.pdf>

² См.: Guidelines for Consumer Protection in e-commerce (updated in 2016). – Geneva : UN, 2016. – URL: <https://unctad.org/topic/competition-and-consumer-protection/consumer-protection-guidelines>

³ См.: Addressing tax challenges arising from the digitalization of the economy. – Paris : Organization for Economic Cooperation and Development, 2021. – URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/addressing-the-tax-challenges-of-the-digitalisation-of-the-economy-global-solution.htm>

⁴ См.: Transaction assurance in E-commerce, 2023–2024. – URL: <https://www.iso.org/standard/83445.html>

живанию потребителей в e-commerce. Таким образом, ISO отвечает за формирование технических стандартов и лучших практик, которые добровольно принимаются участниками рынка и тем самым способствуют совместимости систем электронной коммерции разных стран.

Скоординированные усилия международных организаций постепенно формируют глобальную нормативную и техническую базу электронной коммерции. Важнейшим механизмом распространения единых правил стали региональные торговые соглашения, включающие положения об электронной торговле. За последние два десятилетия более 190 региональных и двусторонних соглашений о свободной торговле закрепили специальные главы или статьи, посвященные электронной коммерции. Примеры включают Соглашение США – Мексика – Канада (USMCA), Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (CPTPP) и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (RCEP) в Азии. Эти договоры устанавливают взаимные обязательства стран в таких вопросах, как отсутствие таможенных пошлин на электронные поставки, признание юридической силы электронных подписей и документов, недискриминация цифровой продукции, обеспечение кибербезопасности и свободный поток информации через границы при соблюдении конфиденциальности. Для Вьетнама, как одной из стран – участниц RCEP и CPTPP, данные соглашения создают важные рамочные условия развития электронной коммерции (например, гармонизация национального законодательства с принципами модельных законов ЮНСИТРАЛ, внедрение правил защиты онлайн-покупателей и пр.). Таким образом, через сеть международных договоренностей постепенно складывается система наднационального регулирования электронной торговли, призванная упростить электронное взаимодействие между странами и повысить доверие к ним со стороны бизнеса и потребителей.

Кроме правовых договоренностей о принципах электронной торговли, важную роль в стандартизации играет унификация практических процедур трансграничной доставки товаров. В 2018 г. Всемирная таможенная организация одобрила Рамочную основу стандартов для трансграничной электронной коммерции, содержащую 15 базовых требований к таможенному администрированию посылочной торговли¹. Эти стандарты направлены на упрощение обработки стремительно растущего объема малых международных отправок B2C и C2C за счет предварительного обмена электронными данными для эффективного управления

¹ См.: Framework of Standards on Cross-Border E-Commerce). – Brussels : WCO, 2018. – URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/frameworks-of-standards/ecommerce.aspx>

рисками, ускоренных процедур таможенного оформления и применения передовых технологий контроля. Подобные меры дополняют международно-правовые нормы, облегчая практическую реализацию трансграничной e-commerce.

Факторы, способствующие развитию электронной коммерции на международном уровне

Развитие электронной коммерции в мире обусловлено комплексом разнообразных факторов – технологических, экономических, правовых и социально-культурных. Эти факторы определяют готовность стран к внедрению e-commerce, скорость проникновения онлайн-торговли и масштабы ее роста.

Рассмотрим ключевые условия и движущие силы, способствующие расширению электронной коммерции в глобальном масштабе.

Расширение интернет-инфраструктуры и доступ к цифровым технологиям. Без достаточного охвата населения Интернетом и мобильной связью развитие электронной торговли невозможно. Поэтому первым и основополагающим фактором является уровень телекоммуникационной инфраструктуры. В последние годы наблюдается неуклонный рост числа интернет-пользователей во всем мире: если в 2010 г. их насчитывалось около 2 млрд человек, то к 2022 г. – 5,3 млрд, что составляет приблизительно 66% населения планеты¹. Особенно быстрыми темпами подключений были в развивающихся странах благодаря распространению мобильного Интернета 3-го и 4-го поколения. По данным Международного союза электросвязи (ITU), в 2024 г. число пользователей Интернета достигло 5,5 млрд человек, что составляет 68% населения планеты. Это на 1,3 млрд больше по сравнению с 2019 г., когда доля пользователей составляла 53%. Одновременно снижается стоимость доступа к сети и улучшается качество подключения (ширина канала, стабильность). Все это закладывает техническую основу для активного роста e-commerce. Доступность смартфонов и расширение мобильного широкополосного доступа (3G/4G, а в последние годы и 5G) привели к тому, что мобильная коммерция стала значимым сегментом: миллиарды людей теперь способны совершать покупки онлайн непосредственно со своего телефона. Кроме собственно подключения, важным показателем выступает развитие цифровой платежной инфраструктуры (электронные платежные системы, онлайн-банкинг, финтех-сервисы). Расширение интернет-инфраструктуры сопровождается ростом числа пользователей электронных платежей: например, доля взрослых в развивающихся экономиках, совершаю-

¹ Statistical Overview of Internet usage: 2022. – Geneva : ITU, 2022. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/facts/default.aspx>

щих или получающих цифровые платежи, выросла с 35% в 2014 г. до 67% в 2023 г.¹ Эти статистические данные свидетельствуют, что все больше людей имеют техническую возможность участвовать в электронной коммерции, что создает огромный потенциальный рынок для онлайн-продавцов.

Финансовая включенность и платежные решения. Не менее важным фактором является доступность инструментов электронных расчетов для широких слоев населения. Электронная торговля способна развиваться там, где потребители имеют банковские счета или иные платежные средства, пригодные для онлайн-оплаты (банковские карты, электронные кошельки, системы мобильных платежей). В последние годы наблюдается значительный прогресс в финансовой инклюзии: по данным Всемирного банка, к 2021 г. 76% взрослого населения мира имели банковские счета или пользовались мобильным платежным аккаунтом, тогда как 10 лет назад этот показатель был лишь около 51%². В 2023 г. этот показатель достиг 80% в мире и более 74% в развивающихся экономиках. Этот рост обусловлен развитием мобильных платежных систем, цифровых кошельков и программ цифрового включения, которые начали активно развиваться во время пандемии COVID-19. Распространение мобильных денег, особенно в странах Азии и Африки, позволило вовлечь в электронную коммерцию людей, ранее не имевших доступа к традиционным банковским услугам. Наличие надежных и удобных способов электронной оплаты – от глобальных систем (Visa, Mastercard, PayPal) до локальных финтех-решений стимулирует онлайн-покупки. Однако там, где население по-прежнему предпочитает наличные или наложенный платеж, электронная торговля растет медленнее. Поэтому правительства и компании, желающие ускорить развитие e-commerce, фокусируют внимание на создании современных платежных экосистем: внедряют мгновенные платежи, безопасные протоколы перевода денег, цифровую идентификацию клиентов (KYC) и т. д. Примером может служить Индия, где запуск системы Unified Payments Interface (UPI) резко увеличил долю безналичных транзакций и открыл новые возможности для e-commerce, или Китай, где повсеместное использование мобильных кошельков (Alipay, WeChat Pay) стало фундаментом для бурного роста онлайн-торговли. Таким образом, рост финансовой включенности населения и многообразие платежных технологий являются важнейшими драйверами развития электронной коммерции.

¹ Global Findex Database 2023. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/globalfindex>

² Global Database Findex 2021: Access to Financial Services, Digital Payments and Sustainability in the age of COVID-19. – Washington : World Bank, 2022. – URL: <https://www.worldbank.org/ru/публикация/globalfindex>

Логистическая инфраструктура и службы доставки. Электронная коммерция тесно связана с физической доставкой товаров (за исключением торговли цифровыми товарами и услугами). Поэтому состояние логистики и почтовой системы страны прямо влияет на успех e-commerce. Для стимулирования онлайн-торговли необходимы эффективные почтово-транспортные сети, распределительные центры, курьерские службы, обеспечивающие быструю и недорогую доставку заказов потребителям. В глобальном измерении одним из индикаторов является Индекс почтовой надежности Всемирного почтового союза (UPU), учитывающий охват почтовой сетью и своевременность доставки. Данный показатель включен ЮНКТАД в состав индекса готовности к B2C e-commerce, что подчеркивает его значимость. В последние годы наблюдается значительный прогресс: международные экспресс-перевозчики (DHL, FedEx, UPS и др.) расширяют присутствие, локальные игроки улучшают сервис «последней мили» доставки (last-mile delivery), растёт использование автоматизированных сортировочных центров и даже дронов для доставки. Кроме того, развитие складской инфраструктуры и логистических IT-платформ (трекеры, системы управления запасами) позволило масштабировать электронную торговлю. Например, крупные маркетплейсы инвестируют в собственные логистические сети (центры исполнения заказов Amazon, логистическая платформа Cainiao у Alibaba и т. д.), что сокращает время доставки до считанных дней или часов. На международном уровне развитию логистики способствуют соглашения об упрощении торговых процедур (Trade Facilitation Agreements) и гармонизация таможенных правил для посылок низкой стоимости. В совокупности эти меры снижают издержки и сроки доставки, делая онлайн-покупки более привлекательными и надежными для потребителей разных стран.

Правовое поле и доверие к электронным транзакциям. Еще одной группой факторов являются регуляторные и институциональные условия, формирующие доверие участников рынка к электронным сделкам. Сюда относятся наличие современных законов, регулирующих электронную коммерцию, защита данных и прав потребителей, а также уровень их исполнения. За последние два десятилетия практически во всех странах появились базовые законодательные акты, признающие юридическую силу электронных документов и подписей, что устранило правовую неопределенность электронных сделок. Более чем в 80 государствах приняты модельные законы ЮНСИТРАЛ, обеспечивающие принцип технологической нейтральности и функциональной эквивалентности для элек-

тронных сообщений¹. Таким образом, бизнес и потребители могут заключать договоры онлайн, не опасаясь их ничтожности лишь из-за электронной формы. Кроме того, важны законы о защите прав потребителей в Интернете (о раскрытии информации на сайте, праве возврата товара, ответственности платформ за качество и безопасность и пр.), а также о защите персональных данных (например, европейский GDPR задает высокий стандарт по всему миру). Когда покупатели уверены, что их права защищены, а личные данные в безопасности, они более склонны переходить к онлайн-покупкам. На макроуровне доверие подкрепляется существованием эффективных механизмов разрешения споров (онлайн-медиаторы, арбитраж), работой киберполиции против мошенничества, а также активностью саморегулируемых организаций бизнеса, устанавливающих стандарты честной практики. В мире накоплен позитивный опыт в этой сфере: например, международная система онлайн-разрешения споров eBay/PayPal позволила урегулировать миллионы претензий, формируя доверие к площадке, а программа «Безопасная сделка» (Escrow) на ряде платформ защищает деньги покупателей до получения товара. Соответственно, экосистема доверия – сочетание продуманного регулирования и частных инициатив – является необходимым фактором для устойчивого развития электронной коммерции.

Социально-экономические и культурные факторы. К этой категории относятся характеристики общества и экономики, которые опосредованно влияют на распространение e-commerce. Ключевым фактором здесь является уровень цифровой грамотности населения. Высокий процент пользователей, умеющих обращаться с Интернетом и онлайн-сервисами, коррелирует с большей вовлеченностью в электронную коммерцию. Образовательные программы, популяризация цифровых навыков (например, обучение старшего поколения) способствуют расширению аудитории e-commerce. Эмпирические исследования подтверждают эту зависимость: наличие у человека достаточных цифровых навыков повышает вероятность того, что он станет онлайн-покупателем [10]. Также важен уровень доходов и урбанизация: в экономически развитых и урбанизированных регионах у людей больше возможностей приобретать товары онлайн (в силу более интенсивного образа жизни, стремления экономить время, широкого ассортимента в сети и т. д.). Неслучайно крупные города и мегаполисы обычно становятся центрами роста электронной торговли, а затем она постепенно проникает и в сельские районы по мере улучшения инфраструктуры.

¹ См.: Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/conventions/electronic_communications

Демографические особенности тоже играют важную роль: молодое поколение («цифровые аборигены») гораздо более активно совершает покупки онлайн, задавая тренд, которому следуют и другие возрастные группы. Со временем меняются и потребительские предпочтения – комфорт и удобство онлайн-шопинга, возможность сравнить цены и получить товар с доставкой на дом – высоко ценятся, что само по себе стимулирует перенос торговых операций в электронную среду.

Глобализация и интеграция рынков, а также трансфер технологий. Электронная коммерция по природе своей легко пересекает границы, поэтому процессы экономической глобализации и интеграции напрямую влияют на ее развитие. Глобальные торговые онлайн-платформы (такие как Amazon, Alibaba, eBay) предоставляют компаниям выход на международных клиентов практически без географических ограничений. Малый и средний бизнес получил возможность экспортировать через интернет-сайты и маркетплейсы, чего раньше не мог сделать из-за барьеров традиционной торговли. Таким образом, расширение межстрановой торговли и участие в глобальных производственно-сбытовых цепочках выступают драйвером e-commerce – компании переходят в онлайн, чтобы охватить более широкий рынок. Кроме того, глобальный охват Интернета позволяет даже нишевым товарам найти своих покупателей по всему миру. Это явление известно как «эффект длинного хвоста» в электронной торговле. Иными словами, совокупный спрос на огромное количество редких или малотиражных продуктов, представленных на широкой цифровой площадке, способен в сумме конкурировать по объему с продажами самых популярных товаров.

В то же время для многих стран, особенно с развивающимися рынками, важное значение в развитии собственных платформ и формировании новых возможностей играют трансфер технологий и международное сотрудничество в цифровой сфере [2; 3; 10].

Внешние шоки и особые обстоятельства. Наконец, нельзя не отметить такие факторы, как пандемия COVID-19, которые резко ускорили переход к электронной коммерции. В 2020–2021 гг. на фоне локдаунов и ограничений традиционной торговли миллионы компаний и потребителей впервые обратились к онлайн-каналам, доля интернет-продаж в розничном товарообороте благодаря пандемии увеличилась всего за один год на несколько процентных пунктов с ~16% до ~19%¹. В период с 2021 по 2024 г. глобальная доля электронной коммерции в розничной торговле продолжила расти, хотя темпы роста несколько замедлились по сравнению с резким скачком в 2020 г., вызванным пандемией COVID-19. В 2024 г.

¹ COVID-19 and E-commerce: A Global Review. – Женева : Конференция ООН по торговле и развитию, 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/covid-19-and-e-commerce-global-review>

доля электронной коммерции в глобальных розничных продажах впервые превысила 20%, достигнув 20,1%. Это означает, что более 1 из каждых 5 долларов, потраченных потребителями по всему миру на розничные товары, приходится на онлайн-продажи. Таким образом, пандемия COVID-19 стала катализатором цифровизации, ускорив переход потребителей и компаний к онлайн-каналам.

Несмотря на то что после снятия ограничений темпы роста электронной коммерции несколько снизились, новая цифровая реальность продолжает укрепляться, и доля онлайн-продаж в розничной торговле продолжает расти.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что успех электронной коммерции на международном уровне определяется сочетанием множества факторов. Исследования ЮНКТАД формализуют некоторые из них в виде индекса готовности стран к e-commerce, включающего четыре основных показателя: долю интернет-пользователей, долю граждан, имеющих счет в финансовом учреждении, число безопасных интернет-серверов и надежность почтовой службы.

Отметим, что международные институты применяют и более широкий подход к оценке условий для развития электронной торговли. Например, инициатива ЮНКТАД *eTrade for All* выделяет семь ключевых направлений, в которых следует укреплять экосистему e-commerce: оценку готовности и формирование стратегии в сфере электронной торговли; ИКТ-инфраструктуру и услуги связи; торговую логистику и упрощение процедур; платежные решения; правовые и регуляторные рамки; развитие цифровых навыков; доступ к финансированию цифрового бизнеса. Сбалансированный прогресс по всем этим направлениям рассматривается как залог успешного роста электронной коммерции на национальном и глобальном уровнях.

Помимо этих измеримых метрик, важны и качественные условия – благоприятный деловой климат, инновационная активность, доверие общества к технологиям. Страны, которые сумели обеспечить и поддерживать указанные факторы (например, развитые экономики Северной Америки, Европы, Восточной Азии), сегодня лидируют по масштабам электронной торговли. Вместе с тем наблюдается стремительное наверстывание и в ряде развивающихся стран, особенно там, где сочетание государственных стратегий и рыночных инициатив позволило улучшить инфраструктуру и нормативную базу (яркий пример – Китай, Индия, Вьетнам).

Таким образом, формирование условий для развития электронной коммерции становится приоритетом международной повестки, поскольку

ку электронная торговля признана мощным драйвером экономического роста и повышения конкурентоспособности в эпоху глобальной цифровизации.

Список литературы

1. Новые тренды цифровизации: мир и Россия. – М. : Инфра-М, 2023.
2. Соловьёва Ю. В. Трансфер технологий в инновационной экономике: сущность, формы, методы // Инновационная экономика. – 2014. – № 4 (1). – С. 7.
3. Соловьёва Ю. В. Трансфер технологий в странах БРИКС: проблемы и перспективы // Экономический журнал. – 2015. – № 4 (40). – С. 85–96.
4. Соловьёва Ю. В., Юй Мэнсинь. Текущая ситуация в области развития трансграничной электронной торговли в Китае // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – Т. 9. – № 2 (34). – С. 126–133. – DOI: 10.21686/2410-7395-2023-2-126-133
5. Шкваря Л. В. Цифровая экономика: опыт Индии // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3 (116). – С. 223–226. – DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.044
6. Шкваря Л. В. Страны Северной Африки: экономическое развитие и готовность к цифровизации // Международная торговля и торговая политика. – 2022. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 105–117. – DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-105-117
7. Шкваря Л. В., Хуинх Фьонг Кхуе. Электронная торговля во Вьетнаме: современное состояние, динамика, государственное регулирование // Россия и Азия. – 2025. – № 2. – С. 40–52.
8. Kalakota R., Whinston A. B. Electronic Commerce: A Manager's Guide. Addison-Wesley, 1997.
9. Nguyen Van Tho, Tran Thi Bich Ngoc. The Development of E-Commerce in Vietnam: Trends and Challenges // Vietnam Journal of Science and Technology. – 2020. – N 4. – P. 45–52.
10. Solovieva Y. V., Chernyaev M. V., Korenevskaya A. V. Transfer of technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Model // Journal of Applied Economic Sciences. – 2017. – Т. 12. – N 5 (51). – С. 1473–1484.
11. Shkvarya L.V., Hailing Y. Digital Economy in China: Modern Trends // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference, 2021. – P. 1209–1216. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_131

12. Turban E., King D., Lee J., Liang T.P., Turban D. C. *Electronic Commerce 2018: A Managerial and Social Networks Perspective*. – 9th ed. – Springer, 2018.

13. Zwass V. *Electronic Commerce: Structures and Issues* // *International Journal of Electronic Commerce*. – 1996. – Vol. 1. – Issue 1. – P. 3–23.

References

1. Novye trendy tsifrovizatsii: mir i Rossiya [New Trends in Digitalization: the World and Russia]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).

2. Solovieva Y. V. Transfer tekhnologiy v innovatsionnoy ekonomike: sushchnost, formy, metody [Technology Transfer in the Innovative Economy: Essence, Forms, Methods]. *Innovatsionnaya ekonomika* [Innovative Economics], 2014, No. 4 (1), pp. 7. (In Russ.).

3. Solovieva Y. V. Transfer tekhnologiy v stranakh BRIKS: problemy i perspektivy [Technology Transfer in the BRICS Countries: Problems and Prospects]. *Ekonomicheskiy zhurnal* [Economic Journal], 2015, No. 4 (40), pp. 85–96. (In Russ.).

4. Solovieva J. V., Mengxin Yu. The Current Situation in the Development of Cross-Border Electronic Commerce in China. *International Trade and Trade Policy*, 2023, Vol. 9, No. 2 (34), pp 126–133. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-2-126-133

5. Shkvarya L. V. Tsifrovaya ekonomika: opyt Indii [Digital Economy: the Indian experience]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 3 (116), pp. 223–226. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.044

6. Shkvarya L. V. Strany Severnoy Afriki: ekonomicheskoe razvitie i gotovnost k tsifrovizatsii [The Countries of North Africa: Economic Development and Readiness for Digitalization]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2022, Vol. 8, No. 2 (30), pp. 105–117. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-105-117

7. Shkvarya L. V., Khuikh Fyong Kkhue. Elektronnaya trgovlya vo Vetname: sovremennoe sostoyanie, dinamika, gosudarstvennoe regulirovanie [Electronic Commerce in Vietnam: Current State, Dynamics, Government Regulation]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia.], 2025, No. 2, pp. 40–52. (In Russ.).

8. Kalakota R., Whinston A. B. *Electronic Commerce: A Manager's Guide*. Addison-Wesley, 1997.

9. Nguyen Van Tho, Tran Thi Bich Ngoc. The Development of E-Commerce in Vietnam: *Trends and Challenges*. *Vietnam Journal of Science and Technology*, 2020, No. 4, pp. 45–52.

10. Solovieva Y. V., Chernyaev M. V., Korenevskaya A. V. Transfer of technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Model. *Journal of Applied Economic Sciences*, 2017, Vol. 12, No. 5 (51), pp. 1473–1484.

11. Shkvarya L.V., Hailing Y. Digital Economy in China: Modern Trends. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Institute of Scientific Communications Conference, 2021, pp. 1209–1216. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_131

12. Turban E., King D., Lee J., Liang T.P., Turban D. C. Electronic Commerce 2018: A Managerial and Social Networks Perspective. 9th ed. Springer, 2018.

13. Zwass V. Electronic Commerce: Structures and Issues. *International Journal of Electronic Commerce*, 1996, Vol. 1, Issue 1, pp. 3–23.

Поступила: 06.06.2025

Принята к печати: 25.06.2025

Сведения об авторе

Юлиана Владимировна Соловьёва
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры национальной
экономики РУДН.
Адрес: ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: jouliana_sol@mail.ru

Information about the author

Yuliana V. Solovieva
PhD, Assistant Professor, Assistant
Professor of the Department
of National Economics of RUDN University.
Address: Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow,
117198, Russian Federation.
E-mail: jouliana_sol@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-114-128>

ТАМОЖЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБОРОТУ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ

А. А. Никонорова, А. Г. Лучкин, Ю. А. Свиридова

Смоленский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Смоленск, Россия

Возрастающий объем оборота контрафактной продукции в международной торговле является серьезной проблемой, угрожающей социально-экономическому развитию любой страны и негативно влияющей на ее экономику. В настоящее время проблема контрафакта в мире, а также в Российской Федерации, стоит очень остро, поскольку некачественные товары неизвестного происхождения наносят не только экономический ущерб государству и участникам рынка, но и представляют существенную угрозу для жизни и здоровья граждан, особенно если речь идет о поддельных лекарствах или продуктах питания. Поэтому актуализируется необходимость борьбы с оборотом контрафактной продукции. Одним из основных методов борьбы, призванных пресечь появление на отечественном рынке контрафактных товаров, является таможенное регулирование, которое осуществляют таможенные органы. ФТС России и ее структурные подразделения играют решающую роль в борьбе с незаконным оборотом контрафактной продукции, активно применяют весь арсенал имеющихся в их распоряжении инструментов для предотвращения проникновения контрафакта на внутренний рынок страны. Несмотря на сложности, которые возникли на современном этапе проведения таможенного контроля, обусловленные неблагоприятной внешнеэкономической обстановкой, таможенным органам удается выполнять возложенные на них задачи, связанные с защитой внутреннего рынка от контрафакта, обеспечивая высокий уровень экономической безопасности в стране.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, таможенные органы, ТРОИС, обязательная маркировка, международное сотрудничество

CUSTOMS ASPECTS OF COUNTERING THE TURNOVER OF COUNTERFEIT PRODUCTS

Anna A. Nikonorova, Andrey G. Luchkin, Julia A. Sviridova

Smolensk Branch of Plekhanov Russian University of Economics,
Smolensk, Russia

The increasing volume of counterfeit products in international trade is a serious problem that threatens the socio-economic development of any country and negatively affects its economy. The problem of counterfeiting in the world, as well as in the Russian Federation, is currently very acute, since low-quality goods of unknown origin cause not only economic damage to the state and market participants, but also pose a significant threat to the life and health of citizens, especially when it comes to counterfeit medicines or food. Therefore, the need to combat the

turnover of counterfeit products is becoming urgent. One of the main methods of struggle designed to prevent the appearance of counterfeit goods on the domestic market is customs regulation, which is carried out by customs authorities. The Federal Customs Service of Russia and its structural divisions play a crucial role in combating illicit trafficking in counterfeit products, actively using the full range of tools and methods at their disposal to prevent counterfeit products from entering the country's domestic market. Despite the difficulties that have arisen at the present stage of customs control due to the unfavorable external economic situation, the customs authorities manage to fulfill their tasks related to protecting the domestic market from counterfeiting, ensuring a high level of economic security in the country.

Keywords: intellectual property objects, customs authorities, TROIS, mandatory labeling, international cooperation

В современных условиях одной из главных проблем, с которой сталкивается международная торговля, остается незаконный оборот товаров, постепенно трансформировавшийся в торговлю контрафактной продукцией. В контексте мировой экономики борьба с контрафактом становится все более важной, поскольку подделки приносят серьезные убытки компаниям, нарушают права интеллектуальной собственности и вредят репутации брендов.

Для более глубокого и точного анализа рассматриваемого вопроса важно определить, что такое контрафактная продукция. Термин «контрафакция» встречается в законодательных документах множества стран, в которых эта деятельность расценивается как незаконная. В широком смысле понятие контрафакции (от французского – *contrafaction* и латинского *contrafactio* – подделка) охватывает незаконное производство, воспроизведение или распространение защищенных авторским правом произведений без согласия автора или обладателя прав. Это нарушение авторских прав, которое может применяться к различным видам интеллектуальной собственности, таким как музыка, фильмы, книги, программное обеспечение, дизайн и т. д. [1].

Наряду с категорией «контрафактная продукция», или «контрафакт», используются термины «фальсификат», «товары без маркировки», а также «товары параллельного импорта». При этом большинство авторов зачастую применяют понятия «контрафактная продукция» и «фальсифицированная продукция» как синонимы. Однако, несмотря на их сходство, между ними существуют определенные различия. Контрафакция – это незаконное использование отдельными физическими и юридическими лицами известных на рынке торговых марок с целью извлечения доходов от производства и реализации товаров, сходных с товарами известных фирм-производителей в целях недобросовестной конкуренции и введения в заблуждение покупателя. Фальсификация (от латинского *falsifico* – подделываю) обозначает преднамеренное искажение свойств товара с целью дезинформирования потребителя или покупателя в своих

корыстных интересах. С юридической точки зрения разница между этими понятиями заключается в том, что контрафактная продукция нарушает интеллектуальные права, тогда как фальсифицированная продукция нарушает производственные технологии [16]. Таким образом, контрафактная продукция может одновременно быть и фальсифицированной, но фальсифицированная продукция не всегда является контрафактной.

Как было сказано ранее, проблема оборота контрафактной продукции не относится к отдельно взятым государствам, поскольку процессы производства и реализации контрафакта в современных условиях характеризуются международной направленностью. Кроме того, начиная со второй половины XX в. в условиях стремительной глобализации и научно-технического прогресса производственные процессы претерпели значительные изменения. Это проявилось, в частности, в увеличении использования альтернативных материалов (чьи объемы росли вместе с развитием химической науки), появлении новых игроков на мировом рынке, особенно из Китая, и значительных изменениях в структуре международной торговли.

Оборот контрафактных товаров является серьезной проблемой, угрожающей социально-экономическому развитию стран и негативно влияющей на их экономику. Распространение контрафактной продукции приносит убытки не только владельцам интеллектуальной собственности, но и всем потребителям [10]. Заинтересованность в регулировании отношений в данной области должна проявляться у всех сторон процесса. Согласно опубликованным статистическим данным, в 2023 г. в мире обнаружено 77% контрафактной продукции – больше, чем в 2022 г. Прогнозируется, что к 2030 г. объем мировой торговли контрафактными товарами может достичь 1,79 трлн долларов, что на 75% больше, чем в 2023 г. и в 3,6 раза превысит прогнозируемый рост мировой экономики за тот же период¹. Этот сектор теневой экономики больше всего оказывает негативный эффект на доходы от налогообложения, порождает и подпитывает преступность. Контрафактные товары перемещаются через транзитные пункты по всему миру с использованием различных транспортных средств. Так, преступные организации в сфере интеллектуальной собственности предпочитают использовать Гонконг, ОАЭ и Сингапур в качестве основных центров для их распределения. Приблизительно три четверти поддельных товаров доставляются морским путем, после чего они распределяются и доставляются конечным потребителям через курьерские службы и обычную почту. Страны Ближнего Востока, включая

¹ Роль таможенных органов в пресечении контрафактной продукции. – URL: <https://ved24.com/node/76> (дата обращения: 12.04.2025).

ОАЭ, Саудовскую Аравию и Йемен, служат основными транзитными маршрутами для поставок фальсификатов в Африку. В то же время Албания, Египет, Марокко и Украина используются для отправки поддельных товаров в ЕС. Панама, находясь на противоположном краю мира, играет значимую роль как транзитный пункт для доставки фальсификатов в США.

В Российской Федерации проблема контрафакта приобретает серьезные масштабы с начала 1990-х гг. Приток иностранных импортеров способствовал широкому распространению контрафакта на российском рынке. Несмотря на усилия государства по сдерживанию этого оборота, фиксировались увеличение числа нарушений интеллектуальной собственности, связанных с производством и реализацией контрафактных товаров и ежегодный рост ущерба, наносимого национальной экономической системе. По оценкам специалистов, рост ущерба составляет примерно 6% от общего объема осуществляемой в России розничной торговли [12].

Пресечение такого рода преступлений возлагается на таможенные органы, которые проводят различные мероприятия для обеспечения высокого уровня безопасности государства. Осуществление таможенного контроля является основой деятельности таможенных органов. Данный вид государственной деятельности заключается прежде всего в осуществлении контроля за выполнением норм таможенного законодательства, а в случае их невыполнения участниками ВЭД необходимо своевременное пресечение этих нарушений.

В связи с увеличением международной торговли, усилением процесса глобализации значимость таможенных органов приобретает новые границы. В свою очередь ввиду того, что в текущих условиях их деятельность направлена не только на пополнение бюджета государства, но и на обеспечение экономической безопасности страны, осуществление правоохранительной деятельности, нагрузка на сотрудников таможенной службы возрастает.

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время очень много правонарушений и преступлений совершается в обороте товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности (ОИС). Среди них немало случаев, когда изготавливается и распространяется контрафактная продукция. Отличительным аспектом работы таможенной системы в данном направлении является трансграничный характер реализуемых контрольных мероприятий по выявлению и предотвращению правонарушений, касающихся законного использования ОИС [8].

Важнейшим инструментом защиты интересов правообладателей является таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС), администрируемый ФТС России [6]. Включение ОИС в такой

специализированный реестр упрощает и повышает эффективность применения защитных мер: охрана становится более рациональной и упорядоченной. Хотя российское законодательство не предусматривает обязательного включения объекта в ТРОИС, тем не менее это имеет ряд преимуществ и для таможенных органов, позволяя сократить материальные и временные затраты на проведение различных операций по выявлению контрафактной продукции, и для декларантов, способных обеспечить защиту репутации и имиджа компаний, а также избежать материальных потерь, возникающих в случае серого импорта.

Таким образом, ТРОИС выполняет функцию механизма прямой связи между ФТС России и отечественными правообладателями. Включая информацию в ТРОИС, правообладатель не только обеспечивает защиту своих прав ИС, но и способствует повышению результативности выявления контрафактных товаров. Данный реестр помогает сократить оборот контрафактной продукции в Российской Федерации за счет действительно систематизированного мониторинга легальных/нелегальных товаров и отслеживания их перемещения по таможенной территории ЕАЭС.

Исходя из официальных данных, публикуемых ФТС России¹, за последние пять лет наблюдается стабильный рост объектов интеллектуальной собственности, включенных в ТРОИС (рис. 1).

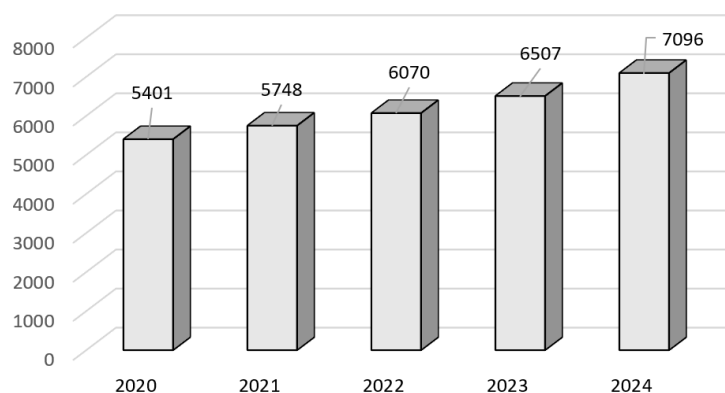

Рис. 1. Динамика регистрации ОИС в ТРОИС за 2020–2024 гг. (в ед.)

Число зарегистрированных ОИС в ТРОИС ежегодно увеличивается, прирост составляет 5–9% в год. Если сравнить представленные сведения о регистрации объектов за 2024 г. по отношению к 2021 г., отмечается увеличение на 31%. Отдельно стоит отметить, что в течение 2024 г. в тамо-

¹ См.: Федеральная таможенная служба 1999–2025. – URL: <http://customs.ru/> (дата обращения 08.04.2025).

женном реестре зарегистрировано рекордное число новых ОИС – 589 объектов при среднем значении 330 объектов в год. Интерес к этому инструменту значительно растет, что обусловлено в первую очередь максимально упрощенной подачей заявлений; модернизируются программные продукты, автоматизируется, совершенствуется личный кабинет участника ВЭД, чтобы подача заявления была максимально простой и удобной для заявителей. Приведенные данные наглядно указывают на наличие в стране доступной, оптимальной, а также эффективной правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, которая и приводит к увеличению количества регистраций ОИС в таможенном реестре.

Эффективной мерой в сфере противодействия перемещению контрафактной продукции следует считать и реализацию концепции системы маркировки и прослеживаемости. Данный аспект таможенного контроля позволил значительно улучшить процесс контрольно-надзорной функции таможенного администрирования [2; 9]. Действующие механизмы в части контроля за оборотом товаров играют существенную роль в снижении уровня незаконного оборота товаров на территории ЕАЭС. С целью усиления таможенного контроля за ввозом и оборотом продукции, а также борьбы с контрафактом была внедрена обязательная маркировка товаров. В Российской Федерации ведется поэтапное введение обязательной маркировки товаров средствами идентификации. Динамика количества товарных категорий, подлежащих обязательной маркировке, за последние пять лет представлена на рис. 2.

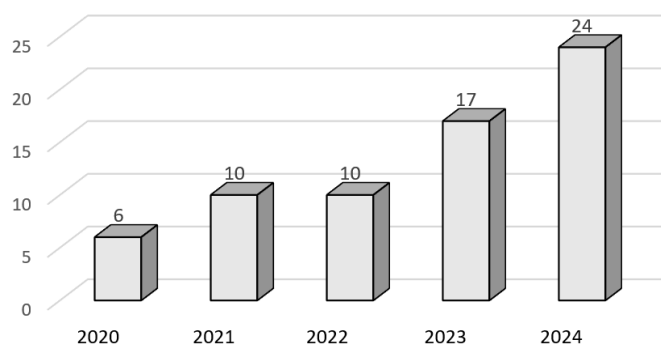

Рис. 2. Динамика количества товарных категорий, подлежащих обязательной маркировке, за 2020–2024 гг. (в ед.)

Так, в 2024 г. перечень товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, расширен с 17 до 24 категорий. Основной целью внедрения обязательной маркировки товаров является усиление таможенного контроля за производством, ввозом, а также за реализацией продукции.

Особая роль в процессе таможенного контроля за ввозом и оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке, отводится мобильным группам таможенных органов [11]. Следует отметить, что контроль за ввозом товаров, подлежащих обязательной маркировке, мобильными группами начал осуществляться с 1 июля 2020 г. В результате было выявлено 247 т товаров без обязательной маркировки, при этом основную долю составили меховые изделия, обувь и лекарственные препараты. За 2021 г. ФТС России приводит официальные данные в разрезе количества единиц (27,2 млн) товаров без обязательной маркировки, а не в тоннах. Соответственно, с целью сопоставимости данных, приводимых в отчетах ФТС России, для построения диаграммы, отражающей динамику выявления товаров без обязательной маркировки средствами идентификации, был взят временной период 2022–2024 гг. (рис. 3).

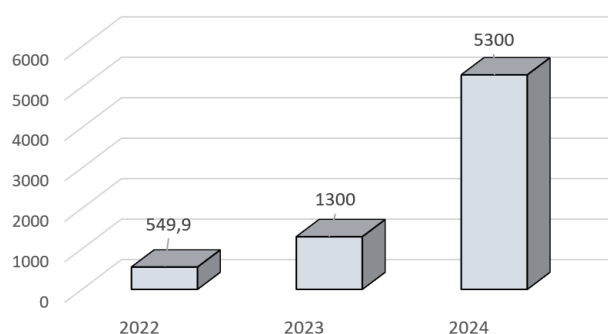

Рис. 3. Динамика выявления товаров без обязательной маркировки средствами идентификации за 2022–2024 гг. (в т)

Начиная с 2023 г. замечен эффективный результат деятельности ФТС России. Мобильными группами таможенных органов выявлено 1 333 т товаров без обязательной маркировки, в том числе безалкогольных газированных напитков – 858 т, обуви – 119 т, товаров легпрома – 177 т, табачной продукции – 44 т, парфюма – 36 т и пива – 14 т. В 2024 г. количество выявленных товаров без обязательной маркировки превысило показатель предыдущего периода в 4 раза, при этом выявляемые категории товаров остались прежними. В целом наблюдаемая динамика свидетельствует о том, что мобильные группы таможенных органов ведут достаточно активную и результативную работу в области контроля и выявления товаров, которые подлежат обязательной маркировке. В связи с этим необходимо продолжить работы в данном направлении и усилить контроль за перемещением товаров на территории страны.

Стоит отметить, что технологии маркировки постоянно совершенствуются, внедряются новые методы, такие как блокчейн, для обеспече-

ния еще большей прозрачности и надежности информации о товаре. Применение единой системы прослеживаемости и маркировки товаров способствует не только защите потребителей и борьбе с контрафактной продукцией, но и улучшению таможенного и налогового контроля [4]. В результате повышается эффективность работы государственных органов, снижаются административные барьеры и создаются более благоприятные условия для честного бизнеса. Такая система обеспечивает прозрачность и доверие в отношениях между всеми участниками рынка, способствует экономическому развитию и укреплению конкурентоспособности национальной экономики, а также интеграции страны в глобальные торговые процессы, упрощает международное сотрудничество и стимулирует привлечение иностранных инвестиций, что в целом положительно сказывается на экономическом росте.

ФТС России на постоянной основе осуществляет мониторинг и оценку объемов и тенденций импорта контрафактной продукции в Российскую Федерацию. Целью данных мероприятий является контроль за оборотом и пресечение поступления контрафакта на потребительский рынок. Кроме того, полученные данные помогают оценивать эффективность работы сотрудников Федеральной таможенной службы. Основной поток контрафактной продукции поступает в Россию из Китая, ОАЭ, Турции и других стран Ближнего Востока [3]. Также фиксируются попытки ее ввоза через территорию Казахстана. Лидерами по числу выявленного контрафакта в 2024 г. стали одежда и обувь, игры и игрушки, а также упаковочная продукция (в частности, чехлы и этикетки). Товары для детей, как одни из самых востребованных на рынке, также регулярно подделывают. Согласно данным ФТС России, за 2024 г. сотрудники таможни выявили 5,8 млн единиц контрафактной продукции (рис. 4).

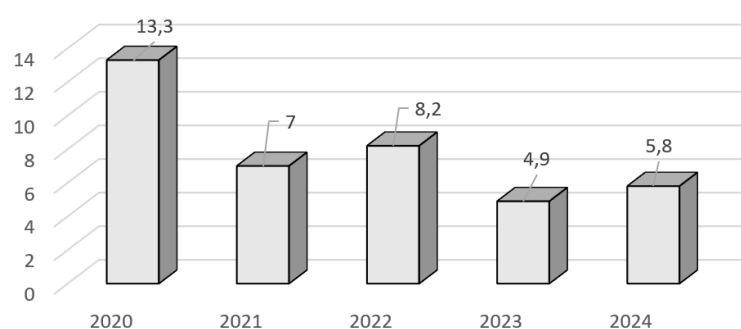

Рис. 4. Динамика выявленной контрафактной продукции, 2020–2024 гг. (в млн ед.)

Таким образом, в течение последних пяти лет можно наблюдать неустойчивую динамику выявления контрафактной продукции. Наибольшее количество выявленных контрафактных товаров относится к 2020 г., в 2021 г. показатель значительно снижается по сравнению с предыдущим периодом почти в 2 раза; в 2022 г. вновь фиксируется рост на 17%; к 2023 г. – снижается практически в 2 раза. Объем выявленной контрафактной продукции к 2024 г. вырос до 5,8 млн ед. по сравнению с 2023 г., но остается не таким высоким как в 2020 или 2022 гг., что говорит о результативной работе таможенных органов по проведению эффективных проверочных и предупредительных мероприятий по пресечению ввоза контрафактной продукции на территорию страны.

Особо значимой деятельностью таможенных органов, влияющей на экономическую безопасность государства, является контроль за оборотом контрафактной продукции на различных этапах проведения таможенного контроля (рис. 5).

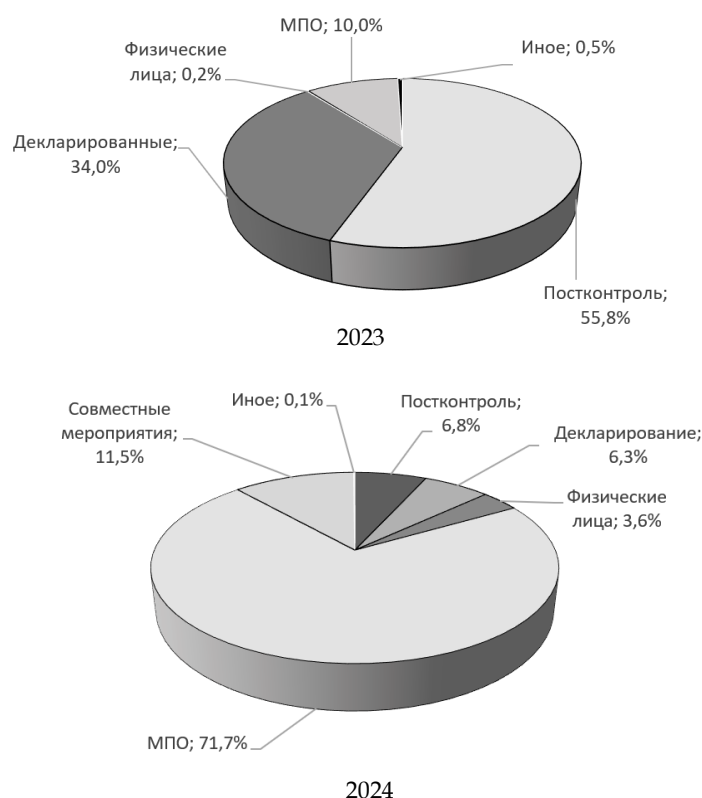

Рис. 5. Структура выявления контрафактных товаров на различных этапах таможенного контроля в 2023 и 2024 гг.

В 2023 г. наибольшая доля выявленных партий с контрафактными товарами приходится на этап постконтроля – 55,8%. При этом значительно сократилась доля выявленной контрафактной продукции на этапе декларирования – 34%. Данный факт свидетельствует о том, что таможенные органы нацелены на то, чтобы проверять участников ВЭД после выпуска товара.

В 2024 г. структура выявления контрафактной продукции в разрезе проведения таможенного контроля претерпела существенные изменения. Наибольшая доля выявленных партий с контрафактными товарами приходится на международные почтовые отправления (МПО) – 71,7%. При этом значительно сократилась доля выявленной контрафактной продукции на этапе постконтроля и этапе декларирования – 6,8% и 6,3% соответственно. Отмечается, что всего сотрудниками центральной почтовой таможни выявлено 3,5 тыс. МПО с контрафактными товарами, лидером среди них стали детские куклы с изображением известного бренда.

Распространение контрафактной продукции не является исключительно российской проблемой. Оно существует во всех странах – участниках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В 2023 г. в странах ЕАЭС зафиксировано 4 667 нарушений в сфере интеллектуальной собственности. Объем выявленных контрафактных товаров в 2023 г. в странах Евразийского экономического союза составил 5,8 млн единиц. С 2014 г. общий рынок союза вырос почти вдвое. В прошлом году объем товарооборота составил 7,4 трлн рублей.

Растущий рынок влечет и активизацию нелегальной торговли [8]. В вопросе предотвращения нелегального оборота контрафактной продукции на территории ЕАЭС, непосредственной участницей которого является и Российская Федерация, ключевым фактором выступает тесное сотрудничество между государственными органами как внутри стран-участниц, так и на международном уровне, благодаря которому таможенные органы могут получить информацию о нелегальной поставке до момента фактического прибытия партии товаров на пункт пропуска [5]. Это существенно упрощает работу таможенных органов и, соответственно, повышает их эффективность.

В этом контексте следует уделить особое внимание продвижению инициатив информационного взаимодействия ФТС с таможенными администрациями иностранных государств, прежде всего с главным таможенным управлением Китая (ГТУ КНР). Взаимодействие ФТС России с ГТУ КНР предполагает обмен данными о тех лицах, которые были замечены в реализации контрафактной продукции по таким направлениям, как международное почтовое отправление и торговый канал. Помимо ГТУ КНР, ФТС России активно реализует аналогичный механизм при объединенной коллегии таможенных служб государств – членов ЕАЭС,

где имеется возможность обмениваться данными о производителях и отправителях контрафакта, который выявляется в рамках территории ЕАЭС. В пределах Содружества Независимых Государств завершена разработка взаимодействия по схожей системе, которое осуществляется в электронном формате. Информация будет передаваться через портал СНГ, управляемый Российской Федерацией. На этой платформе будет доступен значительно больший объем данных, отражающий специфику государств Содружества.

Так, Федеральная таможенная служба России в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества уделяет большое внимание защите интеллектуальной собственности, опираясь на действующий меморандум о взаимодействии между странами. В настоящее время ключевой задачей является подключение к этому меморандуму таких государств, как Иран и Индия.

Наиболее эффективной является система мер противодействия производству и распространению контрафактной продукции в условиях функционирования Евразийского экономического союза на основе совместных, скоординированных усилий таможенных служб всех государств Союза. С этой целью ежегодно проводится Международный форум «Антиконтрафакт», посвященный вопросам противодействия незаконному обороту промышленной продукции, в том числе защиты прав в сфере интеллектуальной собственности. В 2024 г. состоялся XII Международный форум «Антиконтрафакт», на котором проблему контрафакта обсудили более 500 участников форума. В мероприятии приняли участие делегаты от стран – членниц Евразийского экономического союза, Узбекистана, Таджикистана, Нигерии и Швейцарии. В рамках 12 сессионных заседаний были рассмотрены вопросы правового, таможенного, технического регулирования и сертификации, защиты прав потребителей и благополучия человека, маркировки и прослеживаемости продукции, незаконного оборота табака, алкоголя и контрафакта в фармацевтике, необходимости усиления общественного контроля, развития электронной торговли и регулирования маркетплейсов, взаимодействия со СМИ, вопросы коллективного управления авторскими и смежными правами, использования IT- технологий в сфере интеллектуальной собственности¹. Кроме того, в рамках ЕАЭС на постоянной основе проводится работа по развитию нормативно-правовой базы, создаются программы и проекты, направленные на упрощение и ускорение проведения таможенных процедур и операций, а также разрабатываются меры по обеспечению экономической безопасности.

¹ См.: Антиконтрафакт-2024. – URL: <https://rniiis.ru/konferentsii/640-antikontrafakt-2024.html>

Вместе с тем странам ЕАЭС необходимо усиливать координацию действий в сфере борьбы с контрафактом.

Таким образом, защита внутреннего рынка от контрафактной продукции, которую обеспечивают таможенные органы, – это сложная система, которая функционирует в сочетании различных инструментов и методов, эффективность применения которых была проанализирована на основе ряда показателей. Таможенные органы ведут усиленный контроль по предотвращению и пресечению правонарушений, связанных с незаконным перемещением контрафактной продукции. Несмотря на сложности, которые возникли на современном этапе проведения таможенного контроля, обусловленные неблагоприятной внешнеэкономической обстановкой, таможенным органам удастся выполнять возложенные на них задачи, связанные с защитой внутреннего рынка от контрафакта, обеспечивая высокий уровень экономической безопасности в стране.

Список литературы

1. *Александрова Л. И.* Контрафакт как криминальное явление: средства противодействия // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – № 3. – С. 59–65.
2. *Андреева Л. В., Быковский В. К.* Системы обязательной маркировки и прослеживаемости товаров: понятие, виды, цифровая трансформация // Предпринимательское право. – 2022. – № 1. – С. 41–51.
3. *Богданов Ю. В., Сорокина О. В.* Таможенные аспекты борьбы с контрафактными товарами // Вестник экспертного совета. – 2020. – № 2-3 (21-22). – С. 42–48.
4. *Воробьева В. П.* Применение цифровой маркировки в целях совершенствования таможенного администрирования в современных условиях // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2022. – Т. 8. – № 4 (20). – С. 24–31.
5. *Захарова А. А.* Международное таможенное сотрудничество России в области защиты объектов интеллектуальной собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3 (68). – С. 36–40.
6. *Иванова В. В.* Применение реестра при таможенном контроле объектов интеллектуальной собственности // Бюллетень инновационных технологий. – 2021. – Т. 5. – № 4 (20). – С. 24–26.
7. *Изгагина Т. Ю.* Противодействие распространению контрафактной продукции в условиях ЕАЭС // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 19–31.

8. Кутенина И. А., Чернявская Н. П. Защита прав при международной торговле интеллектуальной собственностью в ЕАЭС // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11. – № 1. – С. 61–73.

9. Лубик А. Ф. Система прослеживаемости товаров как инструмент борьбы с ввозом и оборотом контрафактных товаров // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 2. – С. 165–173.

10. Лучкин А. Г., Никонорова А. А. Контрафакт распространяется, как вирус // Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы и перспективы : сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции «Горизонты России» : в 2 ч. – Ч 1. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». – 2021. – С. 24–31.

11. Михайлова А. А. Таможенные органы в борьбе с контрафактной продукцией // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2022. – № 11 (56). – С. 147–152.

12. Сальникова А. В. Современный российский рынок контрафактной продукции: ведущие факторы и тенденции // Электронный научный журнал «Век качества». – 2024. – № 3. – С. 69–89.

13. Эпова Н. Р., Балашова М. А. Проблема контрафакта во внешней торговле и методы борьбы с ним // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – № 4.

References

1. Aleksandrova L. I. Kontrafakt kak kriminalnoe yavlenie: sredstva protivodeystviya [Counterfeit as a Criminal Phenomenon: Means of Counteraction]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Law Bulletin of Samara University], 2021, No. 3. pp. 59–65. (In Russ.).

2. Andreeva L. V., Bykovskiy V. K. Sistemy obyazatelnoy markirovki i proslezhivaemosti tovarov: ponyatie, vidy, tsifrovaya transformatsiya [Systems of Mandatory Labeling and Traceability of Goods: Concept, Types, Digital Transformation]. *Predprinimatelskoe pravo* [Business Law], 2022, No. 1, pp. 41–51. (In Russ.).

3. Bogdanov Yu. V., Sorokina O. V. Tamozhennye aspekty borby s kontrafaktnymi tovarami [Customs Aspects of Combating Counterfeit Goods]. *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], 2020, No. 2-3 (21-22), pp. 42–48. (In Russ.).

4. Vorobeva V. P. Primenenie tsifrovoy markirovki v tselyakh sovershenstvovaniya tamozhennogo administrirovaniya v sovremennykh usloviyakh [The Use of Digital Labeling in Order to Improve Customs Administration in Modern Conditions]. *Novizna. Eksperiment. Traditsii* [Novelty. Experiment. Traditions], 2022, Vol. 8, No. 4 (20), pp. 24–31. (In Russ.).

5. Zakharova A. A. Mezhdunarodnoe tamozhennoe sotrudnichestvo Rossii v oblasti zashchity obektov intellektualnoy sobstvennosti [International Customs Cooperation of Russia in the Field of Intellectual Property Protection]. *Mezhdunarodniy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2022, No. 5-3 (68), pp. 36–40. (In Russ.).

6. Ivanova V. V. Primenenie reestra pri tamozhennom kontrole obektov intellektualnoy sobstvennosti [Application of the Registry in the Customs Control of Intellectual Property Objects]. *Byulleten innovatsionnykh tekhnologiy*. [Bulletin of Innovative Technologies], 2021, Vol. 5, No. 4 (20), pp. 24–26. (In Russ.).

7. Izgagina T. Yu. Protivodeystvie rasprostraneniyu kontrafaktnoy produktsii v usloviyakh EAES [Countering the Spread of Counterfeit Products in the EAEU]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Law Bulletin of Samara University], 2022, Vol. 8, No. 3, pp. 19–31. (In Russ.).

8. Kutenina I. A., Chernyavskaya N. P. Zashchita prav pri mezhdunarodnoy torgovle intellektualnoy sobstvennostyu v EAES [Protection of Rights in International Trade in Intellectual Property in the EAEU]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2025, Vol. 11, No. 1, pp. 61–73. (In Russ.).

9. Lubik A. F. Sistema proslezhivaemosti tovarov kak instrument borby s vvozom i oborotom kontrafaktnykh tovarov [The Product Traceability System as a Tool to Combat the Import and Trafficking of Counterfeit Goods]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Bulletin of the Russian Customs Academy], 2020, No. 2, pp. 165–173. (In Russ.).

10. Luchkin A. G., Nikonorova A. A. Kontrafakt rasprostranyaetsya, kak virus [Counterfeit Spreads Like a Virus]. *Ekonomicheskoe razvitie v XXI veke: tendentsii, vyzovy i perspektivy: Cbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Gorizonty Rossii»* [Economic Development in the 21st Century: Trends, Challenges and Prospects: Collection of Scientific Papers of the IX International Scientific and Practical Conference "Horizons of Russia"]: in 2 part, Part 1. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2021, pp. 24–31. (In Russ.).

11. Mikhaylova A. A. Tamozhennye organy v borbe s kontrafaktnoy produktsiey [Customs Authorities in the Fight Against Counterfeit Products]. *Mezhdunarodniy nauchniy zhurnal «Vestnik nauki»* [International Scientific Journal "Bulletin of Science"], 2022, No. 11 (56), pp. 147–152. (In Russ.).

12. Salnikova A. V. Sovremenniy rossiyskiy rynek kontrafaktnoy produktsii: vedushchie faktory i tendentsii [The Modern Russian Market of Counterfeit Products: Leading Factors and Trends]. *Elektronniy nauchniy zhurnal «Vek kachestva»*. [Electronic Scientific Journal "Century of Quality"], 2024, No. 3, pp. 69–89. (In Russ.).

13. Epova N. R., Balashova M. A. Problema kontrafakta vo vneshney trgovle i metody borby s nim [The Problem of Counterfeiting in Foreign Trade and Methods of Combating It]. *Baikal Research Journal*, 2022, Vol. 13, No. 4. (In Russ.).

Поступила: 12.05.2025

Принята к печати: 20.06.2025

Сведения об авторах

Анна Андреевна Никонорова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента
и таможенного дела Смоленского
филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: Смоленский филиал Российского
экономического университета
имени Г. В. Плеханова», 214030,
Смоленск, ул. Нормандия-Неман, д. 21.
E-mail: niconorova@yandex.ru

Андрей Геннадьевич Лучкин

кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент, заведующий кафедрой
менеджмента и таможенного дела
Смоленского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: Смоленский филиал Российского
экономического университета
имени Г. В. Плеханова», 214030,
Смоленск, ул. Нормандия-Неман, д. 21.
E-mail: region-67@mail.ru

Юлия Анатольевна Свиридова

старший преподаватель кафедры
менеджмента и таможенного дела
Смоленского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: Смоленский филиал Российского
экономического университета
имени Г. В. Плеханова», 214030,
Смоленск, ул. Нормандия-Неман, д. 21.
E-mail: swiridowa.jul@yandex.ru

Information about the authors

Anna A. Niconorova

PhD, Assistant Professor
of the Department of Management
and Customs Affairs of Smolensk Branch
of the PRUE.
Address: Smolensk Branch of Plekhanov
Russian University of Economics,
21 Normandie-Neman str., Smolensk,
214030, Russian Federation.
E-mail: niconorova@yandex.ru

Andrey G. Luchkin

PhD, Assistant Professor, Head
of the Department of Management
and Customs Affairs of Smolensk Branch
of the PRUE.
Address: Smolensk Branch
of Plekhanov Russian University
of Economics, 21 Normandie-Neman str.,
Smolensk, 214030,
Russian Federation.
E-mail: region-67@mail.ru

Julia A. Sviridova

Senior lecturer of the Department
of Management and Customs Affairs
of Smolensk Branch
of the PRUE.
Address: Smolensk Branch of Plekhanov
Russian University of Economics,
21 Normandie-Neman str., Smolensk,
214030, Russian Federation.
E-mail: swiridowa.jul@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-129-149>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ИЗРАИЛЬСКОЙ МОДЕЛИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЕНЧУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МАЛЫМ СТРАНАМ МИРА ПО ГЕОГРАФИЧЕСКИМ КЛАСТЕРАМ

А. С. Ларионов

Институт Востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Привлечение венчурных инвестиций в технологический сектор экономики является сложной комплексной задачей государственного уровня. В Израиле начиная с 1990-х гг. были реализованы многочисленные программы для развития системы НИОКР, стимулирования инноваций и привлечения инвестиций в сектор высоких технологий. Проведен сравнительный анализ системных факторов израильской модели привлечения венчурных инвестиций применительно к другим малым странам мира. Сформирован системный подход к факторам, влияющим на привлекательность венчурной экосистемы страны для инвесторов. На примере Израиля выявлены значимые переменные с целью анализа возможности применения модели в других малых странах. Рассмотрены три географических кластера стран: на Кавказе (Армения, Грузия, Азербайджан), в Западной Азии (ОАЭ, Катар, Оман и Израиль как бенчмарк) и Юго-Восточной и Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Тайвань). Проведена рейтинговая оценка привлекательности венчурных экосистем стран для инвестиций через ранжирование факторов. Выявлены сильные и слабые стороны венчурных экосистем стран как внутри кластеров, так и между странами в разных кластерах. Актуальность темы исследования обусловлена важностью задачи привлечения венчурных инвестиций в технологический сектор экономики малых стран для увеличения вклада высокотехнологичных отраслей в экономический рост и создание основы для благосостояния стран в новой эпохе.

Ключевые слова: стартапы, венчурная экосистема, технологии, инновации, высокотехнологичный экспорт, МНК.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FACTORS OF THE ISRAELI MODEL OF ATTRACTING VENTURE CAPITAL INVESTMENTS AS APPLIED TO SMALL WORLD COUNTRIES BY GEOGRAPHICAL CLUSTERS

Alexey S. Larionov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Attracting venture capital investments into the technological sector of the economy is a complex task at the state level. Since the 1990s, numerous programs have been implemented in Israel to develop the R&D system, stimulate innovation, and attract investment in the high technology

sector. A comparative analysis of the systemic factors of the Israeli model of attracting venture capital investments in relation to other small countries of the world has been carried out. A systematic approach has been developed to the factors influencing the attractiveness of the country's venture ecosystem for investors. Using the example of Israel, significant variables were identified in order to analyze the applicability of the model in other small countries. Three geographical clusters of countries are considered: in the Caucasus (Armenia, Georgia, Azerbaijan), in Western Asia (UAE, Qatar, Oman, and Israel as a benchmark), and in Southeast and East Asia (Singapore, Hong Kong, and Taiwan). A rating assessment of the attractiveness of venture ecosystems of countries for investment was carried out through ranking factors. Strengths and weaknesses of venture ecosystems of countries both within clusters and between countries in different clusters were identified. The relevance of the research topic is due to the importance of the task of attracting venture investments in the technology sector of the economy of small countries, to increase the contribution of high-tech industries to economic growth and create a basis for the well-being of countries in the new era.

Keywords: startups, venture ecosystem, technology, innovation, high-tech export, MNCs.

Введение

Привлечение инвестиций в технологический сектор экономики на сегодняшний день является одной из главных задач малых стран, особенно тех, которые не обладают долгосрочными запасами полезных ископаемых, позволяющими извлекать ренту и обеспечивать уровень благосостояния населения [14]. И даже для тех малых стран, которые формируют свое благосостояние на основе добычи и переработки природных ресурсов, очевидно, что экономику необходимо диверсифицировать по отраслевому признаку, создавая основу доходов государства для следующих поколений. Как показывает анализ макроэкономической статистики ведущих мировых экономических организаций, вклад науки и технологий в ВВП развитых и многих развивающихся стран стремительно возрастает, и для обеспечения конкурентоспособности в будущем всем участвующим в мировом разделении труда странам необходимо на постоянной основе решать задачу привлечения инвестиций в технологический сектор.

Одними из основных признанных в мире видов инвестиций в технологии являются венчурные инвестиции [18]. Это особый вид прямых высокорисковых вложений в капитал высокотехнологичных компаний на разных стадиях развития – от посевной до стадии пре-ИРО. Осуществляют данный вид инвестиций специальные структуры – фонды венчурного капитала, управляемые структурой General partner и финансируемые институциональными инвесторами Limited partner. В зависимости от страны нахождения венчурного фонда практики инвестирования принципиально не отличаются, но отличается среда, в которой происходит формирование венчурного фонда с точки зрения привлечения капитала и среда, в которой венчурный фонд ищет объекты для своих инвестиций [3]. В деловой прессе и научной литературе привлекательность страны

для инвестиций принято называть инвестиционным климатом, что, по сути, является набором условий, которые обеспечивают инвесторам доходность при определенном уровне риска. В текущем состоянии развития глобальной экономики страны конкурируют между собой за создание таких условий, которые обеспечат инвесторам, в том числе венчурным, возможность как привлечения капитала для инвестиций, так и размещения капитала в стартапы (малые технологические компании).

Факторы израильской модели привлечения венчурных инвестиций

Одной из наиболее эффективных стран в мире по привлечению венчурных инвестиций является Израиль. По уровню инвестиций в НИОКР в мировом рейтинге Израиль уже много лет занимает 1-е место. По уровню венчурных инвестиций, привлеченных фондами венчурного капитала и проинвестированных фондами венчурного капитала, Израиль входит в топ-10 стран мира. Автор в своей научно-исследовательской деятельности подробно и детально проанализировал историю развития технологических секторов в Израиле за 30-летний период, начиная с 1990-х гг. XX в. и заканчивая результатами работы венчурного капитала в 2024 г. в Израиле [4]. На основании обработки исторических рядов данных и анализа факторов влияния на привлечение инвестиций на примере Израиля автором была выдвинута и обоснована концепция о том, что существуют системные факторы влияния на привлечение венчурных инвестиций в технологический сектор на уровне страны. Из всего многообразия параметров были выделены наиболее важные, оказывающие непосредственное влияние на привлекательность венчурной экосистемы страны, а именно:

- расходы на образование в государстве (в % от ВВП);
- валовые расходы на НИОКР (в % от ВВП);
- венчурные инвестиции (в тыс. долларов на душу населения);
- оценка инфраструктуры страны в глобальном рейтинге WIPO Global Innovation Index;
- высокотехнологичный экспорт (в % от ВВП);
- оценка венчурной экосистемы страны в глобальных рейтингах StartupBlink, StartupGenome;
- государственные расходы на НИОКР (в % от ВВП);
- оценка предпринимательской среды в глобальных рейтингах WIPO GII или GEM;
- оценка рейтинга топ-3 университетов страны в глобальном рейтинге QS (топ-1 000);
- оценка инвестиций мультинациональных корпораций (МНК) в НИОКР страны.

По мнению автора, одним из практических подтверждений выдвинутой гипотезы должны служить не только успехи Израиля в построении технологических секторов экономики и привлечении венчурных инвестиций, но и сравнительный анализ. Для того чтобы объективно оценить применимость модели факторов, построенной на примере Израиля, необходимо апробировать ее на данных других малых стран мира, предварительно сгруппировав их в рамках географических кластеров.

Обзор литературы

Изучение опыта Израиля в формировании технологического сектора экономики на протяжении 1990–2021 гг. подтверждает достижение страной лидирующих в мире позиций как в развитии венчурной экосистемы [6], так и привлечении инвестиций венчурного капитала в экономику. На основании этого можно сделать выводы о применимости ряда системных факторов израильской модели привлечения венчурных инвестиций в других малых странах.

В научных трудах предположение о том, что модель Израиля может быть применима в других малых странах было проверено и частично подтверждено эмпирически в работах Дэна Брезница [19] на примере сравнения подхода к развитию инноваций в Израиле, Тайване и Ирландии, а также в работах Г. Авнимелеха, А. Розиелло, М. Теубала [17] на примере интерпретации венчурной политики в Израиле, Германии, Тайване и Шотландии.

Из российских исследователей, которые сравнивали инновационную политику Израиля и других стран, стоит отметить исследования Н. Гавриловой [2] и сравнительный анализ инновационных характеристик экономики Израиля, Ирландии и Финляндии Д. А. Марьясиса [7].

Во всех исследованиях, как российских, так и зарубежных авторов, подчеркивается роль трех основных стейкхолдеров инновационного процесса: государства [8], университетов [20] и бизнеса [22], что подтверждается и Г. Ицковицом в концептуальной работе «Тройная спираль инноваций» [21]. Также важную роль играет внешнеэкономическая деятельность страны и ее связи с зарубежными партнерами [9].

Методологическая основа исследования

Автор в рамках своего исследования провел аналитическое сравнение факторов системы привлечения венчурных инвестиций в Израиле и других малых странах, сгруппировав их по географическим кластерам: в Западной Азии для сравнения были выбраны ОАЭ, Катар и Оман, на Кавказе – Армения, Грузия и Азербайджан, в Юго-Восточной и Восточной Азии – Гонконг, Сингапур и Тайвань.

Основанием для выбора стран послужили следующие критерии:

- население – от 2 до 25 млн человек (в Израиле 9,3 млн человек);
- уровень ВВП на душу населения от 20 тыс. до 130 тыс. (в Израиле – 55 тыс. долларов США);
- группировка стран по географическим кластерам.

Для анализа и сравнения факторов системы привлечения венчурных инвестиций в страну были использованы данные:

- Всемирной организации по интеллектуальной собственности (WIPO), в частности Глобальный индекс инноваций (GI)¹;
- база данных макроэкономических параметров стран Всемирного Банка (World Bank)²,
- база данных о венчурных инвестициях по странам мира частного исследовательского агентства Dealroom³;
- рейтинги стартап-экосистем по странам мира StartupBlink и StartupGenome⁴;
- рейтинги развития предпринимательства в глобальном отчете Global Entrepreneurship Monitor (GEM)⁵.

Данные Израиля были добавлены в сравнительный анализ как бенчмарк, для того чтобы иметь возможность сравнить значения факторов по странам с успешным примером страны, построившей систему привлечения ВК-инвестиций.

Для оценки динамики изменений факторов модели автор консолидировал данные по выбранным странам на 10-летнем временном интервале и рассчитал индекс динамики изменений, сравнив данные по итогам 2024 и 2014 гг. С точки зрения нормализации данных автор избегал использования абсолютных значений и применил в расчетах либо относительные показатели, либо оценки параметров по сравниваемым странам из глобальных рейтингов.

Набор факторов для сравнительного анализа по странам был выбран и апробирован на основании изучения опыта Израиля, значения факторов по странам были взвешены, ранжированы и выстроены в итоговый рейтинг в соответствии с определенным автором подходом.

Первый географический кластер – страны Кавказа: Армения, Грузия и Азербайджан

Анализируя результаты расчета и сравнивая факторы привлекательности стран для венчурных инвестиций по первому кластеру (на примере Азербайджана, Армении и Грузии) автор пришел к выводу,

¹ URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index>

² URL: <https://data.worldbank.org/>

³ URL: <https://app.dealroom.co/>

⁴ URL: <https://www.startupblink.com/#rankings>

⁵ URL: <https://www.gemconsortium.org/reports/latest-global-report>

что оценка большинства факторов венчурной экосистемы находится в этих странах на начальной отметке (табл. 1). Обусловлено это тем, что сравнительно недавно, в конце 2010-х гг., правительства данных стран обратили внимание на необходимость развития технологических секторов экономики и начали предпринимать целенаправленные усилия для формирования венчурных экосистем и привлечения венчурных инвестиций.

Т а б л и ц а 1

**Сравнительный анализ факторов привлечения венчурных инвестиций
по странам Кавказа: Азербайджан, Армения, Грузия за 2014–2024 гг.**

		Кластер 1			Вес фактора	Ранг фактора	Взвешенный по рангу вес фактора	Рейтинговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций		
		Азербайджан	Армения	Грузия				Азербайджан	Армения	Грузия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Население, млн, 2014 (WIPO GI)	9,3	3,0	4,5						
	Население, млн, 2024 (WIPO GI)	10,3	2,9	3,8						
	Индекс 2024 к 2014	111	97	84						
	ВВП на душу населения, млн долл., PPP, 2014 (WIPO GI)	11 044	6 190	6 144						
	ВВП на душу населения, млн долл., PPP, 2024 (WIPO GI)	18 694	19 745	22 357						
	Индекс 2024 к 2014	169	319	364						
1	Расходы на образование, % ВВП, 2014 (World Bank)	2,6	2,2	3,0	20	9	0,18	0,005	0,004	0,005
	Расходы на образование, % ВВП, 2024 (World Bank)	2,9	2,5	3,8				0,005	0,005	0,007
	Индекс 2024 к 2014	112	114	127						
2	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	0,2	0,2	0,2	20	8	0,16	0,000	0,000	0,000
	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	0,2	0,2	0,2				0,000	0,000	0,000
	Индекс 2024 к 2014	100	100	100						
3	ВК-инвестиции, 000 долл. на душу населения, 2014 (Dealroom)				15	10	0,15			
	ВК-инвестиции, 000 долл. на душу населения, 2024 (Dealroom)	0,00	0,00	0,00				0,000	0,000	0,001
	Индекс 2024 к 2014									
4	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2014, ранг (WIPO GI)	85	93	82	10	5	0,05	0,008	0,004	0,009
	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2024, ранг (WIPO GI)	100	79	74					0,011	0,013
	Индекс 2024 к 2014	-15	14	8						

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
5	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2014 (World Bank)	7,7	3,0	3,1	5	6	0,03	0,002	0,001	0,001
	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2023 (World Bank)	4,2	21,1	3,8				0,001	0,006	0,001
	Индекс 2023 к 2014	55	703	123						
6	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2019, ранг (Startublink, Startupgenome)	67	63	62	5	4	0,02	0,007	0,007	0,008
	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2024, ранг (Startublink, Startupgenome)	84	57	71				0,003	0,009	0,006
	Индекс 2024 к 2019	-17	6	-9						
7	Госрасходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	0,1	0,1	0,1	5	3	0,02	0,000	0,000	0,000
	Госрасходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	0,1	0,1	0,1				0,000	0,000	0,000
	Индекс 2024 к 2014	100	100	100						
8	Оценка предпринимательской среды, ГИ 2014, ранг (WIPO GI)	57	54	37	5	2	0,01	0,004	0,005	0,006
	Оценка предпринимательской среды, ГИ 2024, ранг (WIPO GI)	15	65	8				0,009	0,004	0,009
	Индекс 2024 к 2014	42	-11	29						
9	Оценка топ-3 университетов в топ-1000 QS рейтинг 2014, ранг (WIPO GI)	53	70	70	5	1	0,01	0,002	0,002	0,002
	Оценка топ-3 университетов в топ-1000 QS рейтинг 2024, ранг (WIPO GI)	74	75	75				0,001	0,001	0,001
	Индекс 2024 к 2014	-21	-5	-5						
10	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, ГИ 2016, ранг (WIPO GI)	45,0	45,0	45,0	10	7	0,07	0,039	0,039	0,039
	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, ГИ 2024, ранг (WIPO GI)	41,0	41,0	41,0				0,041	0,041	0,041
	Индекс 2024 к 2016	91	91	91						
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций, 2014 г.							0,07	0,06	0,07
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций, 2024 г.							0,06	0,08	0,08

Так, в качестве положительных изменений с 2014 по 2024 г. стоит отметить:

- рост ВВП на душу населения в Армении и Грузии более чем в 3 раза;
- рост расходов на образование во всех трех странах на 12–27%;
- улучшение ранга в рейтинге инфраструктуры в Армении и Грузии на 8–14 мест в мировом таблице;

- рост высокотехнологичного экспорта в Армении более чем в 7 раз и в Грузии – на 23%;
- повышение ранга Армении в рейтинге экосистем мира на 6 позиций;
- улучшение уровня предпринимательской среды и повышение ранга Азербайджана и Грузии на 42 и 29 мест соответственно.

Из отрицательных изменений динамики с 2014 по 2024 г. следует отметить:

- сокращение населения в Армении и Грузии на 100 и 700 тыс. человек;
- низкий уровень инвестиций в НИОКР (0,2% от ВВП) и отсутствие положительной динамики;
- незначительный на макроэкономическом уровне размер венчурных инвестиций, измеряемый сотнями тыс. долларов в год на страну;
- сокращение наполовину высокотехнологичного экспорта из Азербайджана, падение его оценок по инфраструктуре, стартап-экосистем, уровней университетов в глобальных рейтингах;
- низкие рейтинги всех трех стран по привлекательности для глобальных МНК в части инвестиций в НИОКР и в глобальных рейтингах университетов.

К сожалению, такую динамику по 10 факторам привлекательности стран для венчурных инвестиций нельзя назвать выдающейся. Скорее, итоги анализа стран в первом географическом кластере говорят том, что правительственным и предпринимательским структурам в данных странах необходимо учесть мировой опыт развития технологических секторов и повышения инвестиционной привлекательности стран и составить программу среднесрочного и долгосрочного развития и улучшения ключевых факторов привлекательности страновых экосистем для венчурных инвесторов. Тем не менее успехи Армении в развитии своей технологической экосистемы дают основание считать, что в стране начался этап ее зарождения, а именно:

- рост экспорта высоких технологий;
- появление первых венчурных фондов, акселераторов, инкубаторов и стартапов;
- открытие специализированного государственного агентства по поддержке стартапов и инноваций.

Нужно заметить, что динамика факторов модели привлечения ВК-инвестиций находит свое отражение в итоговой рейтинговой оценке страны, как в сравнении с другими странами внутри географического кластера, так и в анализе динамики за выбранный исторический отрезок.

Ниже показана итоговая рейтинговая оценка привлекательности для инвестиций венчурных экосистем стран Кавказа в 2024 г. в сравнении с 2014 г.:

- рейтинг Азербайджана снизился на 1 процентный пункт с 0,07 до уровня 0,06;
- рейтинг Грузии улучшился на 1 процентный пункт с 0,07 до 0,08;
- рейтинг Армении улучшился на 2 процентных пункта с 0,06 до 0,08.

Второй географический кластер – страны Ближнего Востока (Западной Азии): ОАЭ, Катар, Оман и Израиль как бенчмарк

Анализ факторов инвестиционной привлекательности стран во втором географическом кластере релевантен в части сравнения оценок для ОАЭ, Катара и Омана (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Сравнительный анализ факторов привлечения венчурных инвестиций по странам Ближнего Востока: ОАЭ, Катар, Оман, Израиль за 2014–2024 гг.

		Кластер 2				Вес фактора	Ранг фактора	Взвешенный по рангу вес фактора	Рейтинговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций			
		Оман	ОАЭ	Катар	Израиль				Оман	ОАЭ	Катар	Израиль
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Население, млн, 2014 (WIPO GII)	3,3	9,2	2,1	7,9							
	Население, млн, 2024 (WIPO GII)	5,0	10,7	3,0	9,3							
	Индекс 2024 к 2014	152	116	143	118							
	ВВП на душу населения, млн долларов, PPP, 2014 (WIPO GII)	29813	30122	98813	34770							
	ВВП на душу населения, млн долларов, PPP, 2024 (WIPO GII)	39336	88962	114210	54771							
	Индекс 2024 к 2014	132	295	116	158							
1	Расходы на образование, % ВВП, 2014 (World Bank)	6,0	3,9	3,6	5,7	20	9	0,18	0,011	0,007	0,006	0,010
	Расходы на образование, % ВВП, 2024 (World Bank)	4,2	3,9	3,2	6,5				0,008	0,007	0,006	0,012
	Индекс 2024 к 2014	70	100	89	114							
2	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	0,2	0,7	0,5	4,1	20	8	0,16	0,000	0,001	0,001	0,007
	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	0,3	1,5	0,7	6,0				0,000	0,002	0,001	0,010
	Индекс 2024 к 2014	150	214	140	146							

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	БК-инвестиции, 000 долл. на душу населения, 2014 (Dealroom)		0,04	0,00	0,19	15	10	0,15	-	0,005	0,001	0,028
	БК-инвестиции, 000 долл. на душу населения, 2024 (Dealroom)	0,00	0,24	0,01	0,40				0,000	0,036	0,001	0,060
	Индекс 2024 к 2014		679	123	210							
	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2014, ранг (WIPO GII)	57	18	23	20	10	5	0,05	0,022	0,041	0,039	0,040
	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2024, ранг (WIPO GII)	63	17	39	41				0,019	0,042	0,031	0,030
	Индекс 2024 к 2014	-6	1	-16	-21							
5	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2014 (World Bank)	4,4	10,2	0,1	19,4	5	6	0,03	0,001	0,003	0,000	0,006
	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2023 (World Bank)	5,0	9,6	2,8	34,8				0,002	0,003	0,001	0,010
	Индекс 2023 к 2014	114	94	2800	179							
6	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2019, ранг (Startublink, Startupgenome)	-	40	97	4	5	4	0,02	0,020	0,012	0,001	0,019
	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2024, ранг (Startublink, Startupgenome)	-	28	90	3				0,020	0,014	0,002	0,019
	Индекс 2024 к 2019	-	12	7	1							
7	Госрасходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	0,1	0,2	0,2	0,7	5	3	0,02	0,000	0,000	0,000	0,000
	Госрасходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	0,1	0,4	0,2	0,5				0,000	0,000	0,000	0,000
	Индекс 2024 к 2014	150	214	140	73							
8	Оценка предпринимательской среды, GII 2014, ранг (WIPO GII)	49	36	24	30	5	2	0,01	0,005	0,006	0,008	0,007
	Оценка предпринимательской среды, GII 2024, ранг (WIPO GII)	32	2	13	49				0,007	0,010	0,009	0,005
	Индекс 2024 к 2014	17	34	11	-19							
9	Оценка топ-3 университетов в топ 1000 QS рейтинг 2014, ранг (WIPO GII)	59	42	60	21	5	1	0,01	0,002	0,003	0,002	0,004

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Оценка топ-3 университетов в топ 1000 QS рейтинг 2024, ранг (WIPO GI)	69	36	45	34				0,002	0,003	0,003	0,003
	Индекс 2024 к 2014	-10	6	15	-13							
10	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, GI 2016, ранг (WIPO GI)	40	41	40	19	10	7	0,07	0,042	0,041	0,042	0,057
	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, GI 2024, ранг (WIPO GI)	41	24	41	23				0,041	0,053	0,041	0,054
	Индекс 2024 к 2016	-1	17	-1	-4							
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК инвестиций, 2014 г.								0,10	0,12	0,10	0,18
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК инвестиций, 2024 г.								0,10	0,17	0,09	0,20

Показатели Израиля приведены как бенчмарк, поскольку исходя из анализа мировых рейтингов, очевидно, что страна находится на более высокой стадии развития венчурной экосистемы. Это находит свое отражение в большинстве показателей мировых рейтингов и других оценках венчурной экономики.

Важной отличительной чертой данного набора стран во втором географическом кластере является явно выраженная ориентация экономик, с одной стороны, на экспорт сырьевых ресурсов, являющихся основой национального благосостояния, с другой стороны, – на диверсификацию отраслевого развития данных экономик с долгосрочной целью обеспечения альтернативных источников экономического роста за пределами добычи и экспорта нефтегазового сырья и продуктов его переработки [13], в том числе за счет привлечения иностранных инвестиций [16].

Из позитивных изменений значений факторов в динамике с 2014 по 2024 г. в кластере стран Ближнего Востока следует отметить следующие тенденции:

- прирост населения во всех странах от 16 до 52% за 10 лет;
- рост ВВП на душу населения от 16% в Катаре до утроения уровня ВВП на душу населения в ОАЭ;
- расходы на образование в Омане сравнимы с расходами Израиля, но в ОАЭ и Катаре они в два раза ниже (в % от ВВП);
- уровень инвестиций в НИОКР в Омане, ОАЭ и Катаре хотя и увеличился на 50–100% за десятилетие, пока не сравним с Израилем;

- уровень венчурных инвестиций на душу населения заметно вырос только в ОАЭ – увеличение в 7 раз, но пока он измеряется сотнями миллионов долларов, в отличие от миллиардов долларов США ежегодных инвестиций в Израиле;

- уровень высокотехнологического экспорта вырос в Катар в 28 раз, но очевидно, что это эффект низкой базы; на фоне сырьевого экспорта высокие технологии в общем объеме не заметны ни в одной из стран второго кластера, кроме Израиля;

- прогресс ОАЭ в мировых рейтингах стартап-экосистем (+12 мест в 2024 г. по сравнению с 2014 г.), тогда как Катар и Оман лишь недавно появились на картах глобальных рейтингов;

- в глобальных рейтингах предпринимательской среды ОАЭ за 10 лет сделали колоссальный скачок, поднявшись более чем на 30 мест в мировом табеле и выйдя на 2-е место в мире;

- университеты ОАЭ и Катара улучшили свои позиции в глобальном рейтинге на 6 и 15 позиций соответственно;

- успехи ОАЭ в привлечении глобальных МНК к открытию НИОКР-центров в особых экономических зонах страны (+17 пунктов улучшения в мировом рейтинге по фактору МНК).

Из негативных тенденций в рейтингах и показателях 2024 г. в сравнении с 2014 г. стоит отметить следующие:

- снижение расходов на образование в Катаре и Омане (в % от ВВП);

- снижение оценки в глобальном рейтинге инфраструктуры (соответственно, -6, -16 и -21 позиция для Омана, Катара и Израиля), что в первую очередь свидетельствует об опережающих инвестициях других государств мира в инфраструктуру, а не об ухудшении инфраструктуры в странах второго кластера.

Падение оценок Израиля в рейтинге предпринимательской среды на -19 мест и рейтинге университетов мира – на -13 мест также свидетельствует об опережающем темпе усилий других стран в повышении привлекательности своих экосистем для предпринимателей и уровне развития качества образования по мировым стандартам в университетах.

Рассмотрим итоговую оценку инвестиционной привлекательности венчурных экосистем стран Ближнего Востока в 2024 г. в сравнении с 2014 г.:

- рейтинг Омана остался на прежнем уровне (0,10 пунктов);
- рейтинг Катара снизился на 1 процентный пункт с 0,10 до 0,09;
- рейтинг Израиля ухудшился на 2 процентных пункта с 0,20 до 0,18;

– рейтинг ОАЭ показал впечатляющий прогресс в оценке инвестиционной привлекательности, венчурной экосистемы, увеличившись на пять процентных пунктов с 0,12 до 0,17.

По итогам анализа факторов привлекательности стран для венчурных инвестиций во втором географическом кластере в странах Западной Азии отмечен высокий уровень инвестиций. Это во многом объясняется ростом уровня доходов экономик стран от сырьевого экспорта, обилием свободного капитала, сформированного за счет экспорта сырья, и возможностями за счет этого капитала улучшать общие компоненты экосистемы.

Наибольший прогресс демонстрирует венчурная экосистема ОАЭ благодаря открытости экономики и экосистемы для мировых инвесторов в лице МНК и глобальных венчурных фондов, росту частных и государственных инвестиций в НИОКР, созданию привлекательных условий для предпринимателей как в части низкого уровня налогообложения, так и государственной поддержки стартапов, а также мерам поддержки высокотехнологичного экспорта со стороны государства.

Третий географический кластер – страны Восточной и Юго- Восточной Азии: Сингапур, Гонконг (САР Китай), Тайвань

Анализ факторов привлекательности венчурных экосистем стран третьего географического кластера имеет свою специфику. Выбранные для анализа и сравнения страны начали свой путь по формированию венчурной экосистемы примерно в те же годы, что и Израиль, рассматриваемый как бенчмарк для других малых стран, но за прошедшие тридцать лет добились по некоторым показателям лучших оценок, чем страна бенчмарк. Во многом это обусловлено высокой производительностью труда в компаниях Юго-Восточной Азии и фокусировкой населения и корпораций в этих странах на победу в глобальной конкурентной борьбе. Безусловно, не только культура и бизнес-традиции позволили данным государствам добиться выдающихся результатов, но и целенаправленная многолетняя работа государственных органов, университетов и корпораций над формированием венчурной экосистемы (табл. 3).

Выделим позитивные изменения в динамике факторов в 2024 г. по отношению к 2014 г. в выбранных для сравнения странах третьего географического кластера. При весьма умеренных темпах роста населения уровень ВВП на душу населения вырос на 38% в Гонконге и на 105% в Сингапуре. Расходы на образование достигли 4% ВВП в Гонконге и Тайване. Валовые расходы на НИОКР в целом выросли на 5% в Сингапуре, на Тайване – 33% (до уровня 4% от ВВП) и в Гонконге – на 57%.

Таблица 3

**Сравнительный анализ факторов привлечения венчурных инвестиций
по странам Юго-Восточной Азии: Сингапур, Гонконг, Тайвань
за 2014–2024 гг.**

		Кластер 3			Вес фактора	Ранг фактора	Взвешенный по рангу вес фактора	Рейтинговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций		
		Гонконг	Сингапур	Тайвань				Гонконг	Сингапур	Тайвань
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Население, млн, 2014 (WIPO GII)	7,2	5,3	23,4						
	Население, млн, 2024 (WIPO GII)	7,4	5,8	23,4						
	Индекс 2024 к 2014	103	109	100						
	ВВП на душу населения, млн долл., PPP, 2014 (WIPO GII)	52 722	64 783	46 151						
	ВВП на душу населения, млн долл., PPP, 2024 (WIPO GII)	72 861	133 108	68 710						
	Индекс 2024 к 2014	138	205	149						
1	Расходы на образование, % ВВП, 2014 (World Bank)	3,6	2,9	5,2	20	9	0,18	0,006	0,005	0,009
	Расходы на образование, % ВВП, 2024 (World Bank)	3,7	2,4	4,3				0,007	0,004	0,008
	Индекс 2024 к 2014	103	83	82						
2	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	0,7	2,1	3,0	20	8	0,16	0,001	0,003	0,005
	Валовые расходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	1,1	2,2	4,0				0,002	0,004	0,006
	Индекс 2024 к 2014	157	105	133						
3	ВКО-инвестиции, 000 долл. на душу населения, 2014 (Dealroom)	0,02	0,21	0,01	15	10	0,15	0,003	0,031	0,002
	ВК-инвестиции, 000 долл. на душу населения, 2024 (Dealroom)	0,28	1,05	0,03				0,043	0,158	0,004
	Индекс 2024 к 2014	1 609	507	223						
4	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2014, ранг (WIPO GII)	1	2	39,0	10	5	0,05	0,050	0,049	0,031
	Оценка инфраструктуры в рейтинге 2024, ранг (WIPO GII)	16	11	5,0				0,042	0,045	0,048
	Индекс 2024 к 2014	-15	-9	34						
5	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2014 (World Bank)	11,4	50,6	46,0	5	6	0,03	0,003	0,015	0,014
	Высокотехнологичный экспорт, % от экспорта товаров, 2023 (World Bank)	72,3	56,1	65,0				0,022	0,017	0,020
	Индекс 2023 к 2014	634	111	141						

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
6	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2019, ранг (Startublink, Startupgenome)	28	21	24	5	4	0,02	0,014	0,016	0,015
	Оценка в рейтинге стартап экосистем, 2024, ранг (Startublink, Startupgenome)	34	6	22				0,013	0,019	0,016
	Индекс 2024 к 2019	-6	15	2						
7	Госрасходы на НИОКР, % ВВП 2014 (World Bank)	1,6	1,1	0,7	5	3	0,02	0,000	0,000	0,000
	Госрасходы на НИОКР, % ВВП 2024 (World Bank)	0,5	0,8	0,7				0,000	0,000	0,000
	Индекс 2024 к 2014	31	76	109						
8	Оценка предпринимательской среды, ГИ 2014, ранг (WIPO GII)	4	1	23	5	2	0,01	0,010	0,010	0,010
	Оценка предпринимательской среды, ГИ 2024, ранг (WIPO GII)	11	1	3				0,009	0,010	0,010
	Индекс 2024 к 2014	-7								
9	Оценка топ-3 университетов в топ-1000 QS рейтинг 2014, ранг (WIPO GII)	6	20	21	5	1	0,01	0,005	0,004	0,004
	Оценка топ-3 университетов в топ-1000 QS рейтинг 2024, ранг (WIPO GII)	8	13	10				0,005	0,004	0,005
	Индекс 2024 к 2014	-2	7	11						
10	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, ГИ 2016, ранг (WIPO GII)	23,0	15,0	10,0	10	7	0,07	0,054	0,060	0,063
	Оценка инвестиций МНК в НИОКР страны, ГИ 2024, ранг (WIPO GII)	21,0	21,0	10,0				0,055	0,055	0,063
	Индекс 2024 к 2016	91	140	100						
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций, 2014 г.							0,15	0,19	0,15
	Итоговая оценка привлекательности страны для ВК-инвестиций, 2024 г.							0,20	0,32	0,18

Наиболее впечатляющие индексы роста в венчурных инвестициях на душу населения: в 16 раз выросли ВК-инвестиции в Гонконге, в 5 раз – в Сингапуре и удвоились на Тайване. При этом уровень ВК-инвестиций на душу населения в Гонконге и Сингапуре превышает уровень ВК-инвестиций в Израиле.

Высокотехнологичный экспорт вырос в 6 раз в Гонконге – до 72%, в Сингапуре – до 56% и на Тайване – до 65%.

В глобальном рейтинге стартап-экосистем Сингапур занял 6-е место (+15 позиций), Тайвань – 22-е место и Гонконг – 34-е место.

В мировом рейтинге предпринимательской среды Сингапур – на 1-м месте и в 2014, и в 2024 гг., Тайвань – на 3-м месте, Гонконг опустился с 4-го на 11-е место.

Уровень университетов в глобальных рейтингах вырос в Тайване до 10-го места (+11), в Сингапуре – до 13-го места (+7), Гонконге – до 8-го места (–2), что подтверждает приоритетность развития высшей школы в этих странах, даже в сравнении с США и ЕС.

Больше, чем в Израиле, глобальные МНК инвестируют в НИОКР в Сингапуре и Тайване и столько же, как в Израиле, – в Гонконге.

Из факторов с отрицательной динамикой стоит отметить лишь глобальный рейтинг инфраструктуры, в котором страны третьего кластера потеряли свои места: Гонконг опустился с 1-го на 16-е место, Сингапур – с 2-го на 11-е место. При этом рейтинг инфраструктуры Тайваня вырос, так как его показатели учитываются в рейтингах вместе с КНР, рейтинг которой за 10 лет поднялся с 39-го на 5-е место.

Если изучать данный фактор более детально, то в оценке их инфраструктуры нет ухудшения, поскольку наблюдается более агрессивный рост в улучшении инфраструктуры других стран.

При подведении итогов оценки факторов инвестиционной привлекательности стран третьего кластера в 2024 г. по отношению к 2014 г. можно отметить следующие факты:

- рейтинговая оценка привлекательности венчурной экосистемы Тайваня увеличилась на 3 процентных пункта с 0,15 до 0,18;
- рейтинговая оценка привлекательности Гонконга увеличилась на 5 процентных пунктов с 0,15 до 0,20, что сопоставимо с уровнем Израиля и выше Тайваня;
- рейтинговая оценка Сингапура увеличилась на 13 процентных пунктов с 0,19 до 0,32, что делает эту страну абсолютным мировым лидером по инвестиционной привлекательности для венчурных инвесторов.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ факторов инвестиционной привлекательности венчурных экосистем продемонстрировал одну из гипотез автора, касающуюся системных факторов привлечения венчурных инвестиций в малых странах мира. Очевидно, что такие страны, как Армения или Оман, только вступают на путь формирования венчурной экосистемы. ОАЭ и Израиль уже добились высоких результатов. В свою очередь Сингапур – мировой лидер, создавший лучшую в мире венчурную экосистему.

Ценность и научная новизна предложенной автором модели в данном исследовании заключается в следующем:

- модель системы факторов является универсальной и может быть использована для любой из 190 стран мира, по которой имеются необходимые для анализа данные;
- модель позволяет сравнивать динамику развития стран по факторам и кумулятивно между собой, чтобы выявить сильные и слабые стороны в развитии;
- модель можно модифицировать, добавляя дополнительные факторы, имеющие подтвержденное влияние на инвестиционную привлекательность экосистемы;
- подходит для использования как в государственном, так и в частном секторе.

Институты внутри страны, заинтересованные в выработке политики и стратегии развития технологического сектора экономики, могут применить ее для анализа ретроспективных данных или планирования перспективных КРІ-развития экосистемы, для бенчмаркинга с другими странами мира.

Из недостатков модели стоит отметить зависимость от наличия фактического эмпирического материала для формирования временных рядов и анализа регрессионных взаимосвязей между факторами, влияющими на результат. Мировые рейтинги факторов, составляемые исследовательскими агентствами и мировыми экономическими организациями, не носят системного характера на данном этапе развития, что накладывает отпечаток на качество исходных данных.

Вместе с тем подход к измерению показателей с годами меняется, история данных не однородна по странам, многие данные основаны не на измерениях, а на опросах участников. Все это дает довольно большой простор для совершенствования глобального подхода к анализу развития венчурных экосистем в разных странах мира.

Список литературы

1. Айдрус И. А. 3. Финансовые рынки развивающихся стран в условиях глобализации мировой экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2000.
2. Гаврилова Н. Опыт инновационного развития Финляндии и Израиля // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 8. – С. 59–67.
3. Государство Израиль: путь длиною в 70 лет / под ред. Т. А. Карасовой, А. В. Федорченко. – М. : ОМЕГА САЙНС, 2019.
4. Ларионов А. С. Венчурные инвестиции в Израиле: влияние на экономику и технологическое развитие // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16. – № 4. – С. 114–133.

5. Ларионов А. С. Университеты Израиля как «колыбель» для основателей стартапов и первая ступень инновационной технологической спирали // Экономика Ближнего Востока. – 2024. – Т. 1. – № 2. – С. 43–56.
6. Марьясис Д. А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. – М. : ИВ РАН, 2015.
7. Марьясис Д. А. Инновационные экономики Израиля, Ирландии и Финляндии. Краткий сравнительный анализ // Экономика Ближнего Востока. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 5–15.
8. Марьясис Д. А. Возможности трансформации системы государственной поддержки развития инноваций. Опыт Израиля // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 80–100.
9. Марьясис Д. А. Израиль в системе международных экономических отношений 1985–2005 гг. – М. : Институт Ближнего Востока, 2007.
10. Марьясис Д. А., Якимова Е. А. Особенности отношений Израиля с Республикой Корея в области обороны и безопасности // Россия и Азия. – 2024. – № 3 (29). – С. 28–36.
11. Марьясис Д. А. Россия и Израиль: проблемы и перспективы двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества // Россия и Азия. – 2021. – № 1 (15). – С. 80–90.
12. Русакович В. И. ОАЭ и Израиль: возможности и перспективы хозяйственного взаимодействия на новом этапе // Россия и Азия. – 2023. – № 2 (24). – С. 27–40.
13. Русакович В. И. Проблемы развития арабских государств на современном этапе и возможности их преодоления // Россия и Азия. – 2025. – № 1 (31). – С. 29–38.
14. Федорченко А. В. Экономика переселенческого общества (израильская модель). – М. : Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998.
15. Федорченко А. В., Зайцева О. А., Марьясис Д. А. Израиль в начале XXI века: Обзор политических событий и экономического развития за 2003 г. – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
16. Шкваря Л. В. Иностранный капитал в странах Персидского залива // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 2 (643). – С. 39–46.
17. Avnimelech G., Rosiello A., Teubal M. Evolutionary Interpretation of VC Policy in Israel, Germany, UK and Scotland // The Journal Science and Public Policy, 2010–2011. – Vol. 37 (2). – P. 101–112.
18. Ber H. Is Venture capital special? Empirical evidence from a Government initiated Venture Capital Market. Science, Tehnology and the Economy Program (STE) // Working Papers Series STE-WP9, 2002.
19. Breznitz D. Innovation and State: Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland. Yale University Press, 2007.

20. Cohen E, Gabbay J., Shiffman D. The Office of the Chief Scientist and the Financing of Israel's High Tech Research & Development, 2000–2010 // Ariel University, SSRN Electronic Journal, 2010. – August.

21. Etzkowitz H. et al. The Helix Model of Innovation in Israel: The Institutional and Relational Landscape of Israel's Innovation Economy. The Hebrew University of Jerusalem, 2013.

22. Kellerman A. Conditions for the Development of High-Tech Industry: The case of Israel // Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie. – 2012. – Vol. 93 (3). – P. 270–286.

References

1. Aydrus I. A. Z. Finansovye rynki razvivayushchikhsya stran v usloviyakh globalizatsii mirovoy ekonomiki. Avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [Financial Markets of Developing Countries in the Context of the Globalization of the World Economy. PhD sci. diss.]. Moscow, 2000. (In Russ.).

2. Gavrilova N. Opyt innovatsionnogo razvitiya Finlyandii i Izrailya [The Experience of Innovative Development in Finland and Israel]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2012, No. 8, pp. 59–67. (In Russ.).

3. Gosudarstvo Izrail: put dlinoyu v 70 let [The State of Israel: a 70-year Journey], edited by T. A. Karasova, A. V. Fedorchenko. Moscow, OMEGA SAYNS, 2019. (In Russ.).

4. Larionov A. S. Venchurnye investitsii v Izraile: vliyanie na ekonomiku i tekhnologicheskoe razvitie [Venture Investments in Israel: Impact on the Economy and Technological Development]. *Finansoviy zhurnal*. [Financial Journal], 2024, Vol. 16, No. 4, pp. 114–133. (In Russ.).

5. Larionov A. S. Universitety Izrailya kak «kolybel» dlya osnovateley startapov i pervaya stupen innovatsionnoy tekhnologicheskoy spirali [Israeli Universities as a "Cradle" for Startup Founders and the First Step of an Innovative Technological Spiral]. *Ekonomika Blizhnego Vostoka* [The Economy of the Middle East], 2024, Vol. 1, No. 2, pp. 43–56. (In Russ.).

6. Maryasis D. A. Opyt postroeniya ekonomiki innovatsiy. Primer Izrailya [The Experience of Building an Innovation Economy. The Example of Israel]. Moscow, IV RAN, 2015. (In Russ.).

7. Maryasis D. A. Innovatsionnye ekonomiki Izrailya, Irlandii i Finlyandii. Kratkiy sravnitelnyy analiz [Innovative Economies of Israel, Ireland and Finland. A Brief Comparative Analysis]. *Ekonomika Blizhnego Vostoka* [The Economy of the Middle East], 2024, Vol. 1, No. 1, pp. 5–15. (In Russ.).

8. Maryasis D. A. Vozmozhnosti transformatsii sistemy gosudarstvennoy podderzhki razvitiya innovatsiy. Opyt Izrailya [Possibilities of Transformation of the System of State Support for Innovation Development.

The Israeli experience]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy.], 2017, Vol. 12, No. 5, pp. 80–100. (In Russ.).

9. Marasis D. A. Izrail v sisteme mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnosheniy 1985–2005 gg. [Israel in the System of International Economic Relations 1985–2005]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka, 2007. (In Russ.).

10. Maryasis D. A., Yakimova E. A. Osobennosti otnosheniy Izrailya s Respublikoy Koreya v oblasti oborony i bezopasnosti [Peculiarities of Israel's Relations with the Republic of Korea in the Field of Defense]. *Rossiya i Aziya*. [Russia and Asia], 2024, No. 3 (29), pp. 28–36. (In Russ.).

11. Maryasis D. A. Rossiya i Izrail: problemy i perspektivy dvustoronnego ekonomicheskogo i nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [Russia and Israel: Problems and Prospects of Bilateral Economic, Scientific and Technical Cooperation]. *Rossiya i Aziya*. [Russia and Asia], 2021, No. 1 (15), pp. 80–90. (In Russ.).

12. Rusakovich V. I. OAE i Izrail': vozmozhnosti i perspektivy khozyaystvennogo vzaimodeystviya na novom etape [The UAE and Israel: Opportunities and Prospects for Economic Cooperation at a New Stage]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 2 (24), pp. 27–40. (In Russ.).

13. Rusakovich V. I. Problemy razvitiya arabskikh gosudarstv na sovremennom etape i vozmozhnosti ikh preodoleniya [Problems of the Development of Arab States at the Present Stage and the Possibility of Overcoming Them]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025, No. 1 (31), pp. 29–38. (In Russ.).

14. Fedorchenko A. V. Ekonomika pereselencheskogo obshchestva (izrail'skaya model) [Economics of a Displaced Society (the Israeli Model)]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 1998. (In Russ.).

15. Fedorchenko A. V., Zaytseva O. A., Maryasis D. A. Izrail v nachale XXI veka: Obzor politicheskikh sobytiy i ekonomicheskogo razvitiya za 2003 g. [Israel at the Beginning of the 21st Century: A Review of Political Events and Economic Development in 2003]. Moscow, Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2004. (In Russ.).

16. Shkvarya L. V. Inostranniy kapital v stranakh Persidskogo zaliva [Foreign Capital in the Persian Gulf countries]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2011, No. 2 (643), pp. 39–46. (In Russ.).

17. Avnimelech G., Rosiello A., Teubal M. Evolutionary Interpretation of VC Policy in Israel, Germany, UK and Scotland. *The Journal Science and Public Policy*, 2010–2011, Vol. 37 (2), pp. 101–112.

18. Ber H. Is Venture capital special? Empirical evidence from a Government initiated Venture Capital Market. Science, Tehnology and the Economy Program (STE). Working Papers Series STE-WP9, 2002.

19. Breznitz D. Innovation and State: Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland. Yale University Press, 2007.

20. Cohen E, Gabbay J., Shiffman D. The Office of the Chief Scientist and the Financing of Israel's High Tech Research & Development, 2000–2010. *Ariel University, SSRN Electronic Journal*, 2010, August.

21. Etzkowitz H. et al. The Helix Model of Innovation in Israel: The Institutional and Relational Landscape of Israel's Innovation Economy. The Hebrew University of Jerusalem, 2013.

22. Kellerman A. Conditions for the Development of High-Tech Industry: The Case of Israel. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 2012, Vol. 93 (3), pp. 270–286.

Поступила: 27.05.2025

Принята к печати: 20.06.2025

Сведения об авторе

Алексей Сергеевич Ларионов
аспирант ИВ РАН.
Адрес: ФГБУН «Институт востоковедения
Российской академии наук»,
107031, Москва,
ул. Рождественка, д. 12.
E-mail: alekseilarionov@gmail.com

Information about the author

Aleksei S. Larionov
Post-Graduate Student of IOS RAS.
Address: Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031,
Russian Federation.
E-mail: alekseilarionov@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-150-165>

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО БАНКОВСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С. М. Назаров

Государственный университет управления, Москва, Россия

В статье анализируется роль международного банковского регулирования в обеспечении стабильности и развития мировой экономики. Международное банковское регулирование способствует снижению рисков, связанных с деятельностью банков, и повышению доверия к банковской системе, однако может иметь негативные последствия, такие как снижение конкуренции и увеличение затрат. Рассматриваются основные принципы и механизмы регулирования, его влияние на финансовую стабильность и экономический рост. Исследуются возможные последствия ужесточения стандартов капитала и ликвидности для банков в рамках новой схемы Базеля III. Представлены основные цели и стандарты механизма Базеля III. Оценивается влияние международного банковского регулирования на финансовую стабильность и экономический рост. Одной из последних тенденций в развитии мировой экономики является использование цифровых финансовых активов (ЦФА). В статье рассматриваются возможности и ограничения использования ЦФА в качестве средства платежа в условиях международного банковского регулирования. Распределение объемов размещения ЦФА между различными операторами информационных систем по данным за 2024 г. показало, что лидером рынка является АЛЬФА-БАНК, на который приходится половина всех размещений. Значительная доля также принадлежит «Мастерчейну». Остальные операторы имеют существенно меньшие объемы. Особое внимание уделяется перспективам адаптации международного банковского регулирования к новым вызовам, связанным с цифровизацией и развитием новых технологий. Подчеркивается необходимость разработки новых подходов к регулированию, таких как риск-ориентированный подход и развитие международного сотрудничества.

Ключевые слова: финансовая стабильность, экономический рост, риск-ориентированный подход, цифровизация, банковский надзор, стандарты и требования, Базельский комитет, международное сотрудничество.

THE IMPORTANCE OF INTERNATIONAL BANKING REGULATION FOR THE DEVELOPMENT OF THE GLOBAL ECONOMY

Sardor M. Nazarov

State University of Management, Moscow, Russia

The article analyzes the role of international banking regulation in ensuring the stability and development of the global economy. International banking regulation helps to reduce the risks associated with the activities of banks and increase confidence in the banking system. However,

it can have negative consequences, such as reduced competition and increased costs. The main principles and mechanisms of regulation, its impact on financial stability and economic growth are considered. The possible consequences of stricter capital and liquidity standards for banks under the new Basel III scheme are being investigated. The main objectives and standards of the Basel III mechanism are considered. The impact of international banking regulation on financial stability and economic growth is assessed. One of the latest trends in the development of the global economy is the use of digital financial assets (CFAs). The article discusses the possibilities and limitations of using CFA as a means of payment in the context of international banking regulation. The distribution of CFA placements between various information system operators based on data for 2024 showed that Alfa-Bank is the market leader, accounting for half of all placements. A significant share also belongs to the Masterchain. The remaining operators have significantly smaller volumes. The article focuses on the prospects of adapting international banking regulation to the new challenges associated with digitalization and the development of new technologies. In conclusion, the need to develop new approaches to regulation, such as a risk-based approach and the development of international cooperation, is emphasized.

Keywords: financial stability, economic growth, risk-based approach, digitalization, banking supervision, standards and requirements, Basel Committee, international cooperation.

Введение

В условиях глобализации и интеграции мировых финансовых рынков международное банковское регулирование приобретает все большее значение для обеспечения стабильности и развития мировой экономики. Банки играют ключевую роль в финансовой системе, предоставляя кредиты, привлекая сбережения и осуществляя расчеты между участниками рынка. Однако в условиях нестабильности и кризисов они могут стать источником системных рисков, способных дестабилизировать экономику.

Цель статьи: анализ роли международного банковского регулирования в обеспечении стабильности и развития мировой экономики.

Для достижения поставленной цели и задач исследования были использованы следующие методы:

1. Анализ нормативно-правовой базы: изучение международных стандартов и требований, таких как Базельские соглашения (Базель I, II, III); анализ нормативных актов, регулирующих деятельность банков и финансовых институтов.

2. Сравнительный анализ: сравнение различных подходов к банковскому регулированию в разных странах и регионах; оценка эффективности различных моделей регулирования и их влияния на финансовую стабильность.

3. Кейс-стади: исследование конкретных случаев применения международного банковского регулирования в различных странах; анализ последствий внедрения новых стандартов и требований для банков и экономики в целом.

4. Синтез и обобщение информации: формирование выводов о роли международного банковского регулирования в обеспечении стабильности и развития мировой экономики.

Использование данных методов позволило комплексно подойти к исследованию проблемы и получить объективные результаты.

Обзор литературы

Международное банковское регулирование – это комплекс норм и правил, разработанных международными организациями и соглашениями, которые регулируют деятельность банков и финансовых институтов на международном уровне. Основная цель такого регулирования – обеспечение стабильности и надежности мировой финансовой системы, предотвращение финансовых кризисов и защита интересов вкладчиков и инвесторов, отдельных стран и макрорегионов [13].

Международное банковское регулирование начало формироваться после ряда финансовых кризисов в XX в., особенно после Великой депрессии 1929–1933 гг. и Второй мировой войны. Очевидно, что в этот период отсутствие международных стандартов и координации в регулировании банковской деятельности может привести к серьезным экономическим потрясениям.

Первые шаги в этом направлении – создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) в рамках Бреттон-Вудской системы в 1944 г. Эти организации стали играть ключевую роль в международном финансовом регулировании и сотрудничестве.

В 1970-х гг. после отмены золотого стандарта и перехода к плавающим валютным курсам возникла необходимость в новых механизмах регулирования международных финансовых потоков. В этот период были разработаны и внедрены некоторые международные стандарты и рекомендации, такие как Базельские соглашения¹.

Базельские соглашения, названные по месту их разработки (город Базель, Швейцария), представляют собой международные стандарты банковского регулирования, разработанные Базельским комитетом по банковскому надзору (БКБН). Первое Базельское соглашение (Базель I) было опубликовано в 1988 г. и установило минимальные требования к капиталу банков для предотвращения их банкротства. Второе Базельское соглашение (Базель II) было опубликовано в 2004 г. и внесло дополнительные требования к управлению рисками. Третье Базельское соглашение (Базель III), опубликованное в 2010 г., включало более строгие требо-

¹ См.: Базельский комитет по банковскому надзору. – URL: <https://www.bis.org/> (дата обращения: 10.02.2025).

вания к капиталу, ликвидности и другим аспектам банковской деятельности.

С тех пор международное банковское регулирование продолжает развиваться и адаптироваться к новым вызовам и угрозам [6]. В последние десятилетия были разработаны и внедрены новые стандарты и рекомендации, направленные на повышение прозрачности и устойчивости финансовых рынков, борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма¹ [12].

Международное банковское регулирование: основные принципы и механизмы

Международное банковское регулирование представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение стабильности и безопасности банковской системы на международном уровне. Оно включает в себя следующие основные принципы и механизмы [15]:

1. *Надзор за деятельностью банков.* Надзорные органы осуществляют контроль за соблюдением банками требований законодательства и нормативных актов, а также за их финансовой устойчивостью [4].

2. *Регулирование рисков.* Банки обязаны соблюдать определенные требования по управлению рисками, такими как кредитный риск, рыночный риск, операционный риск и др. [1].

3. *Международное сотрудничество.* Международные организации, такие как Базельский комитет по банковскому надзору, Международный валютный фонд и др. разрабатывают и внедряют стандарты и рекомендации по банковскому регулированию.

4. *Стандартизация требований.* Стандарты и требования к банковскому регулированию унифицируются на международном уровне, что позволяет обеспечить их соблюдение всеми участниками рынка [5].

5. *Обмен информацией.* Надзорные органы обмениваются информацией о деятельности банков, что позволяет выявлять и предотвращать нарушения законодательства и нормативных актов, в чем активно содействует развитие процесса цифровизации и финтех [9]. Однако цифровизация наряду с позитивными эффектами для банковского и межбанковского регулирования привносит новые трудности и риски [17].

Рассмотрим возможные последствия ужесточения стандартов капитала и ликвидности для банков в рамках новой схемы Базеля III, которую постепенно принимают многие развивающиеся страны. Некоторые ее элементы явно указывают на потенциально неблагоприятные последствия для кредитов. Однако представляется возможным хотя бы частично

¹ См.: Цифровые финансовые активы в России. – URL: <https://cbonds.ru/dfa/> (дата обращения: 10.02.2025).

компенсировать негативные последствия. Для этого регулирующим органам и коммерческим банкам необходимо принять правильные стратегии, которые в первую очередь будут зависеть от местных условий.

Механизм Базеля III – это согласованный на международном уровне комплекс мер, разработанный Базельским комитетом по банковскому надзору. Эти меры направлены на усиление регулирования, контроля и управления рисками в банковском секторе. Они ужесточают нормативно-правовую базу, действовавшую до мирового финансового кризиса (Базель I и II) в основном за счет введения более высоких требований к капиталу и ликвидности для коммерческих банков. Цель этих мер – снизить вероятность банкротства банков и повысить безопасность и устойчивость банковской системы [2].

В условиях роста глобальной нестабильности механизм Базеля III продолжает играть важную роль в обеспечении устойчивости банковской системы. Рассмотрим, как выполняются цели и работают механизмы:

1. Усиление требований к достаточности капитала банков. Национальные регуляторы и международные организации, такие как Базельский комитет по банковскому надзору, следят за соблюдением банками требований к капиталу. В условиях нестабильности регуляторы могут ужесточать требования, т. е. повысить минимальные требования к капиталу или ввести дополнительные буферы капитала, чтобы обеспечить дополнительную подушку безопасности для банков.

2. Повышение качества капитала. Банки стремятся поддерживать высокое качество капитала, чтобы обеспечить свою стабильность в условиях неопределенности с помощью сокращения доли заемного капитала и увеличения доли собственного капитала. В условиях нестабильности банки могут стремиться диверсифицировать источники капитала и улучшить его структуру [10].

3. Управление рисками. Банки применяют новые подходы к управлению рисками, включая использование более сложных моделей и инструментов для оценки и управления рисками. В условиях нестабильности это важно, поскольку риски могут быстро меняться и усложняться. Банки могут также усиливать внутренний контроль и аудит, чтобы обеспечить эффективное управление рисками [8].

4. Усиление надзора. Национальные регуляторы и международные организации усиливают надзор за деятельностью банков, особенно в условиях нестабильности: более частые проверки, строгие требования к отчетности и жесткий контроль за соблюдением регуляторных норм. Международные организации, такие как МВФ и Всемирный банк, также могут предоставлять рекомендации и оказывать поддержку национальным регуляторам.

5. Стресс-тестирование. Банки проводят стресс-тестирование, чтобы оценить свою способность выдержать возможные шоки на финансовых рынках. В условиях нестабильности стресс-тестирование становится еще более важным, поскольку рынки могут быть более волатильными и непредсказуемыми. Результаты стресс-тестирования могут использоваться для выявления потенциальных уязвимостей и разработки планов действий на случай кризисных ситуаций.

В целом механизм Базеля III остается важным инструментом для повышения устойчивости банковской системы к финансовым кризисам и обеспечения ее способности поглощать возможные убытки. Однако в условиях роста глобальной нестабильности регуляторы и банки должны быть готовы к быстрому реагированию и адаптации к изменяющимся условиям. В связи с этим растут опасения, связанные с влиянием определенных факторов на доступность финансовых услуг, в том числе в развивающихся странах. Основная проблема заключается в том, что меры Базеля III предусмотрены для развитых стран. Поэтому они могут вызвать сбои в работе в странах, где банки являются основными поставщиками традиционных финансовых услуг для домашних хозяйств и предприятий, а финансовые рынки и небанковские финансовые учреждения имеют небольшой вес.

Еще одна проблема заключается в том, что по своему замыслу механизм Базеля III нацелен на банки, действующие на международном уровне. Следовательно, этот механизм может оказаться неподходящим для стран, большая часть банковской системы которых состоит из банков, интегрированных на местном уровне и не ведущих международной деятельности. Несмотря на эти опасения, многие страны недавно приняли или находятся в процессе принятия пакета мер по соблюдению требований соглашения Базель III. В качестве доказательства Центральный банк государств Западной Африки не только принял минимальные требования механизма Базеля III в отношении капитала и ликвидности (предусмотрев пятилетний переходный период с января 2018 г.), но и установил более высокий минимальный коэффициент собственного капитала, чем тот, который предлагается в соглашениях Базеля III [2].

Влияние международного банковского регулирования на финансовую стабильность и экономический рост

Международное банковское регулирование оказывает значительное влияние на финансовую стабильность и экономический рост. Оно способствует снижению рисков, связанных с деятельностью банков, что приводит к повышению доверия к банковской системе и привлечению инвестиций. В свою очередь это содействует развитию экономики и созданию новых рабочих мест [7].

Вместе с тем международное банковское регулирование может привести к снижению конкуренции на банковском рынке и, соответственно, замедлить экономический рост. Кроме того, могут увеличиться затраты на соблюдение требований, что в итоге снизит рентабельность банков.

Одной из последних тенденций в развитии мировой экономики является использование цифровых финансовых активов (ЦФА).

Рассмотрим возможности и ограничения использования ЦФА в качестве средства платежа в условиях международного банковского регулирования.

Рынок цифровых финансовых активов в Российской Федерации начиная с марта 2024 г. демонстрирует устойчивый рост: в марте 2024 г. – 34,164 млрд рублей, а уже в октябре 2024 г. объем достигает максимально-го значения – 199,585 млрд рублей (рисунок).

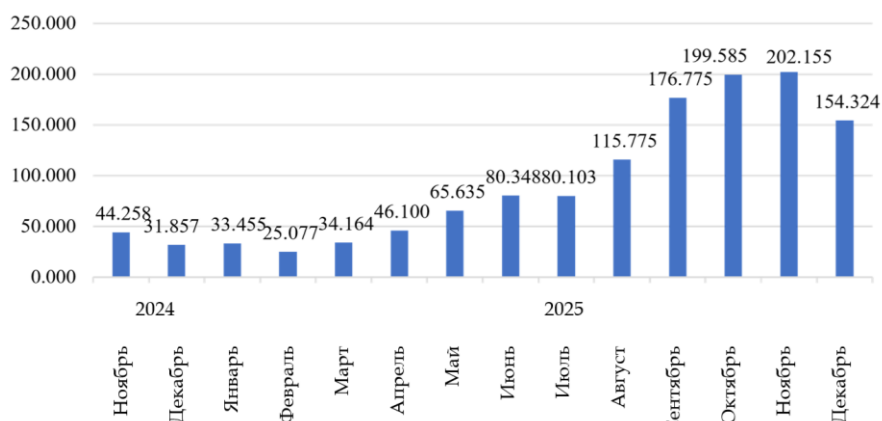

Рис. Объем рынка ЦФА в Российской Федерации (в млрд руб.) [3]

Распределение объемов размещения цифровых финансовых активов (ЦФА) между различными операторами информационных систем по данным за 2024 г. представлены в таблице.

Рэнкинг операторов информационных систем ЦФА по объему активов в 2024 г.

Оператор информационной системы	Объем размещения, млн руб.	Доля, %
1. АЛЬФА-БАНК	193 296 Р	50
2. Мастерчейн	112 125 Р	29
3. Токеон	29 539 Р	8
4. НРД	19 578 Р	5
5. Сбербанк России	14 591 Р	4
6. СПБ Биржа	8 629 Р	2
7. ЦФА Хаб	3 918 Р	1

* Источник: [3].

Лидером рынка является АЛЬФА-БАНК, на который приходится половина всех размещений (193 296 млн рублей). Значительная доля также принадлежит «Мастерчейну» (112 125 млн рублей). Остальные операторы имеют существенно меньшие объемы. Так, «Токеон» занимает 8% рынка (29 539 млн рублей), а НРД и «Сбербанк России» – 5% и 4% соответственно¹.

Таким образом, на рынке цифровых финансовых активов наблюдается значительный рост интереса к ним со стороны участников внешнеэкономической деятельности [14].

Чтобы внести свой вклад в дискуссию о значении международного банковского регулирования для развития мировой экономики были рассмотрены результаты многочисленных исследований, на основе которых сделаны следующие выводы:

1. *Стандарты механизма Базеля III могут оказать негативное влияние на предложение банковских кредитов.*

Негативные последствия могут быть прямым результатом стратегий, которые банки будут применять, чтобы соответствовать новым требованиям к капиталу и ликвидности. Например, банки могут решить привлечь больше капитала и ликвидности и переложить связанные с этим расходы на своих заемщиков за счет повышения ставок или сборов, связанных с их кредитами [16], что приведет к снижению спроса на кредиты. Банки также могут принять решение о сокращении объема своих активов, особенно если они сталкиваются с трудностями или вынуждены нести высокие затраты, чтобы получить доступ к большему капиталу или ликвидности. Это приведет к сокращению предложения кредитов.

Кроме того, для улучшения соотношения собственного капитала и ликвидности банки смогут преобразовать свои портфели активов, отдавая предпочтение более ликвидным активам или активам с более низким уровнем риска, например, заменить ссуды с высоким уровнем риска ссудами с низким уровнем риска, увеличить долю государственных облигаций или других ликвидных активов или даже сократить сроки погашения своих ссуд. В этом случае последствия для общего объема банковских кредитов будут незначительными, но несоразмерно пострадают долгосрочные ссуды и ссуды субстандартным заемщикам.

2. *Негативное влияние на банковское кредитование должно различаться в зависимости от банка и страны.* Эти различия отражаются в таких факторах, как:

– коэффициенты достаточности капитала и ликвидности банков до введения новых правил: последствия ужесточения требований к капиталу и ликвидности будут ограничены в странах или регионах, банки ко-

¹ Ассоциация российских банков. – URL: <http://arb.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).

торых уже имеют высокие коэффициенты достаточности капитала и ликвидности;

- продолжительность переходного периода: постепенное и адекватное введение новых требований может смягчить их потенциальные негативные последствия. Действительно, удлинение переходного периода к новым коэффициентам достаточности капитала и ликвидности позволяет распределить корректировки с течением времени и поощряет стратегии модернизации, в которых предпочтение отдается увеличению капитала, а не сокращению объемов кредитования;

- сопровождение денежно-кредитной политики: негативные последствия этих мер могут быть компенсированы смягчением денежно-кредитной политики, например, корректировкой ставок или упрощением доступа к ликвидности центрального банка для банков;

- стратегии банков по удовлетворению новых требований: чтобы соответствовать новым требованиям, не нанося побочного ущерба стоимости и доступности кредитов, у банков есть несколько возможностей, например, они могут улучшить свой коэффициент собственного капитала за счет мобилизации нераспределенной прибыли вместо сокращения объема кредитов, покрыть любые дополнительные расходы, связанные с этими новыми стандартами, за счет сокращения дивидендов, выплачиваемых акционерам, или снижения их операционных расходов вместо повышения ставок по своим кредитам [18];

- характеристики экономики и каждой финансовой системы: способность банков не повышать цены на свои кредиты зависит от уровня конкуренции в банковском секторе и эластичности спроса на кредиты в экономике. Их способность улучшить соотношение собственного капитала за счет мобилизации нераспределенной прибыли, а не за счет сокращения объема кредитов зависит от их прибыльности. Затраты на соблюдение новых требований, вероятно, будут ниже, если банки получают легкий доступ к значительным объемам капитала и ликвидности.

3. *Положительные эффекты также возможны, как и замена банковских кредитов небанковскими.*

Чтобы провести исчерпывающую оценку последствий новых правил в отношении кредитов, необходимо учитывать не только негативные, но и положительные последствия. Также важно учитывать эффект замещения небанковскими кредитами.

Возможные положительные последствия для банковского кредитования: если банки консолидируют свои резервы капитала и ликвидности в соответствии с новыми правилами, они станут более стабильными и устойчивыми. Кроме того, они могут увидеть общее снижение своих затрат на финансирование благодаря завоеванному доверию рынка к их кредитоспособности. Это может улучшить кредитные линии и увеличить

объем их кредитования в долгосрочной перспективе, что уменьшит негативное влияние на банковское кредитование.

Последствия для небанковского кредитования: поскольку небанковские финансовые учреждения не затронуты новым регулированием, они могут повысить конкурентоспособность своих услуг, конкурируя с банками. Таким образом, в результате введения стандартов Базеля III может наблюдаться эффект замещения банковского кредита небанковским кредитом, что могло бы по крайней мере частично компенсировать спад банковского кредитования. Ожидается, что этот эффект замещения будет более значительным в странах, где для замещения финансовых услуг больше вариантов.

В целом эти три вывода указывают на то, что негативное влияние механизма Базеля III на доступ к финансовым услугам по-прежнему остается гипотетическим, как в отношении их масштабов, так и в отношении их истинной природы. При этом выводы позволяют предположить, что негативные последствия не являются неизбежными и их можно компенсировать частично. Для этого регулирующим органам и коммерческим банкам необходимо принять правильные стратегии, которые в первую очередь будут зависеть от местных условий.

Перспективы развития международного банковского регулирования

Перспективы развития международного банковского регулирования связаны с необходимостью адаптации к новым вызовам и угрозам. В условиях цифровизации экономики и развития новых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн, необходимо разработать новые подходы к регулированию банковской деятельности.

Одно из возможных направлений развития – переход к риск-ориентированному подходу, который позволит более эффективно управлять рисками, связанными с деятельностью банков.

Другим направлением является развитие международного сотрудничества и обмена информацией, что позволит более эффективно выявлять и предотвращать нарушения законодательства и нормативных актов.

В настоящее время мировое банковское регулирование сталкивается с рядом вызовов и тенденций, которые определяют его дальнейшие перспективы развития:

1. Усиление роли международных организаций. Международные организации, такие как МВФ, Всемирный банк и Базельский комитет по банковскому надзору, играют ключевую роль в разработке и внедрении стандартов банковского регулирования. Они способствуют гармонизации национальных систем регулирования и обеспечивают координацию действий между странами.

2. Развитие стандартов «Базель III». Базельский комитет по банковскому надзору продолжает работу над совершенствованием стандартов «Базель III», которые направлены на повышение устойчивости банков к финансовым рискам. В рамках этого процесса ожидается дальнейшее ужесточение требований к капиталу, ликвидности и управлению рисками.

3. Цифровизация и финтех оказывают влияние на банковское регулирование. С одной стороны, они способствуют повышению доступности финансовых услуг и снижению издержек для клиентов, а с другой – могут создавать новые риски, связанные с кибербезопасностью, отмыванием денег и финансированием терроризма.

4. Санкции и геополитические факторы могут привести к изоляции отдельных стран и банков от международных финансовых рынков. В связи с этим необходимо разработать такие банковские механизмы, которые позволят поддерживать финансовую стабильность даже в условиях санкций.

5. Климатические изменения и переход к зеленой экономике требуют от банков пересмотра своих стратегий и подходов к управлению рисками. Международное банковское регулирование должно учитывать эти тенденции и способствовать переходу банков к более устойчивым практикам.

6. Глобализация и интеграция финансовых рынков способствуют распространению лучших практик и стандартов банковского регулирования. Однако они могут привести к усилению конкуренции между банками и возникновению новых рисков.

7. Международное сотрудничество в области банковского регулирования является важным фактором обеспечения стабильности мировой финансовой системы. Оно позволяет обмениваться опытом, координировать действия и разрабатывать совместные меры по предотвращению финансовых кризисов.

8. Гибкость и адаптивность. Международное банковское регулирование должно быть готово к изменениям в финансовой системе, учитывать новые вызовы и тенденции, а также обеспечивать баланс между необходимостью поддержания стабильности и обеспечением доступа к финансовым услугам [4]

В целом перспективы развития международного банковского регулирования зависят от множества факторов, включая экономические условия, технологические инновации, геополитическую обстановку и климатические изменения. В связи с этим оно должно развиваться и адаптироваться к новым вызовам, чтобы обеспечить стабильность и прозрачность мировой финансовой системы.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что международное банковское регулирование для развития мировой экономики имеет существенное значение, а именно:

1. Обеспечение финансовой стабильности. Неустойчивое финансовое положение отдельного банка способно спровоцировать нестабильность всей национальной банковской системы и оказать негативное влияние на мировую экономику в целом.

2. Координация национальных регулирующих органов и международных финансовых организаций позволяет вырабатывать общие правовые нормы для регулирования функционирования банков в условиях глобализации.

3. Контроль за безопасной и надежной деятельностью банков. Осуществляется надзор за наличием собственного капитала и резервов, адекватных величине рисков, возникающих при проведении операций.

4. Совершенствование подходов к регулированию банковской деятельности совместно с международными финансовыми организациями, рекомендации которых впоследствии становятся частью национальных систем банковского регулирования.

Так, Базельский комитет по банковскому надзору разработал рекомендации по расчету достаточности капитала, которые установили стандарты для банков по всему миру.

Международное банковское регулирование является важным условием для обеспечения стабильности и развития мировой экономики. Оно способствует снижению рисков, связанных с деятельностью банков, и повышению доверия к банковской системе. Однако оно также может иметь негативные последствия, такие как снижение конкуренции и увеличение затрат.

Перспективы развития международного банковского регулирования связаны с необходимостью адаптации к новым вызовам и угрозам, таким как цифровизация экономики и развитие новых технологий. Это потребует разработки нового риск-ориентированного подхода к регулированию банковской деятельности, а также необходимости перейти к более конструктивному международному сотрудничеству.

Список литературы

1. Авис О. У. Сравнительная оценка регулирования зарубежного финансового рынка и целесообразность использования его опыта в России // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 6. – С. 152–164.
2. Агамагомедова С. А. Мировые стандарты в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма:

актуальные вопросы // Международное право и международные организации. – 2025. – №1. – С. 80–92.

3. Беляев С. А. Место и роль Центрального банка в рыночной экономике Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10. – № 2 (35). – С. 79–82.

4. Ваганова О. В., Мельникова Н. С., Быканова Н. И. Гармонизация концептуальных подходов к трактовке понятий «банковский контроль» и «банковский надзор» // Экономика. Информатика. – 2023. – №1. – С. 113–121.

5. Ващекина И. В. Российские кредитные организации в международной системе противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2018. – № 5 (101). – С. 26–36.

6. Лушин А. Е. Формы и способы регулирования банковской деятельности и оборота ценных бумаг в России // Экономика и социум. – 2025. – № 1-2 (128). – С. 706–709.

7. Мельникова Н. С., Соловьева Н. Е. Эволюция международных базельских стандартов по обеспечению финансовой стабильности коммерческих банков и их сущность // Индустриальная экономика. – 2022. – № 6. – С. 8–15.

8. Никулина О. В., Ваниян А. О. Стратегические ориентиры развития банковской деятельности в России: роль и значение Центрального банка России в регулировании банковского сектора // Валютное регулирование. Валютный контроль. – 2019. – № 11. – С. 53–55.

9. Новые тренды цифровизации: мир и Россия. – М. : Инфра-М, 2023.

10. Рудяков Е. И. Значение банковской системы в современной рыночной экономике // Вестник науки. – 2022. – № 12 (57). – С. 216–220.

11. Рябухин С. Н., Минченков М. А., Кокорев И. А., Мелетиди К. Л., Люшкин А. М. Цифровые финансовые активы как инструмент международных расчетов // Мир новой экономики. – 2024. – № 18 (2). – С. 59–68.

12. Сипратов Р. О. Совершенствование системы банковского надзора в условиях цифровизации экономики России // Кронос. – 2022. – №7 (69). – С. 67–70.

13. Шкваря Л. В. Финансовые потоки в странах Африки: источник для реализации инфраструктурных проектов // Африка в поисках источников мира и развития. Ежегодник. Сер. Африканские исследования. – М., 2013. – С. 206–215.

14. Яковлев Д. А. Влияние Базеля на российскую банковскую систему // Научные междисциплинарные исследования. – 2021. – № 3. – С. 198–205.

15. Basel III Final. Schweizerische Bankiersvereinigung, 2022. – Dezember.

16. Lu H., Wang, H. Graph Contrastive Pre-training for Anti-money Laundering // Int J Comput Intell Syst. – 2024. – N 17 (307). – P. 25–29.
17. Wang H. M., Hsieh M. L. Cryptocurrency is New Vogue: a Reflection on Money Laundering Prevention // Secur J. – 2024. – N 37. – P. 25–46.
18. Wuermeling J. Banking Regulation and the Benefits of International Cooperation – Views from a Banking Supervisor // SUERF Policy Brief. – 2021. – N 87.

References

1. Avis O. U. Sravnitel'naya otsenka regulirovaniya zarubezhnogo finansovogo rynka i tselesoobraznost ispolzovaniya ego opyta v Rossii [Comparative Assessment of the Regulation of the Foreign Financial Market and the Expediency of Using Its Experience in Russia]. *Finansovye rynki i banki* [Financial Markets and Banks], 2023, No. 6, pp. 152–164. (In Russ.).
2. Agamagomedova S. A. Mirovye standarty v sfere protivodeystviya otmyvaniyu prestupnykh dokhodov i finansirovaniyu terrorizma: aktualnye voprosy [World Standards in the Field of Countering Money Laundering and Terrorist Financing: Current Issues]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International Law and International Organizations], 2025, No. 1, pp. 80–92. (In Russ.).
3. Belyaev S. A. Mesto i rol Tsentralnogo banka v rynochnoy ekonomike Rossiyskoy Federatsii [The Place and Role of the Central Bank in the Market Economy of the Russian Federation]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management], 2021, Vol. 10, No. 2 (35), pp. 79–82. (In Russ.).
4. Vaganova O. V., Melnikova N. S., Bykanova N. I. Garmonizatsiya kontseptualnykh podkhodov k traktovke ponyatiy «bankovskiy kontrol» i «bankovskiy nadzor» [Harmonization of Conceptual Approaches to the Interpretation of the Concepts of "Banking Control" and "Banking Supervision"]. *Ekonomika. Informatika* [Economics. Computer Science], 2023, No. 1, pp. 113–121. (In Russ.).
5. Vashchekina I. V. Possiyskie kreditnye organizatsii v mezhdunarodnoy sisteme protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov i finansirovaniyu terrorizma [Russian Credit Institutions in the International System of Countering Money Laundering and Terrorist Financing]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2018, No. 5 (101), pp. 26–36. (In Russ.).
6. Lushin A. E. Formy i sposoby regulirovaniya bankovskoy deyatel'nosti i oborota tsennykh bumag v Rossii [Forms and Methods of

Regulation of Banking Activity and Securities Turnover in Russia]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and Society], 2025, No. 1-2 (128), pp. 706–709. (In Russ.).

7. Melnikova N. S., Soloveva N. E. Evolyutsiya mezhdunarodnykh bazelskikh standartov po obespecheniyu finansovoy stabilnosti kommercheskikh bankov i ikh sushchnost [The Evolution of the International Basel Standards for Ensuring the Financial Stability of Commercial Banks and Their Essence]. *Industrialnaya ekonomika* [Industrial Economics], 2022, No. 6, pp. 8–15. (In Russ.).

8. Nikulina O. V., Vaniyan A. O. Strategicheskie orientiry razvitiya bankovskoy deyatel'nosti v Rossii: rol i znachenie Tsentral'nogo banka Rossii v regulirovanii bankovskogo sektora [Strategic Guidelines for the Development of Banking Activities in the Russian Federation: the Role and Importance of the Central Bank of Russia in Regulating the Banking Sector]. *Valyutnoe regulirovanie. Valyutniy kontrol* [Currency Regulation. Currency Control], 2019, No. 11, pp. 53–55. (In Russ.).

9. Novye trendy tsifrovizatsii: mir i Rossiya [New Trends in Digitalization: the World and Russia]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).

10. Rudyakov E. I. Znachenie bankovskoy sistemy v sovremennoy rynochnoy ekonomike [The Importance of the Banking System in the Modern Market Economy]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2022, No. 12 (57), pp. 216–220. (In Russ.).

11. Ryabukhin S. N., Minchenkov M. A., Kokorev I. A., Meletidi K. L., Lyukshin A. M. Tsifrovye finansovye aktivy kak instrument mezhdunarodnykh raschetov [Digital Financial Assets as a Tool for International Settlements]. *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], 2024, No. 18 (2), pp. 59–68. (In Russ.).

12. Sipratov R. O. Sovershenstvovanie sistemy bankovskogo nadzora v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki Rossii [Improving the Banking Supervision System in the Context of the Digitalization of the Russian Economy]. *Kronos*, 2022, No. 7 (69), pp. 67–70. (In Russ.).

13. Shkvarya L. V. Finansovye potoki v stranakh Afriki: istochnik dlya realizatsii infrastrukturykh projektov [Financial Flows in African Countries: a Source for the Implementation of Infrastructure Projects]. *Afrika v poiskakh istochnikov mira i razvitiya. Ezhegodnik. Ser. Afrikan'skie issledovaniya* [Africa in Search of Sources of Peace and Development. Yearbook. Ser. African Studies]. Moscow, 2013, pp. 206–215. (In Russ.).

14. Yakovlev D. A. Vliyaniye Bazelya na rossiyskuyu bankovskuyu sistemu [The Influence of Basel on the Russian Banking System]. *Nauchnye mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Scientific Interdisciplinary Research], 2021, No. 3, pp. 198–205. (In Russ.).

15. Basel III Final. Schweizerische Bankiervereinigung. 2022, Dezember.

16. Lu H., Wang, H. Graph Contrastive Pre-training for Anti-money Laundering. *Int J Comput Intell Syst*, 2024, No. 17 (307), pp. 25–29.
17. Wang H. M., Hsieh M. L. Cryptocurrency is New Vogue: a Reflection on Money Laundering Prevention. *Secur J*, 2024, No. 37, pp. 25–46.
18. Wuermeling J. Banking Regulation and the Benefits of International Cooperation – Views from a Banking Supervisor. *SUERF Policy Brief*, 2021, No. 87.

Поступила: 24.04.2025

Принята к печати: 20.06.2025

Сведения об авторе

Сардор Мейлиевич Назаров
аспирант кафедры мировой экономики
и международных экономических
отношений ГУУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542, Москва,
Рязанский проспект, д. 99.
E-mail: s.nazarov.1993@mail.ru

Information about the author

Sardor M. Nazarov
Post-Graduate Student of the Department
of World Economy and International
Economic Relations of SUM.
Address: State University of Management,
99 Ryazan Avenue, Moscow, 109542,
Russian Federation.
E-mail: s.nazarov.1993@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-3-166-188>

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ ГОРОДА МОСКВЫ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

М. А. Шустров

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Цель настоящего исследования заключается в выявлении характерных черт международного инвестиционного сотрудничества Москвы на современном этапе развития в условиях санкционных ограничений и нарастания геополитических противоречий. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения ряда задач: оценить место столицы в авторитетных национальных и международных рейтингах инвестиционной привлекательности; определить специфические черты развития динамики прямых иностранных инвестиций Москвы и выявить влияние санкционных ограничений и текущей геополитической ситуации на деятельность зарубежного бизнеса. Актуальность выбранной темы обусловлена как возрастающей ролью отдельных территориальных единиц, в том числе регионов России, в проведении международной и внешнеэкономической деятельности, в частности Москвы и ее хозяйствующих субъектов, так и необходимостью трансформации стратегии привлечения зарубежных инвестиций в условиях волатильности факторов внешней среды. В работе применялись статистические методы исследования, общепринятые для изучения внешнеэкономической деятельности, а также общенаучные: сравнение, анализ, табличный и графический методы представления результатов. В результате проведенного исследования выявлена лидерская позиция Москвы по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций среди всех регионов России, сформулированы характерные черты развития международного инвестиционного сотрудничества Москвы на текущем этапе, доказана инвестиционная привлекательность столичной экономики в условиях санкционных ограничений, для международного бизнеса.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, международная роль, мировая экономика, зарубежный бизнес

FOREIGN DIRECT INVESTMENT OF MOSCOW: DYNAMICS AND CURRENT TRENDS

Maksim A. Shustrov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The purpose of this study is to identify the characteristic features of international investment cooperation of Moscow at the current stage of development in the context of sanctions restrictions and growing geopolitical contradictions. To achieve the purpose mentioned above a number of tasks were identified: to assess the capital's place in authoritative national and

international ratings of investment attractiveness; to determine the specific features of the development of the dynamics of Moscow's foreign direct investment flows and to identify the impact of sanctions restrictions and the current geopolitical situation on the activities of foreign businesses. The relevance of the chosen topic is determined by both the growing role of territorial units, including regions of Russia, in conducting international and foreign economic activity, in particular Moscow and its economic entities, and the need to transform the strategy for attracting foreign investment in the current conditions of volatility of external factors. The author used statistical research methods generally accepted for studying foreign economic activity, as well as general scientific methods: comparison, analysis, tabular and graphical methods of presenting results. The author revealed the leading position of Moscow in terms of the volume of attracted FDI among all regions of Russia, formulated characteristic features of the development of international investment cooperation in Moscow at the current stage and proved the investment attractiveness of the capital's economy in the context of sanctions restrictions, for international business.

Keywords: foreign economic relations, international role, world economy, foreign business.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются одной из ключевых форм осуществления внешнеэкономической деятельности. Иностранные инвестиции позволяют поддерживать стабильное состояние делового и инвестиционного климата, реализовывать крупные инновационные и научно-исследовательские проекты, обмениваться опытом с зарубежными партнерами. В настоящий момент очевиден глобальный тренд – повышение роли отдельных территориальных единиц (регионов и городов) в международных политических и экономических отношениях. Мегалополисы давно сформировались в качестве основных участников внешнеэкономической деятельности – международных финансовых хабов и мест привлечения иностранного капитала. По мнению российских исследователей А. С. Булатова, А. А. Габарта, Е. А. Сергеева, «с точки зрения притока иностранных инвестиций, глобальные города могут выполнять три функции: хаба для транзитных ПИИ, объекта притяжения инвестиций в городскую экономику и регионального хаба» [3. – С. 104].

Основоположниками исследований глобальной роли городов можно считать П. Холла, Р. Коэна, которые стали рассматривать города с точки зрения их влияния на мировую экономику и политику [24; 26]. Позднее Дж. Фридман и С. Сассен сформулировали теорию так называемых мировых и глобальных городов [25; 27]. Исследователи пришли к выводу, что глобальные города принципиально отличаются от других городов, и такие отличия возникают в результате существующего неравенства в распределении ресурсов между центром и периферией. Причем модель «центр – периферия» может использоваться как для сравнения государств, так и для сравнения разных городов. Например, очевидно, что такие крупные города, как Нью-Йорк и Лондон, выделяются среди других своим политическим, финансовым, экономическим и человеческим

капиталом. В результате они посредством накопленного капитала могут влиять на мировые политические и экономические процессы и тем самым выступать субъектом мировых политических и экономических процессов, в отличие от других городов, которые являются скорее объектами.

В России глобальным городом и столичным мегаполисом является Москва, которая выступает в качестве флага развития внешнеэкономических связей страны. Отечественная наука в последнее время все чаще обращается к теории глобальных городов в связи с их возрастающей ролью в политических и экономических процессах.

Так, российские исследователи И. А. Вершинина и Н. Л. Полякова пришли к выводу, что «как современный город Москва, безусловно, является глобальным со всеми присущими ему чертами» и представляет собой центр управления мировой финансовой системой и экономикой [4. – С. 129].

Интересной представляется работа Н. А. Слука, В. В. Карякина, Е. Ф. Колясева, в которой авторы предлагают классифицировать города в зависимости от количества штаб-квартир транснациональных компаний и международных организаций. Москва при этом отнесена авторами наравне с Берлином, Барселоной, Амстердамом, Торонто и другими городами к комплексным лидерам (города со средними показателями по количеству штаб-квартир) [15].

Теоретические вопросы осуществления международных и внешнеэкономических связей, а также внешнеэкономической деятельности широко представлены в научных трудах и учебных пособиях отечественных авторов. Среди них следует выделить работы Р. И. Хасбулатова¹, А. И. Аксенова [1], А. И. Татаркина и А. Ф. Линецкого [17], В. В. Гущина и Ю. А. Дмитриева², И. Т. Балабанова и А. Н. Балабанова³.

Отдельные исследования посвящены вопросам инвестиционной привлекательности регионов России для иностранных инвесторов, в частности, работы О. В. Кузнецовой [11], И. П. Гуровой [6], Ю. И. Трещевского и Е. В. Щекиной [18] и др.

Особую значимость для исследования представляют научные работы, посвященные анализу внешнеэкономической и инвестиционной деятельности Москвы. Такие отечественные авторы, как Н. С. Зиядуллаев, И. А. Рождественская [9], Г. Л. Мурадов [12], И. Н. Орджоникидзе [13], М. Б. Суданц [16], С. Е. Черемин [20; 21], А. Г. Дорохин и А. И. Волкова [8]

¹ См.: Международная торговая политика : учебник для вузов : в 2 ч. – Ч. 1. / под общ. ред. Р. И. Хасбулатова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2021.

² См.: Гущин В. В., Дмитриев Ю. А. Российское предпринимательское право : учебник. – М. : Эксмо, 2005.

³ См.: Балабанов И. Т., Балабанов А. Н. Внешнеэкономические связи : учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, 2001.

рассматривают отдельные вопросы развития международных и внешне-экономических связей Москвы, а также действия правительства Москвы по их развитию.

Вместе с тем анализ указанных выше работ показывает, что к настоящему времени в отечественной науке малоизученными остаются вопросы, касающиеся динамики развития потоков ПИИ Москвы в условиях текущего санкционного давления, а также выявления характерных черт международного инвестиционного сотрудничества Москвы. Все это определяет актуальность дальнейших исследований в данном направлении.

Эмпирической базой исследования являются данные справочных, методических, аналитических и статистических материалов Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка Российской Федерации, правительства Москвы и органов исполнительной власти Москвы.

Научная новизна представленной работы заключается в выявлении характерных черт развития международного инвестиционного сотрудничества Москвы на примере прямых иностранных инвестиций, в частности, в условиях текущего геополитического кризиса и антироссийских санкций. В статье использовались данные, которые до настоящего момента не нашли широкого применения в работах отечественных исследователей, посвященных международному инвестиционному сотрудничеству. Так, в работе для анализа активности зарубежных предприятий в России и Москве были использованы сведения Росстата о зарегистрированных организациях по формам собственности (иностранная и смешанная), которые в условиях ограниченной статистики в сфере внеэкономической деятельности представляют особый научный интерес.

Привлекательность Москвы: взгляд рейтинговых агентств

Москва является столицей Российской Федерации, а также глобальным городом. Согласно Индексу глобальных городов (Global Cities Index) Москва в 2023 г. заняла 21-е место (среди 156 городов). Столица принимает участие в международных экономических процессах, компании, зарегистрированные в городе, активно ведут внешнеэкономическую деятельность [10]. Более того, она выступает как «точка входа для зарубежных инвесторов на рынок России и стран постсоветского пространства, т. е. выступает своего рода «региональным хабом для ПИИ» [2. – С. 154]. В связи с этим иностранные компании рассматривают столицу России в качестве возможного места для вложения инвестиций и развития сотрудничества. Для принятия решений в части целесообразности вложения средств потенциальный инвестор оценивает общую экономическую конъюнктуру, законодательное регулирование, в том числе налоговые условия, политические риски, в частности, лояльность местного правительства к

иностранному бизнесу и многие другие факторы. Вместе с тем иностранные компании, не обладающие значительными собственными аналитическими и временными ресурсами, с целью оценки всех вышеуказанных параметров обращаются к международным и национальным рейтингам, которые системно агрегируют информацию о развитости стран, регионов и отдельных городов по разным направлениям и формируют рейтинговые списки.

Москва заинтересована в формировании положительного имиджа для повышения собственной международной привлекательности [19]. Столица неоднократно получала различные международные награды и отмечалась как лидер мировых авторитетных рейтингов [9].

Следует отметить, что зарубежный инвестор в целях принятия решения об инвестировании прибегает к использованию разнообразных рейтингов, как интегральных, отражающих общее состояние привлекательности города, так и отраслевых (например, экономических, финансовых, инвестиционных, культурных, туристических и пр.) в зависимости от реализуемых инвестором проектов и его целей при вложении средств.

Согласно данным, представленным в табл. 1, Москва занимает лидерскую позицию в авторитетных национальных рейтингах. Причем она закрепила за собой первенство в рейтингах инвестиционной привлекательности, составляемых АНО «АСИ» и Национальным рейтинговым агентством. Данный результат отражает инвестиционную привлекательность города, учитывая при этом интегральные показатели, такие как состояние экономики, финансы и бюджет, качество жизни и пр.

На международном уровне Москва оказывается в более конкурентной среде, в которой участвуют как всеми признанные экономические и финансовые центры, например, Лондон и Нью-Йорк, так и новые развивающиеся мегаполисы стран Глобального Юга, такие как Сингапур, Токио, Дубай, Шанхай и др. Следует отметить, что Москва – один из немногих городов России, способных конкурировать в различных рейтингах мирового масштаба. При этом, если до 2022 г. в условиях благоприятной внешней среды столица постепенно наращивала и укрепляла свой международный авторитет, в том числе в глобальных рейтингах (например, в рейтинге The Global Financial Centres Index 36 Москва улучшала свои позиции, заняв в 2022 г. 51-е место), то после 2022 г., учитывая геополитическое противостояние государств, рейтинговые агентства, в особенности западные, заметно снизили позиции Москвы (к примеру, в уже упомянутом рейтинге в 2023 г. столица заняла 86-е место, т. е. за год опустилась на 31-ю строку, в 2024 г. – 119-е место).

Т а б л и ц а 1

**Место Москвы в рейтингах, характеризующих инвестиционную
привлекательность**

Наименование рейтинга	Место Москвы	Разработчик рейтинга
Национальный инвестиционный рейтинг* : 70 показателей по 4 направлениям: – регуляторная среда; – институты для бизнеса; – инфраструктура и ресурсы; – поддержка малого и среднего бизнеса	1-е (2024 г.)	АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (Россия)
Инвестиционная привлекательность регионов России: разворот на Восток** Показатели по направлениям: – географическое положение и природные ресурсы; – трудовые ресурсы; – региональная инфраструктура; – внутренний рынок и спрос; – производственный потенциал; – институциональная среда; – финансовая устойчивость	1-е (2024 г.)	Национальное рейтинговое агентство (Россия)
fDi Intelligence: Global Cities of the Future*** 84 показателя по 5 направлениям: – экономический потенциал; – образ жизни и человеческий потенциал; – затраты (арендная плата, операционные издержки и налоги); – услуги связи и логистики; – деловой климат. Представители городов заполняют специальные анкеты об инвестиционной привлекательности, которые потом проходят оценку экспертов	22-е среди 25 городов (2021 г.)	fDi Intelligence – подразделение Financial Times (Великобритания)
Most economically influential cities in the world**** Интегральный рейтинг, учитывающий следующие показатели: – экономическая и финансовая активность; – демография и политические факторы; – качество и уровень жизни; – конкурентоспособность города (инновации, человеческий капитал, культурный опыт и пр.)	12-е среди 100 городов (2020 г.)	CEOWORLD Magazine (США)
The Global Financial Centres Index 36***** Набор показателей: – деловой климат; – финансовый сектор; – человеческий капитал; – инфраструктура; – репутация	119-е (2024 г.)	Z/Yen (Великобритания) и китайский институт развития (CDI)

* Национальный инвестиционный рейтинг. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating/

** URL: <https://www.ra-national.ru/novosti-nra/xii-ezhegodnaja-ocenka-investicionnoj-privlekatelnosti-regionov-rossii-nra/?ysclid=mebg98lfe846634820>

***URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/rankings-and-awards/fdis-global-cities-of-the-future-202122-overall-winners-79334>

**** Most Economically Influential Cities in the World. – URL: [https://ac-mos.ru/rankings/ceoworld-magazine-most-economically-influential-cities-in-the-world/?type-id=1#city=Moscow%20\(RUS\)](https://ac-mos.ru/rankings/ceoworld-magazine-most-economically-influential-cities-in-the-world/?type-id=1#city=Moscow%20(RUS))

***** The Global Financial Centres Index 36. – 2024. – September. – URL: <https://en.cdi.org.cn/component/k2/item/898-the-global-financial-centres-index-36-gfci-36>

Такое положение дел можно объяснить, с одной стороны, субъективными факторами, т. е. желанием западных рейтинговых агентств включиться в геополитическое противостояние и целенаправленно снизить рейтинговую позицию России и ее городов, с другой стороны, объективными причинами, связанными с ухудшением политической среды и ее нестабильностью, а также с неблагоприятной экономической конъюнктурой, вызванной внешним санкционным давлением.

Несмотря на неблагоприятную внешнюю среду, Москва по многим показателям является передовым (столичным) мегаполисом и выступает региональным и глобальным трендсеттером [21]. М. Б. Суданц, оценивая глобальную роль столицы, отмечает, что «Москва является репутационным городом за пределами России» [16. – С. 116]. Позиция правительства Москвы на сохранение и преумножение ее глобальной роли очевидна. В Стратегии развития Москвы до 2030 года, опубликованной в личном блоге Мэра Москвы С. С. Собянина, поставлена амбициозная задача: «создаем лучший город Земли»¹. Вместе с тем для международного позиционирования города необходимо добиться глобального признания, в том числе посредством участия в мировых конкурсах, премиях и рейтингах. Сегодня правительство Москвы ориентируется на участие в рейтингах дружественных стран, создание собственных методологий, которые позволят объективно подходить к оценке позиции страны и городов. Особое место в этом направлении занимают страны БРИКС: рейтинги «Климатическая повестка городов БРИКС» (Москва – сбалансированный лидер среди 20 городов)², BRICS Urban & Innovation Environment Index (Москва заняла 4-е место среди 50 городов)³ и др.

Прямые инвестиции столицы: динамика и анализ

Ключевой формой зарубежного инвестиционного сотрудничества являются прямые иностранные инвестиции [7]. С 2014 г. данные по инвестиционной активности России и ее регионов формирует и публикует Центральный банк Российской Федерации (до 2014 г. данные полномочия были возложены на Росстат, согласно методологии которого объем ПИИ считался по данным организаций, представивших отчетность без учета органов денежно-кредитного регулирования и коммерческих банков). Выбор ответственного органа за расчет международных потоков инвестиций был сделан с учетом разработанной Центробанком России методологии, которая включает в себя как оценку реального сектора экономики, так и финансового, в то время как Росстат учитывал исключитель-

¹ URL: <https://www.sobyanin.ru/achievements/bestcity>

² См.: BRICS Urban Climate Agenda Report, 2024. – August.

³ См.: BRICS Urban & Innovation Environment Index. – 2024. – Vol. II.

но нефинансовый сектор, что приводило к заниженному показателю объема международного движения капитала.

На рис. 1 представлена динамика входящих ПИИ в Москву и в Россию с 2011 по 2021 г., а также доля ПИИ в Москву от общего объема ПИИ в страну.

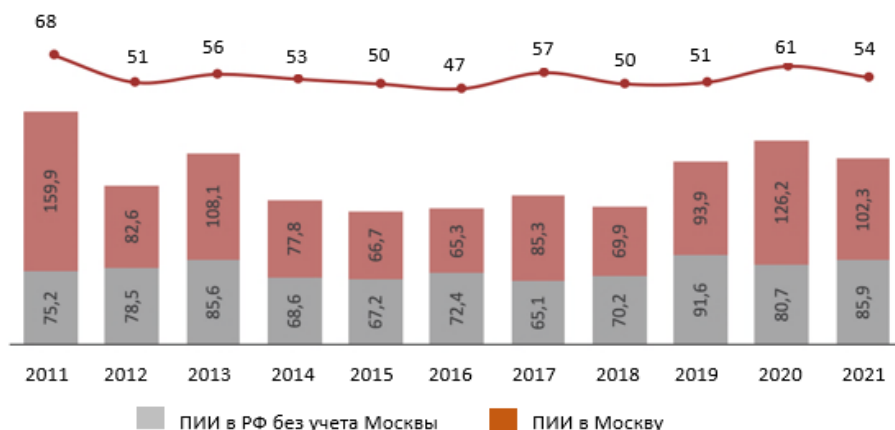

Рис. 1. Входящие ПИИ в Москву и в Российскую Федерацию (в млрд долл.) и доля ПИИ в Москву от объема ПИИ в Российскую Федерацию (в %)¹

Объемы ПИИ в Москву колебались от почти 159,9 млрд долларов в 2011 г. до 65 млрд долларов в 2017 г. На объемы прямых инвестиций влияют как внутренняя среда (местное законодательство, лояльность правительства к зарубежным инвесторам, стабильность внутренних политических процессов, экономическая привлекательность и пр.), так и внешняя (общие мировые кризисы, волатильность международных процессов и т. д.). К примеру, по методологии Росстата, поступление ПИИ в Москву уменьшилось в результате воздействия мирового финансового кризиса 2008 г. Так, объемы ПИИ в столицу упали более чем с 27 млрд долларов в 2007 и в 2008 гг. до 15,9 млрд долларов в 2009 г. и 13,8 млрд долларов в 2010 г.² По данным Центробанка России, в столице заметно сократился объем входящих прямых инвестиций – с 85,6 млрд долларов в 2013 г. до 68,6 млрд долларов в 2014 г., что обусловлено в первую очередь неблагоприятной политической конъюнктурой, которая сформировалась в связи с обострением ситуации на украинском направлении.

¹ Рис. 1–3 составлены по данным Центрального банка Российской Федерации (статистика внешнего сектора). – URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/

² Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Москва как глобальный город притягивает ежегодно более 50% всех прямых инвестиций в Россию. Данный показатель не подвержен значительным изменениям в динамике по годам, что доказывает стабильность прямых инвестиций в Москву и привлекательность столичной экономики среди иностранных инвесторов. Столице удается обеспечивать высокие показатели привлечения ПИИ благодаря передовой и высокотехнологичной экономике, а также развитому сектору производства с высокой деловой активностью. При этом Москва обладает рядом конкурентных преимуществ для инвестирования как точка входа на рынок Российской Федерации и стран СНГ в качестве доступа к трудовым ресурсам и научному потенциалу¹.

Высокая деловая и инвестиционная активность Москвы в свою очередь показывает возможность инвестирования в зарубежные страны [15]. Так, инвесторы, зарегистрированные на территории Москвы, вкладываются в зарубежные предприятия: их доля от общероссийского объема исходящих ПИИ составляет более 60% ежегодно (рис. 2). Объемы исходящих ПИИ из Москвы изменяются в динамике по годам с 2011–2021 гг.: максимального значения указанный показатель достиг в 2021 г. и составил 133,8 млрд долларов, минимального – в 2011 г. – 63,5 млрд долларов.

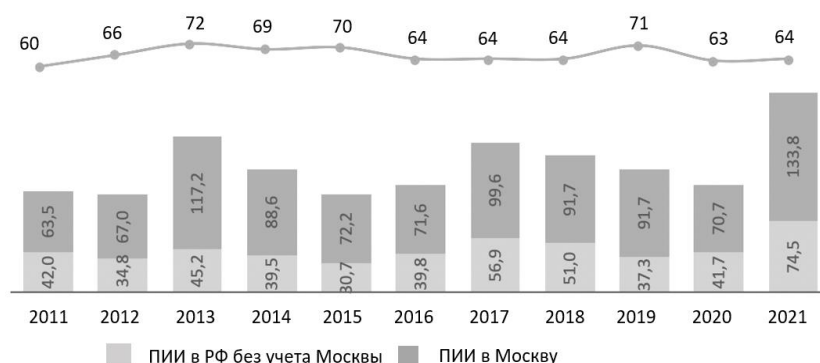

Рис. 2. Исходящие ПИИ из Москвы и Российской Федерации (в млрд долл.); доля ПИИ из Москвы от объема ПИИ из Российской Федерации (в %)

На рис. 3 представлены данные по накопленным входящим ПИИ в Москву с 2015–2021 гг. Накопленные ПИИ отражают объем инвестиций к определенному промежутку времени. В целом динамику ПИИ Москвы можно охарактеризовать как умеренно положительную: объемы входящих ПИИ имеют тенденцию к росту, общий объем накопленных ПИИ в

¹ См.: Москва в цифрах. – URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/moscow-in-numbers>

2021 г. составил почти 250 млрд долларов, что на 41% больше, чем в 2015 г. Доля накопленных прямых инвестиций в Москве ежегодно составляет более 40% от аналогичного показателя по стране в целом, что подтверждает значительную роль Москвы и столичного бизнеса в реализации внешнеэкономических связей России.

Рис. 3. Накопленные входящие ПИИ Москвы по инструментам (в млн долл.)

В настоящий момент Центробанк России представил статистику по входящим и исходящим ПИИ до 2021 г. включительно, при этом более актуальные сведения отсутствуют. Динамика накопленных ПИИ представлена Центробанком до 2024 г. включительно лишь на страновом уровне. Тем не менее в целях оценки общей динамики развития ПИИ в Москве целесообразным представляется использование сведений о движении иностранного капитала в России. Так, объем накопленных входящих ПИИ в Российской Федерации с 2022 г. снижался и составил в 2022 г. почти 360 млрд долларов, в 2023 г. – 279 млрд долларов, в 2024 г. – более 216 млрд долларов. Накопленные входящие ПИИ в страну уменьшились в стоимостном объеме в 2024 г. почти на 60% по сравнению с докризисным 2021 г.; объем таких инвестиций составил более 497 млрд долларов.

На Москву традиционно приходится приблизительно половина всех накопленных инвестиций в стране. Таким образом, можно сделать вывод, что после начала острой фазы геополитического противостояния (с 2022 г.) наблюдается тенденция сокращения притока ПИИ в Россию в целом и в столичный мегаполис в частности, а также уменьшение накопленных прямых инвестиций в связи с уходом ряда зарубежных компаний из России. Данная ситуация обусловлена, во-первых, значительными политическими и экономическими рисками для иностранных инвесторов, что нашло отражение в ухудшении позиции России, в частности Москвы,

в международных рейтингах, во-вторых, общим мировым трендом, связанным с сокращением международных потоков капитала в связи с нестабильной глобальной конъюнктурой¹. Вместе с тем с учетом политики правительства Российской Федерации, направленной на деофшоризацию экономики и репатриацию российского капитала, возможно увеличение притока ПИИ из офшорных юрисдикций, в основном в форме возвращения капитала².

Иностранный бизнес в Москве

Москва, обладая значительным экономическим и финансовым потенциалом, всегда притягивала иностранный капитал. Характерной чертой ПИИ является их долгосрочный характер. Инвестор, открывая собственный бизнес за рубежом или совместное предприятие с иностранной компанией, рассчитывает на долгосрочную перспективу, например, на выход своей продукции на новые рынки, расширение производственных линий, поиск новых подходов к производству и дистрибуции товаров и услуг, а не на краткосрочное извлечение прибыли от конкретного проекта. Данная характеристика прямых инвестиций особенно заметна в условиях волатильности факторов внешней среды: такие инвесторы даже при неблагоприятных условиях не склонны принимать поспешные решения о выводе своего капитала.

В настоящий момент Росстат публикует статистику о зарегистрированных в России и ее регионах субъектах предпринимательства, в том числе в разрезе форм собственности. Для проведения анализа активности иностранного бизнеса целесообразно рассмотреть две формы собственности: иностранную, которая включает в себя собственность международных организаций, иностранных государств, иностранных юридических лиц, граждан и совместную российскую и иностранную собственность, ту которая юридически принадлежит российскому юридическому лицу и основана на объединении имущества российских и иностранных лиц.

В России и в Москве зарегистрировано большее количество предприятий, обладающих иностранной собственностью, чем совместной российской и иностранной собственностью: в 2023 г. было зарегистрировано почти 30 тыс. организаций с иностранной собственностью, что более чем в 3,6 раза больше, чем количество предприятий с совместной собственностью, действующих в столице (табл. 2). Более того, в столице зарегистрировано почти 50% всех предприятий с иностранной собственностью в России. Данное обстоятельство связано в первую очередь с тем, что

¹ См.: World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government. – URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>

² См.: Власти раскрыли детали нового плана по деофшоризации бизнеса. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/05/2023/645cc5829a7947e148e97c2c>

статистически в иностранную собственность включаются не только коммерческие организации, но и международные, иностранные организации, к примеру, представительства учреждений ООН, посольства и консульства зарубежных государств и пр. Москва – столица России и выступает ключевым городом в сфере международного сотрудничества для всей России, что предопределяет нахождение основных представительств международных организаций и иностранных государств именно на ее территории.

Т а б л и ц а 2

**Количество предприятий в России и Москве
по формам собственности* (в тыс. ед.)**

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего организаций в Российской Федерации	4 765	4 562	4 215	3 827	3 517	3 345	3 285	3 264
Иностранная собственность								
Российская Федерация	103,9	110,9	102,9	94,1	84,4	76,4	66,5	61,9
Москва	52,9 (51%)	56,6 (51%)	48,9 (47,5%)	44,8 (47,7%)	39,7 (47%)	35,2 (46%)	31 (46,6%)	28,9 (46,7%)
Совместная собственность								
Российская Федерация	49,8	45,3	39,8	35,1	30,9	28,2	23,6	21
Москва	20,5 (41,2%)	18,7 (41,2%)	15,7 (39,5%)	13,5 (38,3%)	11,9 (38,6%)	10,7 (38,1%)	8,9 (37,8%)	8 (37,9%)

* Составлено по данным Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Примечание: в скобках указана доля таких организаций в Москве от их количества по России.

Организации с совместной российской и иностранной собственностью рассредоточены по всей территории России, тем не менее заметна их концентрации в Москве: почти 40% всех организаций с совместной собственностью располагаются в столице. Влияние динамики ПИИ на количество иностранной и совместной собственности в стране очевидно. Так, российский исследователь С. В. Казанцев отмечает, что «наращивание объемов прямых иностранных инвестиций в общем случае ведет к расширению иностранной собственной и совместной собственности» [10. – С. 45].

Безусловно, создавшаяся политическая ситуация во многом оказала негативное влияние на присутствие иностранных инвесторов на московском и российском рынках. Так, согласно оценкам доктора экономических наук Л. В. Шкваря, «наличие (или преобладание) неэкономических

причин притока ПИИ отчасти объясняет и весьма волатильную динамику притока прямых инвестиций в российскую экономику» [22. – С. 156].

И если во время ковидного кризиса иностранный бизнес остался в России, то нынешний кризис носит ярко выраженную политическую окраску, что вынуждает многие иностранные компании покинуть Россию под давлением страны происхождения инвестора.

Подтверждением нежелания инвесторов покидать российский рынок служит тот факт, что многие зарубежные компании сначала лишь приостановили деятельность, при этом оставив в своей собственности торговые площади или сохранив аренду своих помещений для возможности возобновления работы в кратчайшие сроки (например, французская сеть спортивных магазинов Decathlon, приостановив деятельность в 2022 г., официально покинула Россию лишь осенью 2023 г.¹; марки крупной корпорации LVMH закрылись в 2022 г., но продолжают занимать торговые площади в столице)². Согласно статистическим данным, наблюдается сокращение иностранной и совместной собственности в России и Москве с 2020 г. до настоящего времени, что вызвано сначала ковидным, а потом начавшимся с 2022 г. геополитическим кризисом.

Таким образом, тенденция ухода иностранного капитала из России, в частности из Москвы, носит поступательный характер. Во-первых, можно отметить желание таких компаний продолжить деятельность на российском рынке с точки зрения экономической целесообразности. Во-вторых, российские власти и отечественный бизнес получили возможность подготовиться к процессу замещения ушедшего иностранного бизнеса либо посредством импортозамещения, либо привлечения капитала из дружественных стран.

Несмотря на закрытие ряда иностранных предприятий в России в связи с геополитическим напряжением, некоторые иностранные представительства крупных транснациональных компаний продолжают вести коммерческую деятельность на территории России. Аналитики Forbes ежегодно формируют перечень 50 крупнейших иностранных компаний в России по объему выручки (табл. 3).

Так, в 2024 г. из 50 зарубежных организаций, работающих в России, 33 (66%) были зарегистрированы в Москве, 8 (16%) – в Московской области и 9 – в других субъектах Российской Федерации. Таким образом, заметна явная концентрация иностранного капитала в столичной агломе-

¹ См.: Французский бренд признал поставки товаров в Россию после ухода из страны. – URL: <https://rsport.ria.ru/20231220/decatlon-1916940769.html>

² См.: Более 70% люксовых брендов не ушли из России. – URL: https://shoppers.media/news/13802_bolee-70-liuksovyx-brendov-ne-usli-iz-rossii

рации, на долю которой приходится 82%, или 41 крупнейшая иностранная организация.

Т а б л и ц а 3

**Наиболее крупные по объему выручки иностранные компании,
зарегистрированные в Москве***

Наименование организации	Штаб-квартира	Отрасль деятельности
АО «ЧЕРИ АВТОМОБИЛИ РУС»	Китай	Автомобили
ООО «ДЖ.Т.И. РОССИЯ»	Япония	Табачная промышленность
ООО «ФИЛИП MORRIS СЭЙЛЗ ЭНД МАРКЕТИНГ»	США	Табачная промышленность
АО «РАЙФАЗЕНБАНК»	Австрия	Финансовая деятельность
ООО «МЕТРО КЭШ ЭНД КЕРРИ»	Германия	Торговля
ООО «НЕСТЛЕ РОССИЯ»	Швейцария	Пищевая промышленность
ООО «ДЖИЛИ-МОТОРС»	Китай	Автомобили
ООО «ФАВ-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»	Китай	Автомобили
ООО «ПРОВИМИ»	США	Пищевая промышленность
ООО «СТЕЛЛАР КОНСТРАКШН»	Турция	Строительство
ООО «ЧАНЬАНЬ МОТОРС РУС»	Китай	Автомобили
ООО «ХАЙЕР ЭЛЕКТРИКАЛ ЭППЛАЕНСИС РУС»	Китай	Бытовая техника и электроника
ООО «МУЛТОН ПАРТНЕРС»	Швейцария	Пищевая промышленность
ООО «ПРОКТЕР ЭНД ГЭМБЛ ДИСТРИБЬЮТОРСКАЯ КОМПАНИЯ»	США	Товары массового спроса
ООО «САМСУНГ ЭЛЕКТРОНИКС РУС КОМПАНИ»	Южная Корея	Электроника
АО «ЮНИКРЕДИТ БАНК»	Италия	Финансы
АО «БАЙЕР»	Германия	Фармацевтика
АО «ТОРГОВЫЙ ДОМ «БЕЛАЗ»	Беларусь	Автомобили
ПАО «ФОРВАРД ЭНЕРГО»	Финляндия	Электроэнергетика
АО «САНОФИ РОССИЯ»	Франция	Фармацевтика
АО «САНДОЗ»	Швейцария	Фармацевтика
ООО «ДЖОНСОН & ДЖОНСОН»	США	Товары массового спроса
ООО «АСТРАЗЕНЕКА ФАРМАСЬЮТИКАЛЗ»	Великобритания	Фармацевтика
ООО «АЙ ЭЙЧ ПИ АППЛАЕНСЕС СЕЙЛС» (ликвидировано в 2025 г.)	Турция	Бытовая техника и электроника
АО «ЛОРЕАЛЬ»	Франция	Товары массового спроса
ООО «ГОРЕНЬЕ БТ»	Китай	Электроника
ООО «СИНГЕНТА»	Швейцария	Агротехнологии
ООО «ЭББОТТ ЛЭБОРАТОРИЗ»	США	Фармацевтика
ООО «СЮЙГУН РУ»	Китай	Машиностроение
ООО «СИАРСИСИ РУС»	Китай	Строительство
АО «ОТП БАНК»	Венгрия	Финансы и инвестиции
ООО «ДЖАК АВТОМОБИЛЬ»	Китай	Автомобили
ООО «ФЭШН РИТЕЙЛ ГРУП» (Fes Retail)	Китай	Торговля

* Составлено по данным Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/520357-50-krupnejsh-inostrannyh-kompanij-v-rossii-2024-rejting-forbes>

Кроме частных инвесторов, которые реализуют в Москве собственные и совместные с московскими коммерческими компаниями инициа-

тивы, столица открыта к реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП) [20]. У правительства Москвы накоплен значительный опыт реализации таких проектов с отечественными компаниями для привлечения частных инвестиций в крупные городские проекты, а также с иностранными компаниями. В число проектов, реализованных с иностранными компаниями в рамках ГЧП, входят:

- открытие медицинского диагностического центра (Международный медицинский кластер) в Сколково совместно с израильской клиникой «Хадасса»¹;
- строительство Большой кольцевой линии метро при участии китайской компании China Railway Construction Corporation, совместно с городским инжиниринговым холдингом «Мосинжпроект»²;
- строительство канатной дороги над Химкинским водохранилищем при участии швейцарской компании Barthotel Maschinenbau AG в рамках концессионного соглашения³.

Несмотря на успешный опыт Москвы в привлечении иностранных инвестиций, очевиден общий тренд в сфере развития международного инвестиционного сотрудничества: уменьшение объема зарубежных инвестиций в связи с общей экономической и политической нестабильностью. Стабильные и добрососедские отношения с дружественными России юрисдикциями в перспективе позволят наращивать объемы ПИИ благодаря привлечению представительств иностранных компаний в Москву; особые надежды в данном направлении возлагаются на страны БРИКС+ [14] и страны постсоветского пространства [5].

Таким образом, необходимо изучать опыт отдельных субъектов Российской Федерации по развитию международного инвестиционного сотрудничества. Определенный исследовательский и практический интерес вызывает опыт Москвы по привлечению прямых иностранных инвестиций в связи с масштабным характером деятельности.

Вместе с тем проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В текущих условиях геополитических трансформаций инвестиционный имидж Москвы подвержен влиянию негативных оценок со стороны зарубежных рейтинговых агентств. При этом следует отметить попытки убрать Москву из мировых рейтингов (традиционно ведущими

¹ URL: <https://www.mimc.ru/ru/>

² См.: Мосинжпроект и китайская компания подписали соглашение о строительстве восточного участка БКЛ метро. – URL: <https://stroim.mos.ru/news/mosinzhproiekt-i-kitaiskaia-kompaniia-podpisali-soghlashenie-o-stroitel-stvie-vostochnogho-uchastka-bkl-mietro>

³ См.: Оборудование для канатной дороги между станциями «Речной вокзал» и «Сходненская» будут производить на территории ОЭЗ «Технополис Москва». – URL: <https://www.mos.ru/news/item/69365073/>

считались рейтинги от западных составителей). Однако достижения Москвы невозможно игнорировать. Подход правительства Москвы к международному позиционированию столицы в таких условиях должен придерживаться следующего принципа: необходимо не отказываться от стратегии глобального позиционирования и поддерживать диалог с дружественными странами.

2. Характерными чертами международного инвестиционного сотрудничества Москвы являются особый статус региона: столичный мегаполис и глобальный город; лидер по объему ПИИ среди регионов России и трендсеттер в сфере международного инвестиционного взаимодействия в стране; наличие у правительства Москвы стратегии по глобальному позиционированию города.

Важно отметить статистические особенности учета ПИИ в разрезе субъектов Российской Федерации: в ПИИ Москвы включены все операции, связанные с компаниями, зарегистрированными на территории города. Международная инвестиционная деятельность крупных компаний, зарегистрированных в столице, но фактически не ведущих свою деятельность на ее территории, учитывается в статистике столицы [23].

3. Волатильность внешней среды и кризисные тенденции отрицательно влияют на динамику и характер международного инвестирования. Как правило, динамика прямых инвестиций менее подвержена краткосрочным шокам внешней среды, так как такой вид инвестиций направлен на долгосрочное сотрудничество в целях извлечения прибыли от реализуемой деятельности. Тем не менее нынешний геополитический кризис, который носит скорее структурный характер, и санкционное давление оказали серьезное негативное влияние как на традиционных зарубежных инвесторов столицы, так и на новых потенциальных инвесторов.

Важно подчеркнуть, что решение о прекращении деятельности иностранные компании принимали в связи с политическими, а не экономическими факторами. Таким образом, особенность нынешнего периода – прекращение фактической деятельности многими иностранными компаниями в России при сохранении собственности или арендуемых помещений – доказывает возможность возвращения зарубежного бизнеса при благоприятном политическом климате.

Список литературы

1. Аксенов И. А. Управление внешнеэкономической деятельностью на уровне региона // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. Экономические науки. – 2017. – № 4. – 10–15.

2. Булатов А. С., Габарта А. А., Сергеев Е. А. Опыт ведущих глобальных городов Европы по привлечению иностранных капиталовложений и трудовых мигрантов: возможности использования в России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2024. – № 1. – С. 142–158.

3. Булатова А. С., Габарта А. А., Сергеева Е. А. Роль глобальных городов Европы в притоке иностранных капиталов и трудовых мигрантов // Современная Европа. – 2021. – № 4. – С. 95–106.

4. Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 2014. – Серия 18. – № 4. – С. 122–137.

5. Географическая трансформация системы современных международных и внешнеэкономических связей города Москвы / под общ. ред. В. И. Тымчика. – М. : Ленанд, 2024.

6. Гурова И. П. Региональное распределение прямых иностранных инвестиций в российской экономике // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 3 (103). – С. 216–239.

7. Дементьев Н. П. Входящие и исходящие иностранные инвестиции в экономике современной России // ЭКО. – 2022. – № 2. – С. 115–139.

8. Дорохин А. Г., Волкова А. И. Международные связи Москвы: европейский вектор развития // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2021. – № 4. – С. 34–40.

9. Зиядуллаев Н. С., Рождественская И. А. Развитие внешнеэкономических связей Москвы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – № 7. – С. 27–38.

10. Казанцев С. В. Санкции и прямые иностранные инвестиции: ущерб для России и стран-санкционеров // Мир новой экономики. – 2020. – № 1. – С. 44–53.

11. Кузнецова О. В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – № 8 (6). – С. 47–62.

12. Мурадов Г. Л. Международные связи как фактор развития и имиджа Москвы // Управление мегаполисом. – 2009. – № 2-3. – С. 39–46.

13. Орджоникидзе И. Н. Москва привлекает инвестиции и выступает как инвестор // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2007. – Т. 3. – № 5 (14). – С. 65–66.

14. Прогунова Л. В., Коровяковский Д. Г., Иванов О. С. Повышение роли стран БРИКС+ в привлечении инвестиций в экономику России в условиях санкций // Горизонты экономики. – 2024. – № 3 (83). – С. 155–161.

15. Слuka Н. А., Карякин В. В., Колясев Е. Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 203–226.

16. Суданиц М. Б. Международные связи города Москвы в современных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 110–117.
17. Татаркин А. И., Линецкий А. Ф. Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона // Экономика региона. – 2009. – № 1. – С. 125–135.
18. Трещевский Ю. И., Щекина Е. В. Инвестиции с участием иностранного капитала в регионы России // Вестник ВГУ: Экономика и управление. – 2008. – № 1. – С. 54–60.
19. Тымчик В. И. Имидж как фактор эффективности внешнеэкономической деятельности Москвы // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2021. – № 3 (53). – С. 59–64.
20. Черемин С. Е. Город растущих возможностей // BigMoscow. – 2012. – № 11. – С. 4–10.
21. Черемин С. Е. Инвестиции в сотрудничество с зарубежьем: деловой и культурный облик Москвы // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2021. – № 3 (53). – С. 3–7.
22. Шкваря Л. В. Расширение БРИКС и новые возможности партнерства: макроэкономический анализ // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – № 10 (4). – С. 146–167.
23. Шустров М. А., Прогунова Л. В. Внешнеторговые связи города Москвы: развитие вопреки // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 4. – № 9 (150). – С. 166–183.
24. Cohen R. B. The New International Division of Labor: Multinational Corporations and Urban Hierarchy // Urbanization and Planning in Capitalist Society. – New York, 1981.
25. Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. – 1986. – Vol. 17. – P. 69–83. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x>
26. Hall P. G. The World Cities. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1966.
27. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. – Princeton : Princeton University Press, 1991.

References

1. Aksenov I. A. Upravlenie vneshneekonomicheskoy deyatel'nostyu na urovne regiona [Management of Foreign Economic Activity at the Regional Level]. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii. Regionalnoe prilozhenie. Ekonomicheskie nauki* [Modern Science-Intensive Technologies. Regional Application. Economic Sciences], 2017, No. 4, pp10–15. (In Russ.).

2. Bulatov A. S., Gabarta A. A., Sergeev E. A. Opyt vedushchikh globalnykh gorodov Evropy po privlecheniyu inostrannykh kapitalovlozheniy i trudovykh migrantov: vozmozhnosti ispolzovaniya v Rossii [Experience of Leading Global Cities in Europe in Attracting Foreign Investment and Labor Migrants: Possibilities for Use in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Bulletin. Series: International Relations], 2024, No. 1, pp. 142–158. (In Russ.).

3. Bulatova A. S., Gabarta A. A., Sergeeva E. A. Rol globalnykh gorodov Evropy v pritoke inostrannykh kapitalov i trudovykh migrantov [The Role of Europe's Global Cities in the Influx of Foreign Capital and Labor Migrants]. *Sovremennaya Evropa* [Current Europe], 2021, No. 4, pp. 95–106. (In Russ.).

4. Vershinina I. A., Polyakova N. L. Moskva: stolitsa – globalniy gorod – aglomeratsiya [Moscow: the Capital – a Global City – Agglomeration]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow University Bulletin. Sociology and Political Science], 2014, Seriya 18, No. 4, pp. 122–137. (In Russ.).

5. Geograficheskaya transformatsiya sistemy sovremennykh mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey goroda Moskvy [Geographical Transformation of the System of Modern International and Foreign Economic Relations of Moscow], edited by V. I. Tymchik. Moscow, Lenand, 2024. (In Russ.).

6. Gurova I. P. Regionalnoe raspredelenie pryamykh inostrannykh investitsiy v rossiyskoy ekonomike [Regional Distribution of Foreign Direct Investment in the Russian Economy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2019, No. 3 (103), pp. 216–239. (In Russ.).

7. Dementev N. P. Vkhodyashchie i iskhodyashchie inostrannye investitsii v ekonomike sovremennoy Rossii [Incoming and Outgoing Foreign Investment in the Economy of Modern Russia]. *EKO*, 2022, No. 2, pp. 115–139. (In Russ.).

8. Dorokhin A. G., Volkova A. I. Mezhdunarodnye svyazi Moskvy: evropeyskiy vektor razvitiya [Moscow's International Relations: European Vector of Development]. *Vestnik Universiteta Pravitelstva Moskvy* [Bulletin of the Moscow Government University], 2021, No. 4, pp. 34–40. (In Russ.).

9. Ziyadullaev N. S., Rozhdestvenskaya I. A. Razvitie vneshneekonomicheskikh svyazey Moskvy [Development of Moscow's Foreign Economic Relations]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2008, No. 7, pp. 27–38. (In Russ.).

10. Kazantsev S. V. Sanktsii i pryamyie inostrannye investitsii: ushcherb dlya Rossii i stran-sanktsionerov [Sanctions and Foreign Direct Investment: Damage to Russia and Sanctioning Countries]. *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], 2020, No. 1, pp. 44–53. (In Russ.).

11. Kuznetsova O. V. Nakoplennye inostrannye investitsii v rossiyskikh regionakh: territorialnaya struktura i rol ofshornogo kapitala [Accumulated Foreign Investment in Russian Regions: Territorial Structure and the Role of Offshore Capital]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2015, No. 8 (6), pp. 47–62. (In Russ.).

12. Muradov G. L. Mezhdunarodnye svyazi kak faktor razvitiya i imidzha Moskvy [International Relations as a Factor in the Development and Image of Moscow]. *Upravlenie megapolisom* [Management of the Megalopolis], 2009, No. 2-3, pp. 39–46. (In Russ.).

13. Ordzhonikidze I. N. Moskva privlekaet investitsii i vystupaet kak investor [Moscow Attracts Investments and Acts as an Investor]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2007, Vol. 3, No. 5 (14), pp. 65–66. (In Russ.).

14. Progunova L. V., Korovyakovskiy D. G., Ivanov O. S. Povyshenie roli stran BRIKS+ v privlechenii investitsiy v ekonomiku Rossii v usloviyakh sanktsiy [Increasing the Role of BRICS+ Countries in Attracting Investment into the Russian Economy Under Sanctions]. *Gorizonty ekonomiki* [Economic Horizons], 2024, No. 3 (83), pp. 155–161. (In Russ.).

15. Sluka N. A., Karyakin V. V., Kolyasev E. F. Globalnye goroda kak khaby novykh transnatsionalnykh aktorov [Global Cities as Hubs of New Transnational Actors]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 203–226. (In Russ.).

16. Sudants M. B. Mezhdunarodnye svyazi goroda Moskvy v sovremennykh usloviyakh [International Relations of the City of Moscow in Modern Conditions]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science], 2023, Vol. 23, No. 1, pp. 110–117. (In Russ.).

17. Tatarkin A. I., Linetskiy A. F. Razvitie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Rossii na osnove ispolzovaniya osobennostey sotsialno-ekonomicheskogo kompleksa regiona [Development of Foreign Economic Activity of Russia Based on the Use of the Features of the Socio-Economic Complex of the Region]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2009, No. 1, pp. 125–135. (In Russ.).

18. Treshchevskiy Yu. I., Shchekina E. V. Investitsii s uchastiem inostrannogo kapitala v regiony Rossii [Investments with the Participation of Foreign Capital in the Regions of Russia]. *Vestnik VGU: Ekonomika i upravlenie* [VSU Bulletin: Economics and Management], 2008, No. 1, pp. 54–60. (In Russ.).

19. Tymchik V. I. Imidzh kak faktor effektivnosti vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Moskvy [Image as a Factor in the Effectiveness of Moscow's Foreign Economic Activity]. *Vestnik Universiteta*

Pravitel'stva Moskvy [Bulletin of the Moscow Government University], 2021, No. 3 (53), pp. 59–64. (In Russ.).

20. Cheremin S. E. Gorod rastushchikh vozmozhnostey [City of Growing Opportunities] *BigMoscow*, 2012, No.11, pp. 4–10. (In Russ.).

21. Cheremin S. E. Investitsii v sotrudnichestvo s zarubezhem: delovoy i kulturniy oblik Moskvy [Investments in cooperation with foreign countries: business and cultural image of Moscow]. *Vestnik Universiteta Pravitelstva Moskvy* [Bulletin of the Moscow Government University], 2021, No. 3 (53), pp. 3–7. (In Russ.).

22. Shkvarya L. V. Rasshirenie BRIKS i novye vozmozhnosti partnerstva: makroekonomicheskiy analiz [BRICS Expansion and New Partnership Opportunities: a Macroeconomic Analysis]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, No. 10 (4), pp. 146–167. (In Russ.).

23. Shustrov M. A., Progunova L. V. Vneshnetorgovye svyazi goroda Moskvy: razvitie vopreki [Foreign Trade Relations of the City of Moscow: Development Despite Everything]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economy and Management: Problems, Solutions], 2024, Vol. 4, No. 9 (150), pp. 166–183. (In Russ.).

24. Cohen R. B. The New International Division of Labor: Multinational Corporations and Urban Hierarchy. Urbanization and Planning in Capitalist Society. New York, 1981.

25. Friedmann J. The World City Hypothesis. *Development and Change*, 1986, Vol. 17, pp. 69–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x>

26. Hall P. G. The World Cities. London, Weidenfeld & Nicolson, 1966.

27. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Princeton University Press, 1991.

Поступила: 22.02.2025

Принята к печати: 20.06.2025

Сведения об авторе

Максим Андреевич Шустров
аспирант кафедры международного
бизнеса РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: shustrov20002401@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2360-4678

Information about the author

Maksim A. Shustrov
Post-Graduate Student of the Department
of International Business of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: shustrov20002401@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2360-4678

Требования, предъявляемые к статье для публикации в журнале

Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

Структура статьи должна включать следующие обязательные элементы:

1. **Заглавие** статьи (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. **Инициалы и фамилию** автора(ов).
3. **Резюме** статьи (200–250 слов).
4. **Ключевые слова** (5–10 слов).
5. **Основной текст** (не более 30 тыс. знаков).
6. **Список литературы**.
7. **Сведения об авторе** (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, включая почтовый индекс, научная специализация, e-mail).

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах даются на русском и английском языке, пристатейный библиографический список на русском языке должен быть транслитерирован латиницей и переведен на английский язык.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова) в англоязычной версии указывать как **Plekhanov Russian University of Economics**.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволят облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Авторское резюме статьи является кратким изложением научной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение. В авторском резюме не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии статьи.

1. **Основная часть** статьи должна содержать в себе теоретико-методологическую часть, в которой определяется и обосновывается выбор методов для решения поставленного вопроса или проблемы; демонстрацию количественных и качественных данных, полученных в ходе ре-

ализации указанных методов и методик; обобщение и встраивание полученных результатов в интеллектуальную историю исследуемого предмета. Статья должна быть написана языком, понятным как специалистам в данной области, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в обсуждении темы. Оригинальность текста должна быть более 80%.

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в **квадратных скобках** порядкового номера упоминаемого произведения из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого произведения [3. – С. 5].

Текст печатается в редакторе MS Word через полтора интервала с одной стороны бумаги формата А4 шрифтом Times New Roman размером 12 пт, страницы нумеруются.

Рисунки должны иметь расширение, совместимое с MS Word. Все буквенные обозначения на рисунках необходимо пояснить в основном или подрисуночном тексте. Подписи к рисункам и заголовки таблиц обязательны. Поскольку журнал печатается в одну краску, использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

В математических формулах греческие и русские буквы следует набирать прямым шрифтом, латинские – курсивом. Нумеровать необходимо только те формулы, на которые есть ссылки в последующем изложении. Нумерация формул сквозная.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных списка литературы. Один список литературы для русскоговорящих читателей оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (**References**) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Транслитерировать можно автоматически с помощью **translit.ru**, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи, поступающие в редакцию журнала, проходят обязательное «слепое» рецензирование. По решению редколлегии журнала статьи могут быть отправлены автору на доработку или отклонены по формальным или научным причинам (автору направляется мотивированный отказ). Вместе со статьей авторы передают в редакцию лицензионный договор и акт передачи.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Плата за публикацию рукописи не взимается.